

II. Профессоръ Д. Θ. Лямбль, какъ членъ медицинскаго факультета и Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Харьковскаго университета.

Замѣчательная энергія и дѣятельность проф. Д. Θ. Лямбля отразилась и во время прохожденія имъ службы въ Харьковскомъ университетѣ. Не говоря о томъ, что онъ почти постоянно посѣщалъ засѣданія факультета и Совѣта, въ теченіе одиннадцатилѣтняго своего пребыванія въ Харьковѣ, онъ всегда былъ однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ въ этихъ засѣданіяхъ. Онъ интересовался не только тѣмъ, что непосредственно примыкало къ его специальности и кафедрѣ, но участвовалъ въ обсужденіи большинства вопросовъ, возникавшихъ въ факультетѣ и Совѣтѣ. Его многочисленныя «мнѣнія», «доклады», «рецензій», «рапорты» я проч. блещутъ солидными свѣдѣніями и обоснованы на научныхъ доказательствахъ. Это своего рода научные труды, остроумная критика, оригинальные ученые взгляды, высказанные въ засѣданіяхъ и не занесенные въ печать. Для полноты сужденія о научно-служебной дѣятельности проф. Д. Θ. Лямбля я полагаю необходимымъ *in extenso* привести представленныя имъ письменныя мнѣнія по различнымъ обстоятельствамъ и притомъ въ хронологическомъ порядкѣ. Изъ нижеслѣдующаго отчета въ тоже время ясно будетъ видно какъ много порученій дѣлано было факультетомъ Лямблю и какую массу труда онъ несъ, какъ членъ, въ особенности, факультета.

Въ 1859 году, лѣтомъ, проф. нормальной анатоміи Харьковскаго университета Т. С. Иллинскій перешелъ на службу въ Петербургъ, въ медико-хирургическую академію профессоромъ патологической анатоміи. Получивъ объ этомъ извѣщеніе, медицинскій факультетъ Харьковскаго университета, поручивъ, временно, въ 1859—60 акад. году преподаваніе нормальной анатоміи проз. Вилкомирскому, положилъ объявить конкурсъ на занятіе мѣста преподавателя по вакантной кафедрѣ анатоміи. Въ засѣданіи 2-го сентября 1859 года медицинскій факультетъ составилъ условія конкурса и назначилъ срокъ таковому 1-е апрѣля 1860 года. На конкурсъ явились три соискателя доктора медицины: В. Краузе, И. Вилкомирскій и Д. Θ. Лямбль. Послѣ разсмотрѣнія научныхъ трудовъ всѣхъ трехъ кандидатовъ и обсужденія достоинствъ ихъ въ засѣданіи 8 мая 1860 года, медицинскій факультетъ единогласно призналъ Д. Θ. Лямбля, какъ единственнаго, удовлетворившаго вполнѣ требованіямъ конкурса, и представилъ его въ Совѣтъ университета, какъ достойнѣйшаго кандидата

для занятія кафедры нормальной анатоміи ¹⁾. Въ засѣданіи Совѣта университета 17-го мая 1860 года произведена была баллотировка Д. Θ. Лямбля въ ординарные профессора по кафедрѣ анатоміи, при чемъ оказалось избирательныхъ 21 и неизбирательныхъ 3 балла. Съ Высочайшаго соизволенія Лямбль опредѣленъ 1860 года 6 сентября исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора по кафедрѣ анатоміи въ Харьковскомъ университетѣ. Такъ какъ о своемъ назначеніи Душанъ Ѳеодоровичъ получилъ извѣщеніе, находясь еще за границую, а именно въ Прагѣ, то поэтому явился на службу онъ только 12 января 1861 года.

Какъ только пріѣхалъ Д. Θ. Лямбль въ Харьковъ, то первымъ его дѣломъ было, для болѣе успѣшнаго и обширнаго преподаванія анатоміи, раздѣлить таковое, по примѣру заграничныхъ университетовъ, между двумя преподавателями; съ этой цѣлью онъ 17 января 1861 года вошелъ рапортомъ въ факультетъ съ просьбою поручить проз. Вилкомирскому въ 2 полугодіи 1890—1891 акад. года читать, подъ наблюденіемъ его, Лямбля, 6 час. въ недѣлю студентамъ 1 курса спланхнологію, ангиологію и неврологію; преподаваніе же студентамъ 2 курса Лямбль оставилъ за собою тоже въ количествѣ 6 часовъ въ недѣлю, при чемъ 3 часа назначались для чтенія ангиологіи и неврологіи, 1 часъ для общей анатоміи и 2 часа для микроскопическихъ занятій. Предложеніе это одобрено факультетомъ, а затѣмъ и Совѣтомъ (7 февр.) и наконецъ разрѣшено (23 февр.) г. попечителемъ.

Второю заботою Душана Ѳеодоровича было обставить, пополнить и расширить по возможности анатомическій театръ для того, чтобы можно было правильно вести преподаваніе и практическія занятія. Когда пріѣхалъ Д. Θ. Лямбль въ Харьковъ, то отдѣленіе анатоміи помѣщалось въ нижнемъ этажѣ главнаго университетскаго корпуса, въ центрѣ города. Все анатомическое отдѣленіе, предназначенное для кафедръ анатоміи и судебной медицины, а впослѣдствіи еще для патологической анатоміи, гистологіи и топографической анатоміи состояло изъ 2 комнатъ, назначенныхъ для музея, одной залы для вскрытій и практическихъ занятій студентовъ на трупахъ, одной маленькой комнаты для профессора, еще меньшей для прозектора и его помощника и аудиторіи, устроенной крайне неудобно и съ плохимъ освѣщеніемъ. Подъ прозекторской помѣщался погребъ, для храненія труповъ. Входъ въ аудиторію и въ пре-

¹⁾ Объ условіяхъ конкурса и обсужденіе научныхъ трудовъ всѣхъ трехъ кандидатовъ подробно изложено въ моей статьѣ „Прозекторъ И. О. Вилкомирскій, его служебная и литературная дѣятельность“, Записки Императорскаго Харьковскаго университета. 1895. Книга 3.

паровочный залъ былъ изъ темнаго корридора нижняго этажа. Короче сказать, помѣщеніе для анатоміи было весьма маленькое и неудовлетворительное во всѣхъ отношеніяхъ. Вентиляціи не было ровно никакой, кромѣ двухъ форточекъ, которыя зимою, по причинѣ холода, открывать было и неудобно и опасно, чтобы не простудиться; поэтому въ анатомической залѣ всегда царилъ специфическій, зловонный анатомическій запахъ, распространявшійся не только во всѣ помѣщенія анатоміи, но также по всему нижнему корридору и даже въ аудиторіи верхняго этажа корпуса. Къ этому необходимо добавить, что музей анатоміи имѣлъ крайне ничтожное количество препаратовъ нормальной и патологической анатоміи; необходимая обмундировка анатомическаго театра для веденія занятія была крайне мизерна, плоха и обветшала. Понятно, что мириться съ такими условіями Лямбль не могъ, а потому въ теченіе первыхъ лѣтъ своего служенія, и даже послѣ, главнымъ его стремленіемъ было, елико возможно, улучшить положеніе каѳедры анатоміи. Съ этой цѣлью, тотчасъ по пріѣздѣ въ Харьковъ, онъ обращается въ Правленіе университета съ просьбою расширить помѣщеніе и назначить 1600 рублей на разныя перестройки и пріобрѣтенія. Просимая сумма имѣла распредѣлиться слѣдующимъ образомъ:

1) На инструменты, микроскопы и микроскопическіе препараты	400 р.
2) На бѣлье и халаты для студентовъ, занимающихся трупосъченіемъ	100 р.
3) На устройство подвала для труповъ въ загородномъ анатомическомъ театрѣ	300 р.
4) На передѣлку оконныхъ рамъ въ анатомической аудиторіи на большія съ приспособленіемъ для микроскопическихъ изслѣдованій.	100 р.
5) На исправленіе старыхъ и на сдѣланіе новыхъ шкафовъ, столовъ разной величины и другой мебели.	600 р.
6) На устройство камина въ секціонной залѣ для очищенія воздуха.	100 р.

Правленіе университета сочувственно отнеслось къ неотложнымъ нуждамъ каѳедры анатоміи и если не сразу, то мало-по-малу находило средства удовлетворить просьбу Лямбля. Такъ, чрезъ годъ или полтора къ анатоміи присоединены были 2 большія сосѣднія комнаты, которыя до того служили квартирою для экзекутора. Въ томъ же году передѣлана аудиторія, сдѣланъ каминъ въ препаровочной, куплены новые инструменты, а въ послѣдующіе годы пріобрѣтено нѣсколько микроскоповъ: Плессля, Аличи и Шика. Постановка практическихъ занятій и микроско-

пическихъ демонстрацій, насколько позволяли мѣсто и средства, улучшилась. До 1862 года практическія занятія студентовъ на трупахъ, если и бывали, то только лишь днемъ по той причинѣ, что анатомическій театръ по вечерамъ не освѣщался и если кто нибудь изъ студентовъ желалъ работать вечеромъ, то долженъ былъ самъ приносить съ собой свѣчи. По настояніямъ Д. Θ. Лямбля съ 1862 года введено освѣщеніе нижняго корридора, аудиторіи и препаровочной залы посредствомъ масляныхъ лампъ.

Недостатокъ матеріала для практическихъ занятій побудилъ Лямбля обратиться въ Правленіе университета съ просьбою ходатайствовать чрезъ г. попечителя о доставкѣ труповъ изъ Чугуевского военнаго госпиталя. На это ходатайство полученъ слѣдующій отвѣтъ Правленія: «По представленію Правленія Его П-во, г. Попечитель относился къ начальству Чугуевского военнаго госпиталя съ просьбою объ увѣдомленіи, не встрѣчается-ли оно препятствія къ доставленію труповъ изъ Чугуевского военнаго госпиталя въ Харьковскій университетъ по почтѣ, съ отнесеніемъ потребныхъ при этомъ издержекъ на счетъ университета. Нынѣ Начальникъ 6 кавалерійской дивизіи, отношеніемъ отъ 14 февраля, увѣдомилъ, что, на запросъ его по сему предмету, контора Чугуевского военнаго госпиталя донесла ему, что трупы умершихъ въ госпиталѣ нижнихъ чиновъ могутъ быть отправляемы въ Харьковскій университетъ только тѣ, во вскрытіи которыхъ не встрѣчается надобности въ госпиталѣ по практической, или по судебно-медицинской части и при томъ, если контора госпиталя будетъ имѣть отъ университета сумму, нужную на издержки при пересылкѣ труповъ въ Харьковъ. При этомъ Его П-во Генераль-Лейтенантъ Мартыновъ присовокупилъ, что число больныхъ въ Чугуевскомъ военномъ госпиталѣ очень не велико; въ минувшемъ году среднее число больныхъ въ день не превышало 54 человекъ; смертные случаи рѣдки и почти всѣ умершіе, по желанію родственниковъ, или товарищей, тамъ же предаются погребенію. По этимъ причинамъ, а также по вышеозначенной надобности въ трупахъ для госпиталя, онъ полагаетъ, что Чугуевскій военный госпиталь почти не будетъ имѣть возможности доставлять трупы въ Харьковскій университетъ».

Пришлось поэтому ограничиться тѣмъ матеріаломъ, которымъ и прежде пользовался анатомическій театръ, а именно: Сабурова дача и Тюремный замокъ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1861 г. факультетъ поручилъ Д. Θ. Лямблю рецензировать сочиненіе лѣкаря Виктора Шеметова, подъ названіемъ «Монографія круглыхъ язвъ желудка», представленнаго какъ диссертация на степень доктора медицины. Рецензія признала диссертацию удовлетвори-

тельною и 23 февраля того же года Д. О. Лямбль въ первый разъ выступилъ въ Харьковѣ, какъ официальный оппонентъ при публичной защитѣ диссертациі лѣкаремъ Шеметовымъ.

16 апрѣля того же года Лямбль снова былъ официальнымъ оппонентомъ при публичной защитѣ диссертациі на степень доктора медицины лѣкаремъ Иваномъ Зарубинымъ, подъ заглавіемъ «Объ органическомъ возстановленіи нижней губы».

Въ засѣданіи Совѣта 2-го мая 1861 г. было заслушано прошеніе Д. О. Лямбля слѣдующаго содержанія: «Въ прошломъ 1860 году я издалъ на нѣмецкомъ языкѣ сочиненіе: *Патолого-анатомическія студіи и наблюденія въ ѳтской больницѣ въ Прагѣ*. Сочиненіе это въ 13 главахъ, касается содержаніемъ своимъ почти всѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ патологической анатоміи на основаніи специальныхъ наблюденій. Объемъ нѣмецкаго изданія заключается въ 25 листахъ текста, въ 25 литографическихъ и хромографическихъ таблицахъ и въ нѣсколькихъ рисункахъ, приложенныхъ къ самому тексту. Въ настоящее время я желаю бы напечатать это сочиненіе на русскомъ языкѣ, съ тѣми, однакожъ, необходимыми измѣненіями, которыя бы поставили самую книгу въ разрядъ учебныхъ книгъ. Достигнуть этого можно слѣдующимъ путемъ: 1) выпустить вовсе нѣкоторыя частныя наблюденія; 2) сократить общія разсужденія и присоединить новыя записки изъ матеріаловъ, находящихся въ моемъ вѣдѣніи въ Харьковскомъ университетѣ; 3) дополнить, гдѣ необходимо, общими взглядами и введеніями для начинающихъ; 4) употребить при этомъ таблицы и рисунки уже готовыя, чтобы не утратить оригинальность.

Объемъ новаго изданія, на русскомъ языкѣ, можетъ быть свободно сокращенъ на 14 листовъ текста съ введеніемъ тѣхъ новыхъ данныхъ и общихъ выводовъ, о которыхъ сказано выше. Что касается до стоимости рисунковъ, то на 25 таблицъ издержано въ нѣмецкомъ изданіи до 1250 руб. на тысячу экземпляровъ, по 50 руб. на каждую таблицу. Перепечатать ихъ для русскаго изданія, также на 1000 экземпляровъ будетъ стоить 500 рублей, потому что камни готовы въ литографіяхъ вѣнскихъ и пражскихъ. Слѣдуетъ только заказать надпись русскую и опредѣлить число экземпляровъ. Такъ какъ годовой срокъ, до котораго должны сохраняться камни, приходитъ къ концу, то и необходимо сдѣлать скорѣе распоряженіе.

Обратиться къ университету за этимъ изданіемъ казалось мнѣ вполне умѣстнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ: а) въ составъ прежняго изданія будетъ введенъ новый матеріалъ, заимствованный изъ Харьковскаго университета; б) книга можетъ быть полезна въ настоящее время, пре-

имущественно для здѣшнихъ студентовъ и с) наконецъ университету не предстоитъ ни малѣйшаго риска потому, что онъ можетъ продавать книгу дешевле стараго изданія».

Это предложеніе проф. Лямбля Совѣтъ передалъ на заключеніе медицинскаго факультета, который вполне одобрилъ вышеупомянутое сочиненіе Лямбля на нѣмецкомъ языкѣ, рекомендовалъ его, какъ отличное руководство, и выразилъ Совѣту желаніе, чтобы это сочиненіе было напечатано на русскомъ языкѣ. Получивъ такого рода отзывъ медицинскаго факультета, Совѣтъ университета въ засѣданіи своемъ 16 мая 1861 года призналъ полезнымъ имѣть сочиненіе Лямбля на русскомъ языкѣ, о чемъ и положилъ сообщить Правленію университета.

Не знаю почему, но, сколько мнѣ извѣстно, такое благое намѣреніе Душана Оедоровича, къ сожалѣнію, все же таки не реализировалось, хотя проф. Лямбль лѣтомъ 1861 г. ѣздилъ за границу и именно въ Прагу и Вѣну, а слѣдовательно могъ лично уговориться съ представителями литографій и типографій, гдѣ хранились камни съ рисунками къ его нѣмецкому сочиненію и такимъ образомъ уладить изданіе сочиненія на русскомъ языкѣ.

Въ началѣ 1861 года въ Совѣтъ университета поступило прошеніе доктора медицины Вильгельма Краузе съ изъявленіемъ желанія читать лекціи по патологической анатоміи въ Харьковскомъ университетѣ, въ качествѣ привать-доцента. При прошеніи приложена, между прочимъ, печатная работа Краузе «О строеніи сухожилій». Совѣтъ передалъ это дѣло на заключеніе медицинскаго факультета, а этотъ послѣдній поручилъ проф. Лямблю представить рецензію на сочиненіе Краузе. Требуемая рецензія была представлена факультету 6-го мая того-же года, хотя и въ лаконическомъ, но за то внушительномъ видѣ. Въ своемъ рапортѣ проф. Лямбль говоритъ: «Въ отвѣтъ на вопросъ медицинскаго факультета, относительно сочиненія д-ра Краузе «О сухожиліи», имѣю честь представить мнѣніе мое въ слѣдующихъ замѣчаніяхъ: 1) Самый *предметъ не касается патологической анатоміи*, которую д-ръ Краузе желаетъ читать въ качествѣ привать-доцента. 2) Въ сочиненіи авторъ не приводитъ *никакихъ новыхъ данныхъ*, даже пренебрегаетъ и извѣстными наблюденіями, находящимися въ учебныхъ книгахъ и специальныхъ сочиненіяхъ. 3) Кромѣ многихъ *недостатковъ, ошибокъ* и очевидно несправедливыхъ положеній, авторъ подвергается *заблужденіямъ* противъ самыхъ начальныхъ правилъ микроскопической науки».

Члены факультета, вполне раздѣляя мнѣніе проф. Лямбля, признали сочиненіе Краузе неудовлетворительнымъ для полученія имъ искомаго мѣста. На основаніи такого заключенія факультета, Совѣтъ отказалъ д-ру Краузе въ его просьбѣ.

14 мая 1861 года проф. Лямбль представилъ въ факультетъ свой лестный отзывъ о лекціяхъ проз. Вилкомирскаго ¹⁾ и просилъ о денежномъ награжденіи за труды проз. Вилкомирскаго и помощника прозектора Гумбурга, на что факультетъ выразилъ свое согласіе.

23 февраля 1861 г. медицинскій факультетъ поручилъ проф. Лямблю рассмотреть сочиненіе доктора медицины Дмитрія Киселева «Объ эпителиальномъ ракѣ», представленное для полученія званія приватъ-доцента по кафедрѣ частной патологии и терапіи. Лямбль далъ о сочиненіи удовлетворительный отзывъ и защита означенной диссертациі *pro venia legendi* состоялась 23 мая того же года въ присутствіи гг. членовъ факультета и Совѣта, причемъ оппонентами были профф. Демонси и Лямбль.

Въ засѣданіи медицинскаго факультета 20 мая 1861 г. проф. Лямблю предложено было взять на себя трудъ преподавать патологическую анатомію, на что Душанъ Ѳеодоровичъ и выразилъ свое согласіе.

28 сентября 1861 г. на имя декана медицинскаго факультета поступило прошеніе студента 3-го курса медицинскаго факультета Якова Кремьянскаго слѣдующаго содержанія: «Г. проф. Лямбль, въслѣдствіе просьбы студентовъ медицинскаго факультета, изъявляетъ свое согласіе, въ пособіе студентскимъ занятіямъ, содѣйствовать литографированію записокъ патологической анатоміи, составленныхъ по демонстраціямъ и лекціямъ его по патологической анатоміи, принимаетъ на себя трудъ провѣрять составленные для этой цѣли записки и держать корректуру рисунковъ. При этомъ онъ принимаетъ въ уваженіе представленные студентами доводы, что дѣйствительно на переписку лекцій бесполезно тратится много времени и что въ неисправныхъ рукописяхъ легко можетъ быть измѣненъ и самый смыслъ лекцій. Я, по предложенію проф. Лямбля и нѣкоторыхъ изъ студентовъ, принимаю на себя обязанность заботиться о составленіи лекцій и о приведеніи дѣла къ исполненію, руководствуясь при этомъ тою мыслию, что трудъ мой будетъ облегченъ, во-первыхъ, тѣмъ, что я уже разъ выслушалъ часть курса патологической анатоміи г. Лямбля и занимался составленіемъ его лекцій и, во-вторыхъ, тѣмъ, что приглашаю для этой цѣли нѣсколькихъ студентовъ въ компанію. Что касается денежныхъ средствъ, которыя нужны для расходовъ по этому дѣлу, то они образуются изъ того, что студенты соглашались вносить деньги впередъ по подпискѣ и слѣдовательно съ этой стороны дѣло обезпечивается студентами и еслибы по распродажѣ всѣхъ экземпляровъ получился прибыльокъ, по выключеніи всѣхъ расходовъ, то часть его назначается въ студенческую кассу для вспомо-

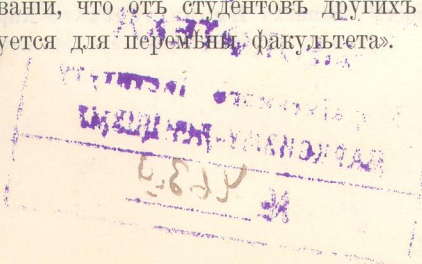
¹⁾ Подробно отзывъ напечатанъ въ моей статьѣ „Проз. И. О. Вилкомирскій, его служебная и литературная дѣятельность“. Записки Императорскаго Харьковскаго университета. 1895. Книжка 3.

моженія бѣднымъ товарищамъ, часть для студенческой библіотеки. Но для того, чтобы литографированныя лекціи могли служить пособіемъ для студенческихъ занятій и въ теченіе настоящаго курса и оканчивающимъ курсъ для экзамена, я, согласно желанію студентовъ, предполагаю дѣлать отдѣльные выпуски записокъ въ продолженіе текущаго учебнаго года, по мѣрѣ накопленія матеріала. По сему честь имѣю просить Ваше Превосходительство дозволить мнѣ литографировать въ одной изъ Харьковскихъ частныхъ литографій записки, составляемыя мной по демонстраціямъ и лекціямъ патологической анатоміи проф. Д. Θ. Лямбля и провѣренныя Лямблемъ». Это прошеніе студента Кремянскаго г. деканъ внесъ для обсужденія въ факультетъ, который, находя изданіе литографированныхъ записокъ весьма полезнымъ, положилъ ходатайствовать о разрѣшеніи литографировать записки. Совѣтъ университета, находя съ своей стороны полезнымъ изданіе записокъ и, справившись съ законоположеніями по сему дѣлу, опредѣлить: разрѣшить, съ одобренія факультетской цензуры, изданіе литографированныхъ записокъ проф. Лямбля, но съ тѣмъ, чтобы каждый листъ таковыхъ записокъ передъ отправкою въ литографію былъ рассмотрѣнъ и одобренъ факультетомъ, скрѣпленъ по листамъ деканомъ или секретаремъ факультета, прошнурованъ и утвержденъ въ концѣ университетскою печатью.

Записокъ патологической анатоміи Лямбля, составленныхъ Кремянскимъ, вышло всего три выпуска, изъ нихъ первые два заключаютъ въ себѣ остеопатологію и артропатологію, а въ третьемъ изложены pseudoplasmata.

Въ октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцахъ 1861 года Д. Θ. Лямбль три раза выступалъ въ качествѣ оппонента при публичной защитѣ диссертаций на степень доктора медицины лѣкарями: Александромъ Рончевскимъ (10 октября) «Общее кровоупусканіе, какъ противовоспалительное средство на Кавказѣ», Александромъ Односумовымъ (18 октября) «Болезни печени при перемежающейся лихорадкѣ» и Евгеніемъ Скобликовымъ (12 ноября) «Объ ущемленныхъ паховыхъ грыжахъ и ихъ лѣченіи».

Въ засѣданіе Совѣта 7 ноября 1861 года поступило слѣдующее заявленіе проф. Лямбля: «По существующему нынѣ порядку, для перехода студентовъ медицинскаго факультета въ другіе факультеты, требуется со стороны профессора засвидѣтельствованіе объ ихъ отвращеніи къ трупосѣченіямъ; но такъ какъ отвращеніе къ трупосѣченіямъ составляетъ собственное внутреннее чувство нѣкоторыхъ студентовъ, о которомъ судить другому невозможно, то осмѣливаюсь предложить гг. членамъ Совѣта ходатайствовать объ освобожденіи студентовъ медицинскаго факультета отъ подобной формальности при переходѣ ихъ въ другіе факультеты на томъ основаніи, что отъ студентовъ другихъ факультетовъ ничего подобнаго не требуется для перемѣны факультета».

Гг. члены Совѣта положили ходатайствовать въ смыслъ рапорта проф. Лямбля.

Съ сентября 1861 года проф. Лямбль, кромѣ описательной и микроскопической анатоміи, преподавалъ еще, по порученію факультета, и патологическую анатомію. Матеріаль для демонстрацій по послѣднему предмету былъ первое время очень скудный и насколько Лямбль былъ благодаренъ и признателенъ тѣмъ лицамъ, которыя давали ему таковой матеріаль, можно видѣть изъ его рапорта 12 января 1862 года въ факультетъ, въ которомъ онъ пишетъ:

«Честь имѣю донести медицинскому факультету, что въ зимнемъ семестрѣ 1861—62 академическаго года изъ патологической анатоміи мною пройдена и демонстрирована, то на препаратахъ, находящихся отчасти въ кабинетѣ, то на рисованіи препаратовъ, видѣнныхъ мною въ европейскихъ анатомическихъ кабинетахъ, вся остеопатологія, которая и налитографирована моими слушателями студентами. Кромѣ того нѣсколько десятковъ разъ были демонстрированы патологическія измѣненія, находимыя въ органахъ, присылаемыхъ изъ Харьковскихъ Богоугодныхъ заведеній, какъ-то: въ мозгѣ, легкихъ, сердцѣ, печени, селезенкѣ, кишечномъ каналѣ, почкахъ, мочевомъ пузырьѣ и половыхъ органахъ, а равно также были демонстрированы почти на каждой лекціи новообразованія, полученные изъ хирургической клиники. Такъ какъ въ доставленіи патологическихъ препаратовъ, изъ которыхъ многіе по своей рѣдкости и важности сохранены, содѣйствуютъ старшій врачъ Харьковскихъ Богоугодныхъ заведеній докторъ Шеметовъ и проф. Грубе, то покорнѣйше прошу медицинскій факультетъ довести до свѣдѣнія высшаго начальства объ изъявленіи благодарности доктору Шеметову и проф. Грубе за доставленную ими возможность объяснить нагляднымъ образомъ патологическія измѣненія органовъ и новообразованія на лекціяхъ патологической анатоміи, которыя были посѣщаемы не только студентами III, IV и V курсовъ, но также лѣкарями и докторами г. Харькова и пріѣзжими». На основаніи этого рапорта отъ медицинскаго факультета и Совѣта университета выражена была благодарность доктору Шеметову и проф. Грубе.

Радѣя о пополненіи анатомическаго театра всѣми учебными пособиями, проф. Лямбль, между прочимъ, заботится также и объ основаніи библіотеки при анатомическомъ кабинетѣ, что ясно видно изъ его рапорта отъ 22 января 1862 года въ медицинскій факультетъ, въ коемъ онъ пишетъ: «Желая завести маленькую библіотеку при анатомическомъ кабинетѣ для справокъ, честь имѣю при семъ представить счетъ взятыхъ мною анатомическихъ книгъ на русскомъ языкѣ у комиссіонера нашего университета Петра Апарина и вмѣстѣ съ тѣмъ покорнѣйше просить медицинскій

М. А. Поповъ.

факультетъ сдѣлать распоряженіе о приобрѣтеніи оныхъ для анатомическаго кабинета съ уплатою денегъ, слѣдуемыхъ за книги, по прилагаемому здѣсь счету, книгопродавцу Апарину изъ суммы, отпускаемой на анатомическій кабинетъ».

25 февраля 1862 года проф. Лямбль былъ въ числѣ официальныхъ оппонентовъ при публичной защитѣ диссертациі лѣкаремъ Дмитриемъ Петровымъ, подъ названіемъ «Объ органическомъ суженіи мочеваго канала».

Въ маѣ 1862 года въ Лондонѣ имѣла быть всемірная выставка, въ которой принимала участіе и Россія. Такъ какъ на эту выставку приглашались отъ каждаго государства представители, которые могли-бы въ качествѣ экспертовъ и судей участвовать при оцѣнкѣ достоинствъ выставленныхъ предметовъ по различнымъ отраслямъ производства, то поэтому министръ народнаго просвѣщенія графъ Путятинъ, загодя, еще въ февралѣ мѣсяцѣ того же года, сдѣлалъ запросъ въ университеты, въ томъ числѣ и въ Харьковскій, о томъ, не желаетъ ли кто-нибудь изъ профессоровъ отправиться въ Лондонъ на выставку въ качествѣ судьи въ 29-й классъ всемірной выставки, объемлющій учебныя пособія и приборы. Вызовъ этотъ былъ заслушанъ въ засѣданіи Совѣта университета 6 февраля 1862 года, причемъ изъ присутствовавшихъ профессоровъ изъявили желаніе поѣхать на выставку съ означенною цѣлью проф. Соколовъ и Лямбль съ условіемъ, чтобы имъ дано было пособіе, сверхъ получаемаго ими содержанія по университету, по 300 руб. въ мѣсяцъ, а изъ отсутствовавшихъ профессоровъ г. Лапшинъ выразилъ, что онъ также согласенъ на эту командировку, предоставляя назначеніе пособія на усмотрѣніе начальства. Кромѣ того, въ то же засѣданіе поступило прошеніе Лямбля, въ коемъ онъ изъясняетъ, что на всемірной выставкѣ въ Парижѣ въ 1856 году онъ занимался критическимъ разборомъ и разсужденіемъ о предметахъ, выставленныхъ тогда въ особомъ отдѣленіи выставки и касающихся гігіены, фармаціи, хирургіи, анатоміи и вообще медицины. Официальный его отчетъ напечатанъ на счетъ австрійскаго правительства въ общемъ отчетѣ о выставкѣ и въ особенной брошюрѣ, которую онъ представляетъ теперь Совѣту. Желая нынѣ и въ этомъ году познакомиться съ прогрессомъ, сдѣланнымъ съ тѣхъ поръ въ техникѣ вышеупомянутыхъ отраслей медицинской науки, проф. Лямбль проситъ Совѣтъ исходатайствовать для него у начальства разрѣшенія поѣздки за границу въ Лондонъ на время лѣтнихъ вакацій съ прибавленіемъ 28 дней, т. е. до конца августа мѣсяца. На это прошеніе Совѣтъ положилъ резолюцію: ходатайствовать о разрѣшеніи отпуска проф. Лямблю. Командировка Лямбля состоялась и отчетъ о своемъ путешествіи онъ напечаталъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1862 годъ, часть CXVI.

7 марта 1862 года проф. Лямбль вошелъ въ факультетъ съ рапортомъ слѣдующаго содержанія: «Пробывши годъ при Харьковскомъ университетѣ, я убѣдился, что средства, предоставленныя мнѣ для преподаванія столь важнаго предмета, какъ анатомія, далеко недостаточны и не удовлетворяютъ современному требованію науки. Анатомія, при важности своей, представляетъ такую обширность, что при ограниченномъ времени, назначенномъ для ея преподаванія и при довольно значительномъ числѣ учащихся, мнѣ одному невозможно исполнить всего того, чего требуетъ современная анатомія. Демонстраціи по анатоміи описательной, микроскопической, топографической и патологической столь многочисленны, что при кратковременности не могутъ приносить надлежащей пользы всѣмъ учащимся. Два помощника, при мнѣ находящіеся, употребляютъ почти все свое время на приготовленіе препаратовъ по описательной анатоміи. Собственно-же преподаваніе всѣхъ вѣтвей анатоміи, изъ которыхъ каждая составляетъ довольно обширный предметъ, предоставлено одному мнѣ. Чтобы убѣдиться въ трудности моего положенія, достаточно сказать то, что въ каждомъ почти университетѣ для одной физиологической анатоміи преподаватель имѣетъ у себя двухъ помощниковъ, причемъ столько-же рукъ работаютъ и для патологической анатоміи. Кромѣ того особенно читаются курсы микроскопической и топографической анатоміи. У насъ анатомическія демонстраціи разнаго рода далеко не достигаютъ своей цѣли и не удовлетворяютъ требованіямъ ни науки, ни слушателей. При множествѣ этихъ демонстрацій и недостаточности времени, я рѣшительно не въ состояніи останавливаться на объясненіи каждаго отдѣльнаго факта такъ долго, сколько этого требуетъ, съ одной стороны многочисленность и разная степень развитія слушателей, а съ другой—практическая важность предмета; отсюда вытекаетъ тотъ неудовлетворительный результатъ, что не малое число учащихся, не смотря на всѣ мои неуспѣшныя старанія, оставляютъ позади себя много пунктовъ темными, или даже совершенно непонятными, а отъ этой, между тѣмъ, основы зависитъ вся прочность медицинскаго образованія. Вотъ почему я проникнутъ убѣжденіемъ, что при нашемъ университетѣ кругъ анатомическихъ занятій долженъ быть расширенъ. Прибавимъ къ этому еще недостаточность здѣшнихъ анатомическихъ музеевъ, какъ по физиологической, такъ и по патологической анатоміи, и легко убѣдиться, что, для надлежащаго преподаванія анатоміи, необходимо мнѣ имѣть еще одного помощника, который бы занимался приготовленіемъ препаратовъ, особенно по патологической анатоміи, демонстрировалъ и повторялъ бы со студентами все пройденное мною и вообще руководилъ бы ихъ въ занятіяхъ. При такомъ только порядкѣ дѣлъ можно надѣяться, что приготовленіе молодыхъ людей къ медицинскому образова-

нію будетъ удовлетворительно. Принимая притомъ въ соображеніе предстоящія реформы по университетамъ вообще, я нахожу удобнымъ пока временно назначить при мнѣ помощника съ извѣстнымъ жалованьемъ. Подобное распоряженіе нисколько не можетъ противорѣчить будущимъ преобразованиямъ, потому что со введеніемъ ихъ вновь приглашенный можетъ быть утвержденъ въ своей должности въ качествѣ доцента. Если реформы будутъ другого рода, то онъ все-таки необходимъ для университета. Кромѣ большой пользы, которую онъ будетъ приносить учащимся, должно замѣтить еще и то, что изъ него самого можетъ подготовиться дѣльный кандидатъ на профессуру анатоміи, которая вообще не представляется привлекательнаго рода занятій. Предлагая подобную мѣру, въ высшей степени необходимую, покорнѣйше прошу медицинскій факультетъ сдѣлать какъ можно скорѣе зависящее отъ него распоряженіе и передать дѣло, куда слѣдуетъ». Не смотря, впрочемъ, на всю ясность доводовъ Лямбля, факультетъ, повидимому, холодно отнесся къ его заявленію, такъ какъ резолюція, поставленная по сему дѣлу факультетомъ, была только лишь «принять къ свѣдѣнію».

27 марта 1862 года проф. Лямбль былъ въ числѣ официальныхъ оппонентовъ при публичной защитѣ диссертациі, подъ названіемъ «Исслѣдованіе важнѣйшихъ вопросовъ ущемленія паховыхъ и бедренныхъ грыжъ», лѣкаремъ Авраамомъ Финкельштейномъ.

21 апрѣля 1862 года проф. Лямбль представилъ въ факультетъ рецензію на диссертацию лѣкаря Михаила Стефановича-Севастьяновича, подъ названіемъ «Анатомо-патологическое исслѣдованіе нѣкоторыхъ новообразованій въ женскихъ половыхъ органахъ» и нашелъ ее вполне удовлетворительною, а 20 мая того же года проф. Лямбль выступалъ въ качествѣ официального оппонента при публичной защитѣ лѣкаремъ Стефановичемъ-Севастьяновичемъ его диссертациі.

22 мая 1862 года проф. Лямбль вошелъ въ Совѣтъ съ представленіемъ проз. Вилкомирскаго въ адъюнкты по каедрѣ физиологической анатоміи. Совѣтъ это представленіе передалъ на заключеніе медицинскаго факультета, который, обсудивъ это представленіе въ засѣданіи своемъ 1 іюня, сообщилъ Совѣту, что считаетъ мѣсто адъюнкта при каедрѣ физиологической анатоміи совершенно излишнимъ. На основаніи такого отзыва представленіе проф. Лямбля осталось безъ послѣдствій.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ д-ръ А. Финкельштейнъ представилъ въ медицинскій факультетъ диссертацию, подъ названіемъ «Описаніе нѣкоторыхъ рѣдкихъ препаратовъ анатомическаго музея Императорскаго Харьковскаго университета», написанную имъ для полученія званія доцента по каедрѣ анатоміи. Диссертациа передана была на рецензію проф. Лямблю, который

нашелъ ее удовлетворительною для означенной цѣли: тѣмъ не менѣ факультетъ, обсудивъ достоинства диссертациі и не видя въ ней самостоятельности, которую, по его мнѣнію, должно отличаться сочиненіе лица, ищущаго званія доцента, не смотря на удовлетворительный отзывъ о ней проф. Лямбля, не нашелъ ее удовлетворительною для полученія Финкельштейномъ искомаго званія. На основаніи такого постановленія факультета, Совѣтъ университета отказалъ и возвратилъ диссертацию Финкельштейну.

За чтеніе патологической анатоміи въ 1861—62 академическомъ году проф. Лямбль получилъ вознагражденіе въ количествѣ 560 руб. 40 коп.

Лѣтомъ 1862 года Лямбль былъ на выставкѣ въ Лондонѣ и, возвращаясь оттуда чрезъ Москву, онъ внезапно заболѣлъ острымъ ревматизмомъ и по этой причинѣ могъ явиться въ Харьковъ только въ первыхъ числахъ октября мѣсяца.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ того же года д-ръ Шумовскій, для соисканія кафедры фармакологіи и общей терапіи, представилъ въ медицинскій факультетъ свои сочиненія, одна часть которыхъ, а именно: «Механика колѣннаго сочлененія» и «Развитіе эпителиальной ткани на серозныхъ оболочкахъ», передана была на рецензію проф. Лямблю, другая часть сочиненій отдана была на рецензію проф. Калениченко. Одновременно съ этимъ на рецензію проф. Лямбля переданы были два сочиненія д-ра Станкевича, конкурировавшаго также на кафедру фармакологіи. Мнѣніе Лямбля о сочиненіяхъ было высказано въ одобрительномъ смыслѣ для обонхъ кандидатовъ.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1862 года д-ръ медицины А. Финкельштейнъ представилъ въ медицинскій факультетъ сочиненіе, подъ названіемъ «Анатомо-хирургическія изслѣдованія подчелюстной области», написанное для полученія званія доцента хирургіи. Сочиненіе это передано было на разсмотрѣніе проф. Лямбля, который 28 января 1863 г. представилъ о немъ слѣдующее мнѣніе:

«Авторъ предварительно увѣряетъ, что трудъ его *не содержитъ въ себѣ ничего* особенно новаго (стр. 1), и что читатель *не найдетъ въ немъ богатой литературы*. Хотя этимъ предисловіемъ не обозначается особенное достоинство сочиненія, то все-таки надобно признаться, что одно и другое авторомъ сказанное совершенно справедливо. «Я болѣе имѣлъ въ виду трупъ». Какой трупъ? Когда? Какимъ образомъ приготовленный? Объ этомъ ни сказано ничего. Рождается сомнѣніе, что авторъ имѣлъ въ виду трупъ. «Разысканій, преимущественно трудныхъ при ограниченныхъ къ тому средствахъ здѣшняго университета» (стр. 2). Неправда! Въ первомъ полугодіи было въ анатомической лабораторіи около 40 труповъ, а скальпели всегда есть, вотъ и средствъ достаточно для изслѣдованія подчелюстной области.

Приступая къ самому предмету, мы вдругъ узнаемъ, что дѣло вовсе не идетъ о подчелюстной области, а большая половина сочиненія касается вопросовъ совѣмъ постороннихъ: заворотъ языка назадъ, Флейшманова сумочка, подъязычная опухоль,—словомъ выходитъ сочиненіе «de rebus eunctis et quibusdam aliis». И какой оригинальный взглядъ на эти вопросы?

1. «Заворотъ языка назадъ будетъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ сильнѣе напоръ вдыхаемаго воздуха на основаніе языка» (стр. 21). До сихъ поръ полагали, что вдыхаемый воздухъ идетъ носомъ въ дыхательные органы; авторъ полагаетъ, что онъ давитъ на основаніе языка и только. Должно быть оперируемому закрываютъ герметически носъ и кромѣ того защищаютъ верхушку языка отъ напора воздуха—что-ли? «уничтожается связь языка со всѣми слизистыми и фиброзными перепонками» (стр. 21)—не ясно и непонятно; это случается при анатомическихъ занятіяхъ, или же при хирургическихъ операціяхъ? Какія тутъ *все* слизистыя перепонки? Далѣе «чрезмѣрная толщина языка» (стр. 22)—по какому измѣренію не сказано. Языкъ какъ мягкій органъ всегда измѣнчивъ.

2. Подъязычная сумочка Флейшмана (стр. 26). Отвергать анатомическій фактъ, приведенный кѣмъ-нибудь, какъ это дѣлаетъ авторъ съ этимъ предметомъ, говоря: (стр. 26) «мы на этотъ вопросъ смѣло отвѣчаемъ отрицательно»—это можно принять отъ опытныхъ анатомовъ, повѣряющихъ добросовѣстно своими многолѣтними изслѣдованіями осторожно высказанное мнѣніе. Quod licet Jovi, non licet.... Все остальное въ этомъ заглавіи пустое фразерство, безъ всякихъ данныхъ, даже безъ разсудка, въ особенности стр. 29 и слѣд.

3. Подъязычная железа (стр. 36). Авторъ распространяется объ этомъ предметѣ, какъ о новости, показанной ему Gujon'омъ. Нѣтъ анатоміи, напечатанной въ послѣдніе 3—4 года, даже болѣе этого срока, гдѣ бы этотъ предметъ не былъ вполне описанъ, гораздо подробнѣе, чѣмъ знаетъ авторъ. Конечно, для него не стоитъ, чтобы обратить вниманіе на литературу. Далѣе «замѣтимъ еще, что это отверстіе чрезвычайно мало» (Бартолинова протока, стр. 39). Что значить мало? Какой размѣръ, какую мѣрку прилагаетъ авторъ къ отверстіямъ протоковъ слюнныхъ железъ? «а такъ какъ подъязычная киста имѣетъ стѣнки тоненькія, поэтому она не принадлежитъ къ гигромамъ» (стр. 29). Подобная чепуха наполняетъ и слѣдующія страницы при описаніи дольчатыхъ зеренъ отдѣльныхъ железъ, которыхъ устройство авторъ навѣрно не знаетъ, потому что онъ требуетъ гистологической рутинѣ и опытности.

4. Подъязычная опухоль (стр. 40—50). Все старые извѣстные факты, ни одного собственнаго наблюденія нѣтъ, даже приведенные не вполне

описаны (напр. *ranula hydatidosa*, стр. 49). Кроме того исчисление не полно: ни слова не упоминается о *Cysticercus*, *Colloid*, *Dermoid-cystis* и *Meliceris*.

Не смотря на многочисленныя, утомительныя повторенія въ этихъ 3-хъ отдѣленіяхъ сочиненія, авторъ удѣлилъ имъ въ ущербъ своей задачѣ несоразмѣрное пространство, забывши при этомъ, что эти предметы вовсе не принадлежать въ подчелюстную область. Возвращаясь къ этой задачѣ, онъ вновь повторяетъ и постоянно ссылается на сказанное, повидимому, только для того, чтобы вышло больше написанной бумаги. Во всемъ этомъ, такъ называемомъ сочиненіи, бросается въ глаза непростительная неурядица, напр. въ текстѣ выставлены въ скобкахъ числа (1) (2) для показанія источниковъ, а эти послѣдніе нигдѣ не отмѣчены (стр. 4, 43, 45 и проч.). Рукопись не была прочитана авторомъ, какъ будто съ тѣмъ убѣжденіемъ, что и не стоитъ того. Анатомическія небылицы, какъ напр. *a. s. v. facialis* (стр. 33); венозная *вѣтвь языка* (стр. 57); жировая сумочка (10), вмѣсто слюнные мѣшки и проч. Грамматическія ошибки, какъ *inter mylohyoideus et hyoglossus* (стр. 35), *ranula hydatitosa* (41), слоемъ *подкожной* клѣтчатки (48), вмѣсто подслизистой; *gygroma sublingualis* (41).

Неточность въ описаніи высказывается въ особенности въ подобныхъ выраженіяхъ, какъ напр. опухоль имѣла *довольно значительный* объемъ (стр. 44), или даже: «разрѣзъ продолжается до большаго рожка подъязычной кости на 2—3 выше послѣдней» (стр. 66). Чего? Линій? Миллиметры или дюймы? или «такъ какъ *in regione pterygo-maxillari* находится *множество* важныхъ сосудовъ и нервовъ» (стр. 71). Какихъ именно?—«треугольное пространство» (стр. 14) въ какомъ направленіи?

5. Подчелюстная область, существенная часть сочиненія, описана неудовлетворительно и не полно, не смотря на частыя повторенія и ссылки, которыми авторъ наскучилъ самъ себѣ вслѣдствіе необдуманности и безпорядка при рѣшеніи задачи. Такъ, напр., ни разу не припоминается обь *a. et v. submentalis*, *nerv. mylohyoideus*, не сказано ничего о подъязычной ямкѣ (*fossa subauricularis*, *s. retro-maxillaris*), хотя постоянныя отношенія къ соннымъ артеріямъ (*carotides*), проходящимъ въ этой области, въ которой хирургъ предпринимаетъ операцію, какъ же можно вдругъ остановиться и сказать, что (стр. 67) «*съ одной стороны нервъ и вена—съ другой—глубина раны и разбужшія волокна hyoglossi, такъ похожія на сосудистыя вѣтви* (Чего?) побудили оператора направить дѣйствія ближе къ выходу ея (*a. lingualis*) изъ *carotis*». Развѣ такія обстоятельства непредвидѣны? А если не то, а они постоянны, нормальны, но непреодолимы, то натурально не слѣдуетъ въ нихъ оперировать. На стр. 68 въ замѣткѣ (1): «Успѣхъ обѣихъ операций былъ полный». Въ чемъ состоялъ полный успѣхъ, это авторъ не считаетъ достойнымъ описанія. Наконецъ,

авторъ предлагаетъ новый способъ *resectionis nervi lingualis*. Если бы онъ прочелъ анатомію Лушки (*Luschka*), онъ бы зналъ анатомію шеи (не смотря на литературу), ему не случилось бы выпустить изъ виду при этой операци *a. submentalis, musc. mylohyoideus* и *gland. sublingualis*, о которыхъ онъ не упоминаетъ ни слова. Г. д-ръ Финкельштейнъ явился въ прошедшемъ году съ сочиненіемъ для полученія званія доцента анатоміи. Сочиненіе было признано мною достаточнымъ, но факультетъ возвратилъ его кандидату съ тѣмъ, чтобы сочиненіе *дополнено было истологическимъ изслѣдованіемъ*. Въмѣсто дополненія перваго сочиненія, кандидатъ представляетъ сочиненіе новое, по другому предмету и потому я считаю пристойнымъ свести результатъ моихъ разсужденій въ параллельное заключеніе. Поэтому можно сказать, что

въ сочиненіи 1862 года:

1. Авторъ имѣлъ предъ собою предметъ конкретный, отъ котораго не удалялся.

2. Предметъ мало извѣстный по рѣдкости и важности, заслуживающій публикаціи.

3. Литературные источники ему были извѣстны и какъ слѣдуетъ употреблены.

4. Выводы были пояснены рисунками, какъ этого анатомическій предметъ требуетъ.

въ сочиненіи 1863 года:

1. Авторъ разгуливаетъ въ различныхъ разсужденіяхъ, собственно безъ предмета.

2. (По его словамъ) ничего новаго не выводитъ.

3. Литературы знать не хочетъ.

4. Рисунками ничего не поясняетъ.

Желая получить званіе доцента *хирургіи*, кандидатъ, по моему мнѣнію, могъ бы быть полезнымъ для медицинскаго факультета, если бы оказался способнымъ для преподаванія какой-нибудь вѣтви науки, за исключеніемъ клинической и оперативной хирургіи, для которыхъ уже существуютъ двѣ кафедры. Такія вѣтви, которыми занимаются обыкновенно доценты, суть: *Desmurgia, Orthopedia, Laryngoscopia, Ophthalmiastica, Ophthalmoscopia*, — науки, заслуживающія дѣйствительно специальныхъ преподавателей. Сочиненіе, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, не только не входитъ въ разрядъ этихъ специальностей, но и недостаточно само по себѣ. Факультетъ, выслушавши мнѣніе Лямбля и обсудивъ достоинства сочиненія, нашелъ его неудовлетворительнымъ и при баллотировкѣ Финкельштейна въ приватъ-доценты оказалось избирательныхъ 1 неизбирательныхъ 4 балла. Совѣтъ университета отказалъ Финкельштейну въ искомомъ званіи.

Въ засѣданіи медицинскаго факультета 17 мая того же года заслушано было въ числѣ другихъ и мнѣніе проф. Лямбля о сочиненіяхъ

Зеленскаго и Горецкаго, конкурировавшихъ на кафедре семіотики и терапевтической клиники и кромѣ того Лямблемъ представлена оцѣнка пробныхъ лекцій, прочитанныхъ Зеленскимъ. Хотя факультетъ, обсудивъ достоинство кандидатовъ, и отдалъ предпочтеніе Горецкому, однакожъ оба кандидата въ засѣданіи Совѣта забаллотированы и конкурсъ на кафедре терапевтической клиники продолженъ до 1-го января 1864 года.

29 мая того-же года въ засѣданіи медицинскаго факультета имѣли сужденіе о кандидатахъ на кафедре судебной медицины и медицинской полиціи, Бергъ и Альбертъ Питра, при чемъ заслушано было мнѣніе проф. Лямбля о сочиненіяхъ обоихъ кандидатовъ. По окончаніи сужденія о достоинствахъ кандидатовъ, факультетъ остановился на Альбертѣ Самойловичѣ Питра, какъ достойномъ кандидатѣ. А. С. Питра въ засѣданіи совѣта 8 іюня большинствомъ голосовъ былъ выбранъ въ экстраординарные профессора и впослѣдствіи утвержденъ въ этомъ званіи.

Въ засѣданіе медицинскаго факультета 5 іюня проф. Лямбль снова вошелъ съ слѣдующимъ рапортомъ: «Имѣя при себѣ одного только прозектора съ помощникомъ, я лишень необходимой помощи для наиболѣе успѣшнаго преподаванія всѣхъ частей анатоміи и по неволѣ принужденъ бываю ограничить демонстративное преподаваніе. Поэтому я прошу факультетъ представить Совѣту университета о необходимости назначить при кафедрѣ анатоміи еще одного помощника или ассистента съ званіемъ и правами прозектора. Обращаю вниманіе факультета на то, что въ другихъ университетахъ труды по преподаванію анатоміи, лежащіе на мнѣ одномъ, раздѣлены между двумя, или даже тремя преподавателями». На этотъ разъ факультетъ вполне согласился съ Лямблемъ и хлопоталъ предъ Совѣтомъ о назначеніи ему еще прозектора, но Совѣтъ сужденіе по этому предмету отложилъ до введенія новаго университетскаго устава.

Въ іюль мѣсяцъ того-же года проф. Лямбль получилъ отдѣльный гонораръ, въ количествѣ 571 р. 84 коп., за чтеніе патологической анатоміи въ 1862—63 акад. году.

2 сентября 1863 года медицинскій факультетъ вошелъ съ представленіемъ въ Совѣтъ университета слѣдующаго содержанія:

«Медицинскій факультетъ уже неоднократно входилъ въ Совѣтъ съ ходатайствомъ о расширеніи преподаванія анатоміи, какъ предмета, составляющаго совмѣстно съ фізіологіею необходимую основу, безъ которой занятія собственно медицинскими науками не могутъ образовать научно-развитыхъ медиковъ; вслѣдствіе этихъ представленій, предоставлено было факультету замѣстить одно изъ имѣющихся адъюнктскихъ, а нынѣ доцентскихъ мѣстъ, адъюнктомъ по патологической анатоміи. Нынѣ факультетъ, на основаніи § 23 Б. 4. Высочайше утвержденнаго устава

университетовъ, рѣшилъ обратиться въ Совѣтъ университета съ слѣдующимъ:

«Обладая въ особѣ проф. Лямбля ученымъ, труды котораго по патологической анатоміи имѣютъ европейскую извѣстность, и который, какъ уже было доведено до свѣдѣнія Совѣта университета, согласился принять на себя преподаваніе патологической анатоміи, факультетъ не имѣетъ болѣе основанія искать доцента по патологической анатоміи. Съ принятіемъ проф. Лямблемъ преподаванія патологической анатоміи факультетъ достигъ наконецъ давно желаннаго расширенія преподаванія этой науки, но съ тѣмъ вмѣстѣ онъ потерялъ преподавателя по описательной анатоміи, чтеніе которой онъ вынужденнымъ нашелся поручить временно проз. Вилкомирскому. Желая наконецъ имѣть постоянного преподавателя, которому могло бы быть поручено преподаваніе физиологической анатоміи, факультетъ обращается въ Совѣтъ университета съ ходатайствомъ объ открытіи конкурса на мѣсто доцента при каѳедрѣ физиологической анатоміи». При этомъ приложена программа конкурса, составленная проф. Лямблемъ, и назначенъ срокъ конкурса, а именно 1-го марта 1864 года.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ проф. Лямбль два раза былъ назначенъ официальнымъ оппонентомъ при защитахъ диссертаций на доктора медицины, а именно: 8 сентября лѣкаремъ Николаемъ Склифасовскимъ, подъ названіемъ «О кровяной околوماتочной опухоли (Haematocele retrouterina)» и 29 сентября лѣкаремъ Юліемъ Газенъ-Егеромъ, подъ названіемъ «О резекціи верхней и нижней челюсти».

30 ноября 1863 года Д. О. Лямбль участвовалъ въ комиссіи, составленной изъ нѣсколькихъ профф. медицинскаго факультета и члена Врачебной управы Ковальчукова, съ цѣлью освидѣтельствованія, по предложенію Ректора университета, проф. А. П. Зернина и опредѣленія способности его къ дальнѣйшему продолженію службы.

На объявленный конкурсъ на каѳедру терапевтической клиники, срокъ котораго окончился 1-го января 1864 года, явились три кандидата: Коссинскій, Клементовскій и Рейеръ. Такъ какъ Коссинскій не выполнилъ вполнѣ условій конкурса, то поэтому обсужденію подвергались только два кандидата, Клементовскій и Рейеръ. Для оцѣнки достоинствъ кандидатовъ факультетъ предложилъ профф. Щелкову, Демонси, Грубе и Лямблю представить отзывы объ ихъ печатныхъ трудахъ. На долю Лямбля пришлось писать отзывы о двухъ статьяхъ Клементовскаго: 1) «Нѣсколько словъ о слюнотеченіи, встрѣчающемся при ртутномъ леченіи сифилитической болѣзни» и 2) «Кликушки» и о двухъ трудахъ Рейера: 1) *De rationibus compensantibus in corde aegroti*. 2) *Zur Frage der Erzeugung von Endo-*

carditis durch Milch-Säure-Injection in die Peritonealhöhle von Thieren». Отзвыы эти напечатаны въ протоколахъ засѣданія Совѣта Императорскаго Харьковскаго университета за 1864 г. № 3.

Кромѣ того во время сужденія факультета о замѣщеніи каѳедры терапевтической клиники, проф. Лямбль вошелъ съ предложеніемъ на эту каѳедру еще двухъ кандидатовъ: Богуланла Ивановича Эйзельта, старшаго врача при отдѣленіи грудныхъ болѣзней въ большемъ Пражскомъ госпиталѣ, и доктора Смолера, профессора патологіи въ Инспрукѣ, при этомъ проф. Лямбль, кромѣ краткаго curriculum vitae каждаго изъ кандидатовъ, перечислить научные труды каждаго изъ нихъ и представить оцѣнку степени подготовки ихъ къ занятію каѳедры терапевтической клиники. Одновременно съ Лямблемъ и проф. Грубе рекомендовалъ факультету д-ра Стадіона на ту же каѳедру. Факультетъ поручилъ проф. Лямблю представить мнѣніе о печатныхъ трудахъ Стадіона: 1) *Symbola quaedam ad processus endosmotici cognitionem*. 2) *Zur toxischpharmacodynamischen Wirkung des Sublimats*. 3) О дѣйстви дигиталина. 4) Ветунительная лекція по общей терапіи и фармакологіи. 5) Отчетъ о заграничномъ путешествіи. Всѣ письменныя мнѣнія Лямбля объ Эйзельтѣ, Смолерѣ и Стадіонѣ, представленные въ медицинскій факультетъ, напечатаны въ протоколѣ засѣданія Совѣта Императорскаго Харьковскаго университета за 1864 годъ, № № 3 и 4.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1864 г. составлена была комиссія для осмотра и изслѣдованія минеральныхъ водъ въ имѣніи губер. секретаря Сукачева, въ хуторѣ «Березовомъ», находящемся въ Валковскомъ уѣздѣ, Харьковской губерніи, въ 22 верстахъ отъ г. Харькова. Комиссія состояла изъ г.г. профф. Грубе, Лямбля, Лазаревича, Борисяка, Н. Бекетова и члена врачебной управы д-ра Котелевскаго. Комиссія представила подробное описаніе минеральныхъ водъ, которыя по химическому составу относятся къ желѣзистымъ источникамъ и сходны съ водами Спа.

14 марта 1864 года проф. Лямбль донесъ факультету: «Вслѣдствіе циркулярнаго объявленія, что съ 1867 года каѳедры патологической и микроскопической анатоміи будутъ отдѣлены, имѣю честь донести, что на эти двѣ каѳедры потребуется для первоначальнаго обзаведенія слѣдующая сумма: 1) на каѳедру патологической анатоміи 1000 руб. для приобрѣтенія натуральныхъ и искусственныхъ препаратовъ, инструментовъ, банокъ и разной стеклянной посуды и другихъ необходимыхъ вещей; 2) на каѳедру микроскопической анатоміи 500 руб. для приобрѣтенія микроскопическихъ препаратовъ и инструментовъ. Вслѣдствіе объявленнаго конкурса на мѣсто доцента фізіологической анатоміи явились къ назначенному сроку три претендента: И. О. Вилкомирскій, А. Финкель-

штейнъ и И. К. Вагнеръ. Факультетъ поручилъ проф. Лямблю рассмотреть научные труды всѣхъ трехъ кандидатовъ и представить о нихъ письменное мнѣніе. Такое мнѣніе Лямбля было заслушано въ факультетѣ 27-го, а въ Совѣтѣ 28 апрѣля и напечатано въ протоколахъ засѣданій Совѣта университета за 1864 г. № 4. Въ своемъ мнѣніи проф. Лямбль изъ трехъ кандидатовъ предпочелъ И. К. Вагнера, который впослѣдствіи былъ выбранъ Совѣтомъ и утвержденъ въ этой должности г. попечителемъ учебнаго округа.

Въ засѣданіи 19-го мая 1864 г. Совѣтъ университета выразилъ свою признательность проф. Лямблю за чтеніе лекцій въ 1863—64 академ. году по вакантнымъ каедрамъ.

Вслѣдствіе рекомендаціи Н. И. Пирогова Министерству Нар. Просв. молодого русскаго ученаго, работавшаго въ это время за границею Н. А. Хржонщевскаго, какъ дѣльнаго и хорошо подготовленнаго преподавателя, Министерство предложило Харьковскому медицинскому факультету, не найдетъ-ли онъ возможнымъ предоставить г. Хржонщевскому мѣсто штатнаго доцента по предмету патологической анатоміи. Въ виду того, что кафедра патологической анатоміи въ Харьковскомъ университетѣ была обезпечена преподавателемъ, а именно проф. Лямблемъ, то поэтому факультетъ предположилъ пригласить Н. А. Хржонщевскаго доцентомъ общей патологіи и гігіены, если онъ на это выразитъ свое согласіе; но предварительно факультетъ поручилъ проф. Лямблю рассмотреть сочиненія Хржонщевскаго и представить о нихъ свое мнѣніе. Мнѣніе это (напечатанное въ протокол. засѣд. Совѣта университета за 1864, № 10) прочитано было въ засѣданіи 17 декабря медицинскаго факультета, а затѣмъ и въ засѣданіи Совѣта. Рецензія Лямбля касалась извѣстныхъ трехъ работъ Хржонщевскаго, относительно строенія легкихъ, печени и почекъ.

Въ концѣ своей рецензіи проф. Лямбль сказалъ: «я считаю долгомъ засвидѣтельствовать полное признаніе научной цѣнности упомянутыхъ трехъ сочиненій д-ра Хржонщевскаго». Послѣ полученнаго согласія отъ Хржонщевскаго на занятіе кафедры общей патологіи и гігіены, онъ былъ избранъ въ факультетъ и Совѣтъ и утвержденъ г. попечителемъ учебнаго округа.

27 ноября 1864 г. Государь Императоръ Всемилоостивѣйше изволилъ наградить проф. Лямбля орденомъ Св. Анны 2 степени.

Въ засѣданіи 19-го января 1865 г. Совѣтъ университета опредѣлилъ: просить ординарнаго проф. Лямбля, впредь до вступленія въ должность опредѣленнаго на кафедру терапевтической клиники доктора Эйзельта, принять на себя исполненіе обязанностей по этой кафедрѣ, на что проф. Лямблемъ и изъявлено согласіе.

20 января того же года проф. Лямбль выступалъ въ качествѣ официальнаго оппонента при защитѣ лѣкаремъ Павловымъ-Сильванскимъ докторской диссертациі «О наружной уретротоміи».

Въ маѣ того-же года проф. Лямбль два раза былъ назначаемъ официальнымъ оппонентомъ при защитахъ докторскихъ диссертаций: 5 мая лѣкаремъ Величко «О сущности и происхожденіи зернистаго состоянія соединительной оболочки» и 9-го мая лѣкаря Соловейчика «О сухой сифилитической костоѣдѣ черепа».

Въ засѣданіи Совѣта 4 мая того же года медицинскій факультетъ донесъ, что избранный на каѳедру терапевтической клиники д-ръ Эйзельтъ отказался и что на эту каѳедру проф. Станкевичъ предложилъ въ кандидаты доцента университета Св. Владимира Горецкаго, а проф. Зарубинъ д-ра Деньковского, что послѣдній, какъ лицо мало извѣстное факультету не могъ быть подвергнутъ баллотировкѣ въ факультетъ, какъ не читавшій пробныхъ лекцій, и что при баллотировкѣ Горецкаго оказалось 7 избирательныхъ голосовъ и одинъ не избирательный. Сочиненія Горецкаго предварительно, разумѣется, были разсмотрѣны факультетомъ. Кромѣ того факультетъ донесъ Совѣту, что проф. Лямбль заявилъ, что въ случаѣ незамѣщенія каѳедры терапевтической клиники кѣмъ либо изъ вышеозначенныхъ кандидатовъ, онъ желаетъ занять это мѣсто, оставивъ каѳедру анатоміи, теперь имъ занимаемую. На основаніи такого донесенія факультета, Совѣтъ университета въ засѣданіи 18 мая произвелъ баллотировку Горецкаго и Лямбля, при чемъ у перваго оказалось избирательныхъ 10 и неизбирательныхъ 14, а у втораго избирательныхъ 11 и неизбирательныхъ 13 балловъ.

Въ засѣданіи медицинскаго факультета 31 мая, проф. Лямбль, по порученію факультета, читалъ рецензію на статью Деньковского. «Объ участіи эпителія почекъ въ новообразовательныхъ процессахъ». (Рецензія напечатана въ проток. засѣд. Совѣта университета за 1865 г. № 5).

21 сентября 1865 факультетомъ и Совѣтомъ поручено проф. Лямблю завѣдываніе терапевтической клиникой въ первомъ полугодіи 1865—66 акад. года.

21 февраля 1866 года проф. Лямбль, по случаю смерти помощ. прозектора Гумбурга, предложилъ на это мѣсто Харьковскаго младшаго городского врача Фердинанда Гана, который и былъ избранъ единогласно въ факультетъ и Совѣтъ и утвержденъ г. попечителемъ.

1 мая того-же года проф. Лямбль вошелъ съ прошеніемъ въ факультетъ слѣдующаго содержанія: «Всемирная выставка, какъ парижская 1855 г., такъ и лондонская 1862 г. заключали, какъ извѣстно, особенный отдѣлъ предметовъ, относящихся къ медицинскимъ наукамъ, а именно: къ антро-

пологін, сравнительной анатоміи и анатоміи челоуѣка, гистологін и анатомической техники, фармаціи, общей и частной гигиенѣ, устройству больницъ, водолѣчебныхъ и т. п. заведеній, хирургіи и ортопедіи. На вышеупомянутыхъ выставкахъ присутствовать я въ качествѣ официалнаго референта и представилъ своевременно печатные отчеты обо всѣхъ предметахъ, относящихся къ медицинѣ. Желая расширить кругъ своихъ познаній и надѣясь извлечь значительную пользу для преподаваемыхъ мною предметовъ, я намѣренъ отправиться и въ будущемъ году на всемірную выставку въ Парижъ и прошу покорно медицинскій факультетъ исходатайствовать мнѣ командировку для этой цѣли на четыре мѣсяца, т. е. съ 1 мая до конца августа мѣсяца. При этомъ позволяю себѣ замѣтить, что цѣль моей поѣздки имѣла-бы еще больше значенія и результаты ея сдѣлались-бы общепользными, если-бы мнѣ было возможно представить весь объемъ упомянутыхъ предметовъ, заслуживающихъ вниманія медиковъ и натуралистовъ, въ полномъ отчетѣ, въ сравнительной съ прежними выставками оцѣнкѣ, опредѣляющей разныя усовершенствованія по отдѣльнымъ отраслямъ науки. Но такъ какъ для этой обширной задачи требуются большія средства и усердное занятіе исключительно по этому дѣлу и такъ какъ, можетъ быть, не имѣется въ виду другой личности, достаточно опытной и вмѣстѣ съ тѣмъ готовой посвятить свободное время подобному труду, то, если медицинскій факультетъ находитъ, предлагаемый мною, разборъ полезнымъ, для науки и для практической медицины, покорно прошу: 1) довести до свѣдѣнія г. Министра Народнаго Просвѣщенія о моей готовности заняться добросовѣтнымъ отчетомъ о медицинскихъ предметахъ на парижской выставкѣ и 2) ходатайствовать о выдачѣ мнѣ пособія въ 1000 руб. изъ суммъ, отпускаемыхъ для этой цѣли». Факультетъ положилъ ходатайствовать, Совѣтъ-же подвергнулъ баллотировкѣ командировку Лямбля на всемірную выставку въ Парижъ, при чемъ получилось избирательныхъ 9 и неизбирательныхъ тоже 9 балловъ, поэтому ходатайство со стороны Совѣта никакого ни воспослѣдовало. Проф. Лямбль на свой счетъ поѣхалъ на парижскую выставку.

5 апрѣля того-же года проф. Лямблемъ составлена, по порученію факультета, программа конкурса для лицъ, желающихъ занять должность прозектора патологической анатоміи. Программа эта напечатана въ протоколъ Засѣд. Совѣта Харьк. университета за 1866 г. № 4.

22 апрѣля того-же года проф. Лямбль вошелъ съ слѣдующимъ докладомъ въ медицинскій факультетъ:

«Приступая къ обсужденію проекта объ учрежденіи особенныхъ отдѣленій въ земской больницѣ для учебной цѣли, медицинскій факультетъ вѣроятно найдетъ полезнымъ и удобоисполнимымъ присоединить къ этому

проекту слѣдующія предложенія, относительно болѣе успѣшнаго преподаванія патологической анатоміи, о которыхъ честь имѣю донести для совокупнаго съ упомянутымъ проектомъ обсужденія и надлежащаго распоряженія.

1) *Вскрытія* умершихъ въ земской больницѣ предоставляются профессору патологической анатоміи и производятся имъ, или его прозекторомъ, въ присутствіи старшаго врача, профессора и студентовъ.

2) Для правильнаго производства вскрытій и связанныхъ съ таковымъ изслѣдованіемъ профессоръ пользуется назначеннымъ для того *помѣщеніемъ и прочими пособіями*, доставляемыми, какъ и прежде, администраціею больницы.

3) Протоколы, составляемые во время вскрытій, записываются въ шнуровую книгу и хранятся въ архивѣ больницы.

4) Извлеченія изъ протоколовъ, необходимыя для годичнаго отчета, составляетъ профессоръ и передаетъ въ извѣстный срокъ въ медицинскій совѣтъ Земской Управы.

5) Препараты, получаемые при вскрытіяхъ, поступаютъ въ собственность кабинета патологической анатоміи при университетѣ. Право на научное употребленіе учебнаго матеріала, именно препаратовъ и протоколовъ, дѣлается для постороннихъ лицъ зависящимъ отъ соглашенія на это профессора.

6) Подробныя отношенія профессора къ должностнымъ лицамъ больницы опредѣляются медицинскимъ совѣтомъ земской больницы. Согласно съ этимъ докладомъ впослѣдствіи производились патолого-анатомическія вскрытія въ земской больницѣ профессоромъ Лямблемъ или его ассистентомъ Башинскимъ.

По порученію факультета проф. Лямбль вмѣстѣ съ проф. Вагнеромъ составили инструкцію объ обязанностяхъ прозектора и его помощника. Инструкція эта представлена въ факультетъ 27-го августа 1866 года.

20 декабря 1866 г. медицинскій факультетъ обратился съ просьбой въ Совѣтъ ходатайствовать объ открытіи каѳедры патологической анатоміи, включенной уставомъ въ число каѳедръ медицинскаго факультета, и о перемѣщеніи проф. Лямбля ордин. профессоромъ по этой каѳедрѣ и объ утвержденіи доцента Вагнера доцентомъ физиологической анатоміи. При этомъ факультетъ добавилъ, что Лямбль, при баллотировкѣ въ факультетъ на каѳедру патологической анатоміи, получилъ избирательныхъ 6, а неизбирательныхъ ни одного балла. На основаніи предложенія факультета Совѣтъ университета въ засѣданіи 14 января 1867 г. баллотировалъ проф. Лямбля на каѳедру патологической анатоміи, при чемъ оказалось избират. 18 и неизбир. 1 баллъ, по этому положили ходатайствовать объ учрежденіи каѳедры патологической анатоміи и объ утвержденіи

проф. Лямбля профессоромъ этой каѳедры, Вагнеру же поручить преподаваніе физиологической анатоміи. Утвержденіе Лямбля и Вагнера воспо- слѣдовало 1-го апрѣля 1867 г.

Въ 1850 г. по опредѣленію Совѣта напечатано на казенный счетъ въ количествѣ 400 экземпляровъ, сочиненіе проф. Нарановича «Анатомія человѣческаго тѣла» съ тѣмъ, чтобы, за выдачею 25 экземпляровъ автору, остальные 375 экземпляровъ обратить въ продажу и на полученные деньги приобрести для студенческой библіотеки анатомическіе сочиненія и атласы. Въ 1867 г. отъ продажи означеннаго сочиненія собрано 181 р. 50 коп. и правленіе просило медицинскій факультетъ составить списокъ сочиненій и атласовъ анатомическихъ, которые возможно бы было приобрести за означенную сумму. Медицинскій факультетъ поручилъ это дѣло проф. Лямблю, который и составилъ требуемый списокъ, но при этомъ прибавилъ, что такъ какъ весною этого года онъ ѣдетъ за границу, то онъ будетъ имѣть возможность приобрести многія изъ предполагаемыхъ къ покупкѣ изданій антикварно, что будетъ гораздо выгоднѣе для университета. Факультетъ и Совѣтъ согласились съ предложеніемъ проф. Лямбля и поручили ему купить книги у антикваровъ за границей.

3-го марта 1867 года проф. Лямбль сдѣлалъ представленіе въ факультетъ объ оставленіи лѣкаря Митрофана Попова стипендіатомъ университета для спеціальнаго изученія патологической анатоміи. Представленіе это принято факультетомъ и Совѣтомъ. Поповъ оставленъ стипендіатомъ.

На конкурсъ, объявленный Совѣтомъ университета, на должность профессора патологической анатоміи, срокъ котораго окончился 1-го января 1867 года, явились два соискателя: доктора Шварцъ и Ганъ. Оба конкурента выполнили требованія конкурса; кромѣ представленныхъ сочиненій, они прочитали пробныя лекціи и произвели вскрытія труповъ. Факультетъ поручилъ профессорамъ Лямблю и Питрѣ 1-му представить о конкурентахъ письменныя мнѣнія.

Лямбль доставилъ въ факультетъ письменное мнѣніе о слѣдующихъ сочиненіяхъ Шварца: 1) «Современное состояніе вопроса о всасываніи кожей», 2) «Сравнительно-гистологическія наблюденія надъ кожей», 3) «Нѣсколько фактовъ въ пользу ученія о существованіи и значеніи системы соконосныхъ каналовъ», и 4) «Объ отношеніи нервовъ и сосудовъ къ сосочкамъ кожи». Вмѣстѣ съ этимъ представлена критическая оцѣнка двухъ, лекцій прочитанныхъ Шварцомъ, произведеннаго имъ вскрытія и налитаго имъ препарата почки. Одновременно профессоръ Лямбль представилъ письменное мнѣніе о лекціяхъ Гана, произведенномъ имъ вскрытіи и приготовленнаго микроскопическаго препарата изъ налитой

имъ самимъ (двойная инъекція) почки, а также и разборъ рукописной работы «Пузырчатый глисть въ человѣческомъ сердцѣ».

Письменное мнѣніе Лямбля напечатано въ протоколахъ засѣданій Совѣта университета за 1867 годъ, № 3. Въ своемъ мнѣніи проф. Лямбль отдалъ предпочтеніе (равно какъ и проф. Питра 1-й) кандидату Гану, который и выбранъ былъ въ факультетъ и Совѣтъ, а затѣмъ и утвержденъ г. попечителемъ въ должности прозектора патологической анатоміи.

Вслѣдствіе назначенія Гана прозекторомъ патологической анатоміи, освободилось мѣсто помощника прозектора при кафедрѣ нормальной анатоміи и на эту должность проф. Лямбль представилъ 5 мая 1867 года степендіата при кафедрѣ патологической анатоміи лѣкаря Митрофана Попова, который былъ затѣмъ избранъ факультетомъ и Совѣтомъ и утвержденъ г. попечителемъ въ этой должности 10-го октября того же года.

Въ засѣданіе Совѣта 19 декабря проф. Лямбль представилъ при рапортѣ анатомическіе препараты, пожертвованные Харьковскому университету проф. Падунскаго университета Брунетти. Препараты эти приготовлены по новому способу, изобрѣтеніемъ котораго г. Брунетти обратилъ на себя вниманіе всего ученаго міра на парижской всемірной выставкѣ и удостоенъ за это изобрѣтеніе первой медали и 5000 франковъ награды, при этомъ проф. Лямбль представилъ отдѣльный отчетъ о препаратахъ Брунетти. Совѣтъ положилъ: 1) О принятіи пожертвованныхъ препаратовъ и занесеніи въ матеріальную книгу просить правленіе сдѣлать надлежащее распоряженіе. 2) Изъявить г. Брунетти благодарность Совѣта за сдѣланное имъ приношеніе университету. 3) Отчетъ проф. Лямбля напечатать въ приложеніяхъ къ протоколамъ совѣтскихъ засѣданій. 4) Затѣмъ члены Совѣта въ выраженіе высокаго уваженія своего къ заслугамъ проф. Брунетти, положили избрать его въ почетные члены университета, для чего и произвести баллотированіе и затѣмъ просить г. попечителя ходатайствовать предъ высшимъ начальствомъ объ удостоеніи Брунетти почетной награды. Въ засѣданіи Совѣта 23 января проф. Брунетти былъ избранъ единогласно въ почетные члены университета. Въ теченіе всего 1867 года проф. Лямблемъ потрачено много времени и силъ на возстановленіе своихъ правъ, какъ профессора патологической анатоміи, безцеремонно нарушенныхъ профессоромъ Л. А. Маровскимъ. Проф. Лямблю пришлось по неволѣ призвать товарища по службѣ къ порядку и даже больше научнымъ путемъ доказывать некомпетентность проф. Маровскаго въ патологіи человѣческаго организма и діагностики болѣзней. Безпримѣрное, въ исторіи Харьковскаго университета, дѣло проф. Маровскаго, окончилось для послѣдняго довольно печально; его попросили удалиться съ занимаемаго имъ поста профессора по кафедрѣ

терапевтической клиники *по некомпетентности*, признанной медицинским факультетом и Совѣтомъ. Несмотря на то, что въ 1867 году протоколы Совѣта печатались, дѣло о Маровскомъ не попало въ печать. Въ виду большого интереса самаго дѣла, породившаго не только въ Харьковѣ, но и въ другихъ русскихъ университетскихъ городахъ много разнорѣчивыхъ толкованій и притомъ далеко не всегда вѣрныхъ, набрасывающихъ тѣнь не только на отдѣльныя личности, но даже на цѣлую ученую корпорацію, я нахожу необходимымъ передать это *дѣло какъ есть*, основываясь исключительно на документахъ, хранящихся въ архивѣ Харьковского университета. Другая и главная побуждающая причина привести здѣсь дѣло о Маровскомъ *in extenso* заключается въ томъ, что въ этомъ дѣлѣ замѣшанъ проф. Лямбль, какъ главный боецъ и двигатель дѣла. Цѣлый рядъ мнѣній и научныхъ доказательствъ, высказанныхъ Лямблемъ въ этомъ дѣлѣ могутъ быть полезны и поучительны и на будущее время.

Дѣло о профессорѣ Л. А. Маровскомъ.

Въ частномъ засѣданіи медицинскаго факультета 11-го марта 1867 года, вслѣдствіе рапорта проф. Лямбля, разсуждали по поводу § 83 положеній о клиникахъ, трактующемъ о вскрытіи клиническихъ труповъ и положили «исполнять § 83 клиническаго устава впредь до измѣненія его въ законномъ порядкѣ». 15 марта того же года директоръ терапевтической клиники проф. Маровскій вошелъ въ медицинскій факультетъ съ рапортомъ слѣдующаго содержанія:

«По поводу § 83 новыхъ клиническихъ положеній, а именно: «Трупы умершихъ въ клиникѣ вскрываются въ присутствіи директора той клиники, въ которой умеръ больной, профессоромъ патологической анатоміи, а найденные при вскрытіи патологическіе препараты составляютъ собственность патологической анатоміи», встрѣтились въ медицинскомъ факультетѣ недоразумѣнія. Оказалось, что параграфъ этотъ недостаточно опредѣленъ и весьма не точно выясняетъ отношеніе патологической анатоміи къ клиническому преподаванію. Необходимо рѣшить слѣдующіе вопросы:

1) Считать-ли больныхъ, пользуемыхъ въ клиникахъ вполне научнымъ матеріаломъ профессора клиники, которымъ онъ можетъ воспользоваться въ самомъ обширномъ размѣрѣ для выясненія истины и обученія студентовъ, или же больной послѣ смерти переходитъ вполне въ вѣдѣніе только лишь патолого-анатома въ ущербъ химическому и гистологическому изслѣдованію тканей и жидкостей?

2) Можно-ли позволить, чтобы всѣ найденные при вскрытіи патологическіе препараты, *во всѣхъ случаяхъ*, составляли собственность кабинета патологической анатоміи, или можетъ быть встрѣтятся случаи, когда этого по социальнымъ отношеніямъ клиникъ сдѣлать нельзя, и не справедливѣе-ли

будетъ предоставить вопросъ «можно-ли взять препараты или нѣтъ» на рѣшеніе и отвѣтъственность директора клиники?

3) Тотчасъ-ли послѣ вскрытія найденные препараты составляютъ собственность патолого-анатомическаго кабинета, или же только послѣ предварительнаго и всесторонняго изслѣдованія профессоромъ клиники и демонстраціи ихъ студентамъ, съ цѣлью выясненія чисто клиническихъ вопросовъ?

4) Всегда-ли можно предоставить вскрытіе патолого-анатому, или же въ клиникѣ могутъ встрѣтиться случаи, въ которыхъ секція должна быть произведена самимъ клиницистомъ, съ особенною, прежде обдуманною, цѣлью, такъ какъ случай можетъ представлять болѣе клинической, чѣмъ патолого-анатомическій интересъ и разрѣшить многіе вопросы, касающіеся діагностики и болѣе глубокихъ задачъ патологической фізіологіи?

5) Можетъ-ли клиницистъ во время вскрытія предлагать вопросы патолого-анатому и въ правѣ-ли онъ требовать, чтобы вскрытіе было произведено въ извѣстномъ направленіи, необходимомъ для разрѣшенія вопросовъ, представившихся при жизни больного? Долженъ-ли патолого-анатомъ отвѣчать по возможности на вопросы клинициста, безъ которыхъ невозможно разрѣшеніе прижизненныхъ вопросовъ?

6) Въ какомъ мѣстѣ должны быть производимы вскрытія: въ анатомическомъ театрѣ или въ особенномъ для этого устроенномъ при клиникѣ покоѣ, и, наконецъ,

7) Въ какіе часы должны быть производимы вскрытія, въ часы-ли клиническихъ занятій, или въ часы лекцій патологической анатоміи?

Для разрѣшенія главнѣйшихъ изъ этихъ вопросовъ мы должны прежде всего обратить вниманіе на цѣли клиническаго преподаванія и на ту роль, которую въ ряду этого должна и можетъ играть патологическая анатомія.

Очевидно, что цѣль клиническаго преподаванія заключается въ томъ, чтобы по возможности научить студентовъ узнавать и понимать всѣ изгибы патологической жизни больного въ каждый моментъ его пребыванія въ клиникѣ и приискивать средства къ возвращенію этой патологической жизни къ нормальному ходу. Для этой цѣли профессоръ клиники пользуется пособиями нормальной и патологической анатоміи, нормальной и патологической фізіологіи, гистологіи, фармакологіи, химіи, физики, діагностики и т. д. Изъ этого видно, что патологическая анатомія въ ряду вспомогательныхъ средствъ, необходимыхъ клиницисту для разъясненія болѣзненнаго случая, занимаетъ только незначительное мѣсто. Очевидно также, что клиницистъ послѣ смерти больного долженъ пользоваться не только указаніями одной патологической анатоміи, но взять въ помощь себѣ по крайней мѣрѣ двѣ науки: гистологію и химію. Безъ этого права

примѣнять указанія всѣхъ упомянутыхъ наукъ къ разъясненію патологической жизни субъекта развѣ могли бы явиться на свѣтъ прекрасныя работы Фрерихса о болѣзняхъ печени и почекъ, о появленіи левцина и тирозина въ печени и въ мочѣ при извѣстныхъ септическихъ процессахъ и нѣкотораго рода страданіяхъ печени и т. д., развѣ могли бы родиться работы Шкоды, Траубе, Куссмауля и др. о засореніи легкихъ разнаго рода пылью, о неравномѣрномъ распредѣленіи ядовъ и лѣкарствъ по тканямъ, а также цѣлый рядъ трудовъ, относящихся до прижизненныхъ явленій и посмертныхъ измѣненій, вслѣдствіе фосфорнаго отравленія и хроническаго отравленія алкоголемъ и т. д., словомъ, всѣ тѣ труды, которые, кромѣ микроскопической патологической анатоміи, требуютъ еще усидчивыхъ гистологическихъ изслѣдованій и химическаго анализа? Въ настоящее время роль химіи и гистологіи въ ряду наукъ, необходимыхъ для клиническаго преподаванія, обрисовывается съ каждымъ годомъ все больше и больше и вскорѣ въ Европѣ не будетъ ни одной клиники, при которой не состоялъ бы особенный химикъ. Такого химическаго ассистента, напр., мы находимъ теперь уже у проф. Леберта и Фрерихса въ Бреславлѣ и Берлинѣ, въ Вѣнѣ, Вюрцбургѣ, Тюбингенѣ и др. Имена этихъ ассистентовъ давно извѣстны въ медицинѣ по немаловажнымъ работамъ, совершеннымъ отчасти ими самими, отчасти въ ихъ лабораторіяхъ. Да и сами патологическіе анатомы чувствуютъ, что безъ химіи они далеко не уйдутъ и что имъ недоступно будетъ рѣшеніе многихъ жизненныхъ вопросовъ. Вотъ почему при проф. Вирховѣ мы находимъ извѣстнаго своими талантливыми трудами д-ра Кюне.

Патолого-анатомъ, какъ явствуетъ изъ вышесказаннаго, въ дѣлѣ клиническаго преподаванія можетъ играть только роль эксперта. Коль скоро онъ произвелъ вскрытіе, высказалъ свое мнѣніе на счетъ болѣзненнаго процесса и порѣшилъ предложенные ему вопросы—роль его прекращается. Жидкости и ткани должны перейти затѣмъ въ руки гистолога и химика и отъ нихъ клиницистъ долженъ ждать дальнѣйшаго разъясненія болѣзненнаго процесса. Но легко могутъ встрѣтиться болѣзненные случаи, представляющіе особенный, чисто клиническій интересъ, точное анатомическое изслѣдованіе которыхъ, *произведенное въ извѣстномъ направленіи*, можетъ рѣшить какой-нибудь болѣе или менѣе важный вопросъ діагностики и т. д. Такъ, напр., я увѣренъ, что Леннекъ только потому успѣлъ въ такое, относительно, краткое время разработать и утвердить ученіе объ аускультации, что самъ производилъ вскрытіе всѣхъ умершихъ въ его клиникѣ. Онъ могъ, не торопясь, самымъ тщательнымъ образомъ обратить вниманіе на качество и мѣсто пораженія легкихъ и сердца, объемъ его, положеніе органовъ и т. д., словомъ, на такія кажущіяся мелочи, которыя очень

важны для клинициста и вовсе не имѣютъ цѣны и смысла въ глазахъ патолого-анатома. Въ такихъ случаяхъ, по моему мнѣнію, вскрытіе долженъ производить самъ клиницистъ, потому что патолого-анатомъ не всегда хорошо понимаетъ задачу клинициста. Патолого-анатомъ, для контроля его и подачи своего сужденія, долженъ только присутствовать при вскрытіи. Я привелъ только Леннека, одного изъ первыхъ сподвижниковъ точнаго распознаванія, но могъ бы насчитать цѣлую кучу знаменитыхъ клиницистовъ, какъ, напр., Шкоду, Траубе, Зейца и т. д., которые только этимъ путемъ успѣли значительно разработать и расширить поле діагностики.

Въ бытность мою въ Берлинѣ проф. Траубе, доцентъ Мейеръ и др. неоднократно производили при студентахъ на трупахъ людей, умершихъ въ ихъ отдѣленіи, въ высшей степени поучительныя діагностическія этюды, разъясняющіе законы аускультации и перкуссии. Это было производимо всегда, когда больные при жизни представляли особенный акустическій интересъ.

Послѣ этого краткаго опредѣленія роли патологической анатоміи въ ряду клиническаго преподаванія, перейдемъ теперь къ рѣшенію вышеприведенныхъ вопросовъ. Первый изъ нихъ разрѣшается самъ собою. Отвѣтъ можно формулировать такъ:

I. «Больные, пользующіеся въ клиникахъ, составляютъ *неотъемлемый* научный матеріалъ профессора соотвѣтственной клиники, которымъ онъ можетъ воспользоваться въ самомъ обширномъ размѣрѣ, для всесторонняго изученія даннаго болѣзненнаго случая. Патолого-анатомъ призывается имъ только въ качествѣ эксперта, точно также какъ могутъ и должны быть призываемы гистологъ, химикъ и физикъ».

Рѣшеніе втораго вопроса тоже отчасти вытекаетъ само собою изъ предыдущаго; но съ другой стороны при ближайшемъ разсмотрѣніи его рождаются новыя соображенія, кроющіяся въ положеніи клиникъ среди общества, имѣющаго болѣе или менѣе своеобразный взглядъ на вещи. Очевидно, что не *все* найденныя при вскрытіи патологическія препараты могутъ составлять собственность патолого-анатомическаго кабинета, потому что, если лишеніе трупа патологически измѣненныхъ частей сопровождается уродствомъ его, то только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ можно дозволить патолого-анатому воспользоваться препаратами. Это можно дозволить развѣ въ тѣхъ только случаяхъ, когда у умершаго не оказывается, что называется, ни роду, ни племени; да и то едва-ли такой поступокъ не отзовется неблагопріятно на количествѣ больныхъ, поступающихъ въ клинику. Въ другихъ случаяхъ нельзя будетъ воспользоваться даже и препаратами внутреннихъ органовъ. Есть много людей, даже весьма образованныхъ, которые ни за что не согласятся, чтобы части тѣла ихъ род-

ственниковъ содержались на показъ въ спиртѣ, у другихъ, напр., у евреевъ, да и у необразованныхъ христіанъ, ихъ религіозныя вѣрованія и преданія станутъ въ разрѣзъ съ подобными дѣйствіями. Они и теперь неохотно идутъ въ клинику, зная мое твердое постановленіе сецировать каждый клинической трупъ; еще неохотнѣе они пойдутъ тогда, когда узнаютъ, что части тѣла умершихъ сохраняются въ спиртѣ. Мнѣ скажутъ на это, и я даже слышалъ это возраженіе изъ устъ моихъ многоуважаемыхъ товарищей, что никто изъ родственниковъ умершаго не узнаетъ о томъ, взяты-ли внутренности вскрываемаго или нѣтъ, потому что родственникамъ покойника запрещается входить въ секціонную комнату. Но, по моему мнѣнію, такого запрещенія вовсе не существуетъ, да оно было бы не только весьма несправедливо, но даже и не цѣлесообразно. Напротивъ, мы должны желать, чтобы родственники, или ихъ повѣренные присутствовали при вскрытіи и каждый разъ убѣждались, по возможности, что болѣзнь ихъ родственниковъ была неизлѣчима, что смерть не зависѣла отъ дурной терапии, а отъ сущности самаго болѣзненного процесса. Это лучше всего возстановило бы довѣріе публики къ заведенію и служило бы нравственной поддержкой и оправданіемъ клинициста. Съ другой стороны, опасаясь въ лицѣ родственниковъ и приближенныхъ умершаго скомпрометироваться передъ публикой, клиницистъ приложить всѣ старанія для точной диагностики и правильнаго лѣченія. Что запрещеніе присутствовать при вскрытіи родственникамъ и друзьямъ покойнаго весьма несправедливо, ясно всякому: другъ и родственникъ имѣетъ неотъемлемое право знать до послѣднихъ мелочей всѣ подробности, касающіяся до умершаго. Такимъ образомъ социальное положеніе клиники не позволяетъ воспользоваться *всѣми* найденными препаратами для патолого-анатомическаго кабинета. Но кромѣ того болѣе точное гистологическое и особенно химическое изслѣдованіе измѣненной части тѣла можетъ способствовать разрѣшенію какой-нибудь важной патолого-фізіологической проблемы, которая, пожалуй, будетъ важнѣе сохраненія препарата въ спиртѣ на вѣчныя и неопредѣленные времена. Патолого-анатомическій музей похожъ на арсеналь, въ которомъ оружіе въ мирное время подчасъ ржавѣетъ и портится. Кто знаетъ, явится-ли ученый витязь, которому понадобится препаратъ для изслѣдованія, а чтеніе патолого-анатомическихъ лекцій по спиртовымъ препаратамъ весьма и весьма неудовлетворительно. Поэтому, если данный случай можетъ служить для разрѣшенія какого-нибудь важнаго научнаго вопроса, то нечего предпочитать достовѣрное возможному, не слѣдуетъ жертвовать препаратомъ для кабинета, точно также какъ никто не станетъ складывать оружія въ арсеналь во время войны. Отсюда вытекаетъ слѣдующая редакція отвѣта на второй вопросъ:

II. «Найденные патолого-анатомическіе препараты только съ согласія директора соотвѣтственной клиники могутъ быть взяты для составленія патолого-анатомическаго кабинета».

Отвѣтъ на третій вопросъ понятенъ самъ собою. Такъ какъ въ болѣе извѣстныхъ европейскихъ школахъ, какъ-то: въ Берлинѣ, Вюрцбургѣ, Тюбингенѣ и т. д., патологическіе препараты вручаются въ полное распоряженіе патолого-анатома только послѣ предварительнаго изученія ихъ профессоромъ клиники и демонстраціи студентамъ, и такъ какъ здоровое клиническое преподаваніе непременно требуетъ такого порядка вещей, то отвѣтъ можетъ быть формулированъ такъ:

III. «Найденные патолого-анатомическіе препараты, если директоръ клиники сочтетъ возможнымъ предоставить ихъ патолого-анатомическому кабинету, поступаютъ въ вѣдѣніе профессора патологической анатоміи или его прозектора только послѣ предварительнаго обстоятельнаго изслѣдованія ихъ профессоромъ клиники и демонстраціи студентамъ, при изложеніи эпикриза болѣзненнаго случая».

Рѣшеніе четвертаго вопроса тоже ясно вытекаетъ изъ предыдущаго. Отвѣтъ можетъ быть слѣдующій:

IV. «Въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, рѣдкихъ случаяхъ, когда вскрытіе имѣетъ особенный, чисто клиническій интересъ оно производится самимъ директоромъ соотвѣтственной клиники, при чемъ патолого-анатомъ можетъ, или, пожалуй, долженъ присутствовать, какъ экспертъ для подачи своего мнѣнія о натурѣ болѣзненнаго случая».

Отвѣтъ на пятый вопросъ цѣликомъ вытекаетъ изъ нашего разсужденія о цѣли клиническаго преподаванія и отношенія къ нему патологической анатоміи. Конечно, клиницистъ не только можетъ, но и *долженъ* предлагать патолого-анатому вопросы, разрѣшеніе которыхъ ему кажется необходимымъ для выясненія даннаго болѣзненнаго случая. Конечно, патолого-анатомъ обязанъ отвѣчать ему на заданные вопросы, насколько это возможно при данномъ состояніи его науки. Безспорно клиницистъ въ правѣ требовать отъ патолого-анатома, чтобы вскрытіе было произведено въ извѣстномъ направленіи, которое ему кажется необходимымъ для разрѣшенія клиническихъ вопросовъ, представившихся при жизни больнаго. Правда, нельзя отказать патолого-анатому въ правѣ отказываться отъ производства вскрытія, если онъ, съ точки зрѣнія своей науки, считаетъ неудобнымъ слѣдовать указаніямъ клинициста. Тогда вскрытіе производитъ самъ клиницистъ. Поэтому отвѣтъ на пятый вопросъ можно формулировать такъ:

V. «Клиницистъ въ правѣ предлагать патолого-анатому *во время самаго вскрытія* вопросы, разрѣшеніе которыхъ онъ можетъ ожидать отъ патологической анатоміи. Патолого-анатомъ обязанъ отвѣчать ему на эти во-

просы и употребить всё способы и средства своей науки для разъяснения болѣзненного случая и отысканія причины смерти».

Очевидно, что эти вопросы клиницистъ долженъ предлагать патолого-анатому *именно во время самаго вскрытія*, а не послѣ него, какъ полагають нѣкоторые изъ моихъ почтенныхъ товарищей, такъ какъ для отвѣта на нѣкоторые вопросы клинициста патолого-анатому приходится совершенно измѣнить направленіе вскрытія. Когда вскрытіе кончилось, части выведены изъ своего положенія, естественной связи и болѣе или менѣе повреждены ножомъ анатома, тогда становится невозможнымъ отвѣчать даже на такіе вопросы, отвѣты на которые, во время производства вскрытія, вовсе бы не представляли затрудненій.

Что касается шестаго вопроса, то разрѣшеніе его имѣетъ только социальный интересъ. По моему мнѣнію его слѣдуетъ рѣшить такъ:

VI. «Вскрытіе труповъ, умершихъ въ клиникахъ, должны быть производимы въ особенной, нарочно для этого устроенной, комнатѣ или часовнѣ. Только въ рѣдкихъ случаяхъ и съ согласія директора клиники вскрытіе можетъ быть производимо въ анатомическомъ театрѣ».

Рѣшая такимъ образомъ предложенный вопросъ, я имѣю слѣдующія основанія. Общество наше до сихъ поръ еще враждебно смотритъ на трупоустройства и больныя неохотно поступаютъ въ клинику, зная, что послѣ смерти ихъ будутъ вскрывать. Еще враждебнѣе смотритъ оно на вскрытія въ анатомическомъ театрѣ, которое кажется ему даже обидно. Вскрытія, произведенныя въ чертѣ клиническаго зданія, въ особенной, для этого назначенной, комнатѣ, имѣютъ болѣе домашній характеръ и гораздо менѣе обижаютъ щекотливое чувство родственниковъ и друзей покойнаго. Вотъ почему до сихъ поръ я отправлялъ для вскрытія въ анатомическій театръ только такіе трупы, родственники которыхъ по нѣкоторымъ соображеніямъ не могли быть въ претензіи за вскрытіе въ анатомическомъ театрѣ. Но дѣлать изъ этого общее правило нельзя; напротивъ того вскрытія въ анатомическомъ театрѣ должны быть исключеніемъ и даже вовсе оставлены.

Наконецъ, намъ остается разрѣшить седьмой и послѣдній вопросъ. Отвѣтъ на него цѣликомъ основывается на пользѣ студентовъ, а также на принципѣ справедливости и равномѣрнаго распредѣленія труда профессора патологической анатоміи въ нашемъ университетѣ, при теперешнемъ порядкѣ вещей, когда за нимъ считается не болѣе 5 лекцій патологической и 3 микроскопической анатоміи, конечно, онъ гораздо менѣе занятъ, чѣмъ каждый изъ клиницистовъ, у которыхъ, кромѣ другихъ лекцій, однѣ клиники занимають 14 часовъ въ недѣлю, которые не знаютъ отдыха и по праздникамъ и кромѣ того бываютъ въ клиникахъ по вечерамъ. Неужели можно требовать отъ нихъ, чтобы они еще разъ являлись въ уни-

верситетъ внѣ своего урочнаго времени, въ часы патолого-анатомическихъ лекцій, чтобы присутствовать при вскрытіи своихъ умершихъ больныхъ и не справедливѣе-ли будетъ установить, чтобы патолого-анатомъ производилъ вскрытіе въ часы клинической лекціи. Притомъ же преподаваніе патологической анатоміи сильно пострадаетъ отъ производства клиническихъ вскрытій въ часы лекцій для нея назначенныхъ, потому что эти вскрытія не могутъ имѣть характера систематическаго изложенія науки, а скорѣе похожи на простое составленіе протокола. Въ другихъ университетахъ, которые намъ въ этомъ отношеніи могутъ служить образцами, напр., въ Берлинѣ, вскрытія совершенно отдѣлены отъ лекцій патологической анатоміи. Вирховъ производитъ вскрытія для студентовъ только разъ въ недѣлю, а лекціи патологической анатоміи читаетъ почти ежедневно. При томъ вскрытія для студентовъ должны быть производимы совершенно иначе. Для нихъ недостаточно, чтобы профессоръ самъ вскрывалъ трупъ, нужно упражнять ихъ въ производствѣ вскрытія, и Вирховъ дѣлаетъ это съ несокрушимымъ терпѣніемъ. Разумѣется, что подобныя упражненія не могутъ производиться на клиническихъ трупахъ, вскрытіе которыхъ имѣетъ особенную, болѣе важную цѣль. При томъ же очевидно, что при вскрытіи клиническихъ труповъ непременно должны присутствовать студенты IV и V курсовъ, посѣщающіе клинику, для которыхъ такія вскрытія имѣютъ особенное, весьма важное значеніе и интересъ, между тѣмъ оба эти курса вовсе не обязаны слушать лекціи патологической анатоміи и въ часы, для нея назначенные по росписанію, должны посѣщать лекціи судебной медицины. Вотъ почему только самая малая часть студентовъ IV и V курсовъ до сихъ поръ посѣщали клиническія вскрытія и то въ ущербъ другому преподаванію. Всѣ эти неудобства устраняются, если седьмой вопросъ будетъ рѣшенъ такъ:

VII. «Вскрытія клиническихъ труповъ должны быть производимы въ часы клиническихъ лекцій».

Мнѣ скажутъ, что отъ этого потерпитъ клиническое преподаваніе, на это я отвѣчу, что профессоръ клиники изъ своей ежедневной 2-хъ часовой лекціи легко можетъ удѣлить одинъ часъ для обозрѣнія больныхъ, другой—для производства вскрытія, которое притомъ, если оно будетъ произведено въ томъ духѣ и направленіи, на которое я старался указать выше, составляетъ весьма назидательный эпизодъ въ ходѣ клиническаго преподаванія. Эманципация клиники отъ патологической анатоміи можетъ быть послужить къ такому возраженію, что при нашемъ скудномъ патолого-анатомическомъ матеріалѣ, преподаваніе ея понесетъ значительный ущербъ. На это можно только отвѣтить, что: 1) не слѣдуетъ упускать изъ виду, что главная цѣль медицинскаго образованія заключается въ солид-

ной клинической подготовкѣ. Клиника поэтому должна стоять на первомъ планѣ. Подчиняя интересы ея интересамъ патологической анатоміи, мы принесемъ ей огромный вредъ. Между клиникой и патологической анатоміею такая же разница, какъ между жизнью и смертью. Развѣ послѣдняя можетъ господствовать надъ первою? Нигдѣ во всемъ почти мірѣ клиническіе трупы не служатъ исключительнымъ матеріаломъ для изученія патологической анатоміи, а гдѣ это существуетъ, тамъ патологическая анатомія подчиняется клиникѣ. 2) Со времени утвержденія проекта для патолого-анатомическихъ вскрытій на Сабуровой дачѣ мы имѣемъ виды на болѣе богатый патолого-анатомическій матеріалъ.

Изложивъ свое мнѣніе на счетъ § 83 новаго положенія для факультетскихъ клиникъ и выставивъ на видъ необходимыя въ немъ поправки и дополненія, покорнѣйше прошу медицинскій факультетъ, обсудивъ дѣло безпристрастно и всесторонне, ходатайствовать предъ Совѣтомъ университета и попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа объ измѣненіи и дополненіи § 83 новаго положенія для университетскихъ клиникъ».

Вслѣдъ за рапортомъ проф. Маровскаго въ факультетъ поступилъ рапортъ проф. Лямбли слѣдующаго содержанія:

«Въ рапортѣ г. Маровскаго, поданномъ въ медицинскій факультетъ 15 марта 1867 года по поводу § 83 положеній о клиникахъ, я не нахожу ничего новаго, что не было бы уже извѣстно факультету; въ сущности здѣсь повторяются тѣ же самыя, едва-ли выполнимыя, требованія, противъ которыхъ высказались члены факультета единодушно въ частномъ засѣданіи, состоявшемся 11 марта 1867 года, по поводу моего рапорта. Въ этотъ, памятный для меня, день я могъ согласиться съ желаніемъ членовъ факультета не вносить моего рапорта и рѣшенія факультета въ протоколъ; но такъ какъ г. Маровскій въ настоящее время (15 марта) выражаетъ желаніе перенести этотъ вопросъ чрезъ факультетъ въ Совѣтъ и г. попечителю, передавая въ своемъ рапортѣ факты въ другомъ видѣ, нежели какъ они совершились, то я, въ виду необходимости сохраненія исторической послѣдовательности событій, равно какъ и поправленія невѣрныхъ показаній г. Маровскаго, нахожусь вынужденнымъ представить прежде всего копію моего рапорта отъ 10 марта 1867 г., а потомъ уже приступить къ разбору нынѣшняго рапорта г. Маровскаго.

Въ медицинскій факультетъ проф. Д. Лямбли рапортъ.

Въ положеніи о клиникахъ находится относительно клиническихъ вскрытій слѣдующій параграфъ:

§ 83. *Трупы умершихъ въ клиникъ вскрываются въ присутствіи директора той клиники, въ которой больной умеръ, профессоромъ патологической анатоміи. Протоколъ вскрытія сохраняется въ архивъ па-*

тологической анатоміи, а найденные при вскрытіи препараты составляютъ собственность кабинета патологической анатоміи.

По поводу этого положенія честь имѣю довести до свѣдѣнія медицинскаго факультета слѣдующее: 2 марта 1867 года послѣ клиническаго вскрытія, сдѣланнаго мною въ присутствіи директора терапевтической клиники и гг. студентовъ въ анатомическомъ театрѣ, г. проф. Маровскій въ первый разъ и противъ всякаго обыкновенія потребовалъ, чтобы брюшные органы были перенесены изъ анатомическаго театра въ другое зданіе, будто для микроскопическаго изслѣдованія. На такое требованіе я возразилъ, что готовъ отрѣзать сколько нужно для микроскопическаго изслѣдованія отъ различныхъ частей, но на переноску всѣхъ внутренностей согласиться не могу, такъ какъ мнѣ самому еще нужно заняться въ лабораторіи однимъ изъ органовъ, именно изслѣдованіемъ печени и желчныхъ протоковъ, предназначенныхъ мною на препараты для анатомическаго кабинета. Вошедши за мною въ лабораторію, г. Маровскій настаивалъ на своемъ требованіи—дать перенести немедленно всѣ брюшные органы чрезъ дворъ въ кабинетъ г. Хржонщевскаго, утверждая, что этотъ матеріалъ составляетъ его (г. Маровскаго) принадлежность, что онъ одинъ имѣетъ право распоряжаться имъ, какъ ему угодно, и что на слѣдующій день онъ можетъ доставить анатомическому кабинету остатки. Это все было произнесено и повторено г. Маровскимъ съ такимъ рѣзкимъ крикомъ и угрожающимъ тономъ, что я подобнаго голоса въ зданіи университета еще не слыхивалъ. Не имѣя свидѣтелей столь оскорбительнаго поступка, я счелъ за лучшее прекратить всякія объясненія, попросивъ только г. Маровскаго прочесть положеніе о клиникахъ и параграфъ, относящійся ко вскрытіямъ. Узнавъ впослѣдствіи, что положенія о клиникахъ были составлены еще до прибытія г. Маровскаго въ Харьковъ, я счелъ не лишнимъ дать выписать вышеприведенный параграфъ и переслать его г. Маровскому со слѣдующею запискою:

М. Г. По поводу сцены, случившейся въ моей лабораторіи 2 марта 1867 г. послѣ вскрытія, и во избѣжаніе на будущее время яростныхъ Вашихъ экспирацій, позволяю себѣ препроводить Вамъ при семъ извлеченіе изъ положенія объ университетскихъ клиникахъ (§ 83), котораго Вы или не знаете или знать не хотите. Надѣюсь, что отнынѣ не будете въ сомнѣніи о томъ, что 1) Вы не имѣете никакого права распоряжаться анатомическимъ матеріаломъ, и что 2) я не имѣю никакого права соглашаться съ Вашими претензіями. Харьковъ, 6 марта 1867 г. Д. Лямбль.

Въ тотъ же день полученъ мною слѣдующій отвѣтъ:

М. Г. Правила клиническія я знаю лучше Васъ, а во избѣжаніе Вашихъ *накостей*, Вы будете впредь производить вскрытія въ клиниче-

ской секціонной комнатѣ, въ часѣ клиническихъ лекцій. Клиническіе трупы только съ большими ограниченіями могутъ быть употребляемы для составленія патологическаго кабинета, а потому и правила должны быть измѣнены. Пожалуй, Вамъ захочется уродовать трупы. Затѣмъ препараты, которые можно будетъ дать, Вы получите послѣ предварительнаго гистологическаго изслѣдованія въ кабинетѣ г-на Хржонцевскаго. Въ заключеніе я прошу Васъ избавить меня отъ Вашихъ вѣжливыхъ писемъ, они совершенно излишни, и каждое сомнѣніе мы можемъ рѣшить въ факультетѣ. Харьковъ, 6 марта 1867 г. Маровскій.

Считаю долгомъ довести эти письменныя сношенія до свѣдѣнія медицинскаго факультета, потому что ими обрисовывается situacія, въ которой такъ неожиданно очутился я относительно своихъ обязанностей именно клиническихъ вскрытій.

Г. Маровскій, зная положеніе о клиническихъ вскрытіяхъ, какъ онъ утверждаетъ, лучше меня, все-таки не чувствуетъ несправедливости своихъ притязаній, высказанныхъ имъ 2 марта въ моей лабораторіи. Онъ напротивъ того идетъ дальше, не сдерживая себя отъ оскорбленій даже моей чести, для защиты которой я нахожусь вынужденнымъ представить все дѣло на обсужденіе медицинскаго факультета. Въ продолженіе 16 лѣтъ моихъ анатомическихъ занятій я никогда не слышалъ въ упрекъ моихъ трудовъ неприличнаго выраженія „*накостей*“—или извительныхъ инсинуацій объ «уродованіи труповъ»—никогда не испыталъ подобнаго терроризма одного изъ членовъ факультета, который безъ всякихъ извѣстныхъ мнѣ основаній вдругъ позволяетъ себѣ не уважать положеній, принятыхъ Совѣтомъ университета и замѣняетъ ихъ произвольными повелѣніями, съ которыми онъ вдобавокъ относится къ своему товарищу и сочлену съ тономъ, какой нечасто употребляютъ господа по отношенію къ прислугѣ.

Кромѣ того поступкомъ г. Маровскаго нарушается правильный ходъ и установленный порядокъ преподавательскихъ занятій и открывается бузутѣшная перспектива на будущія коллегіальныя отношенія въ Харьковскомъ университетѣ, если такое нарушеніе не будетъ прекращено заблаговременно. Медицинскій факультетъ, зная и уважая задачу и объемъ науки, способы и средства для преподаванія ея, не находилъ нужнымъ поставить какія нибудь ограниченія въ употребленіи матеріала, получаемого при клиническихъ вскрытіяхъ. Г. Маровскій, придумывая какія-то «большія ограниченія», доказываетъ только, что онъ этого дѣла не знаетъ. Изъ десятка труповъ едвали одинъ разъ встрѣтится возможность употребить что нибудь для составленія патологическаго кабинета; но за то при каждомъ трупосѣченіи есть цѣлые десятки важныхъ и необходимыхъ

для анатома предметовъ, которые только въ свѣжемъ состояніи могутъ быть полезными для учащихся, предметы, безъ демонстраціи которыхъ преподаваніе анатоміи осталось бы на половину безуспѣшнымъ. При такой задачѣ патологическаго анатома было бы крайне странно поставить его напр. въ зависимость отъ г. Маровскаго тѣмъ, что послѣдній имѣлъ бы право назначать, какіе препараты и когда можно дать и т. п. Откуда взялъ г. Маровскій предварительное гистологическое изслѣдованіе въ кабинетѣ г. Хржонщевскаго,—это мнѣ рѣшительно непонятно, такъ какъ я гистологическое изслѣдованіе патологическихъ предметовъ считаю неразлучною частью патологической анатоміи. Поэтому покорно прошу медицинскій факультетъ приступить къ обсужденію этого дѣла, признать въ поступкѣ г. проф. Маровскаго нарушеніе правилъ нашихъ занятій и отношеній, защитить меня отъ оскорбительныхъ съ его стороны нападеній и обезпечить на будущее время въ томъ, что внѣ предѣловъ своихъ клиническихъ обязанностей онъ не будетъ вмѣшиваться ни въ какія распоряженія съ анатомическимъ матеріаломъ, найденнымъ при трупосѣченіяхъ и станеть соблюдать такимъ образомъ въ точности значеніе постановленій о клиникахъ впредь до измѣненія ихъ законнымъ порядкомъ. Харьковъ, 10 марта 1867 г. Проф. Д. Лямбль.

На подлинномъ подписано собственною рукою декана: Въ частномъ собраніи членовъ медицинскаго факультета 11 марта рѣшено: клиническія вскрытія производить на основаніи § 83 Положенія о клиникахъ впредь до измѣненія ихъ законнымъ порядкомъ. Деканъ Демонси.

Приступая теперь къ разбору рапорта г. Маровскаго отъ 15 марта 1867 года, я позволяю себѣ привести прежде всего нѣкоторые общія замѣчанія. Г. Маровскій начинаетъ съ того, что по поводу § 83 положеній о клиникахъ встрѣтились въ медицинскомъ факультетѣ «недоразумѣнія».

Какъ изъ вышеприведеннаго моего рапорта явствуетъ, то недоразумѣній никакихъ не было, а было *произвольное толкованіе* этого параграфа со стороны г. Маровскаго, съ которымъ онъ отнесся къ профессору патологической анатоміи 2 марта 1867 г. словесно, а 6 марта *письменно*, оба раза неприличнымъ *тономъ непризнанія правилъ и установленнаго порядка*. Въ самомъ же собраніи членовъ медицинскаго факультета 11 марта всѣ выраженія г. Маровскаго были такого опредѣленнаго свойства, что не оставляли ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, какого рода было его намѣреніе. Если для г. Маровскаго трудно сознаться въ томъ, что дѣйствія его были *несправедливы* и несогласны съ общепринятыми условіями приличія, то для меня еще труднѣе видѣть въ нихъ простое недоразумѣніе.

Далѣ въ одномъ мѣстѣ г. Маровскій употребляетъ выраженіе „*мое твердое постановленіе сецировать каждый трупъ*“.

Факультетъ согласится со мною, что это постановленіе вовсе не его, г. Маровскаго, оно существовало до его прибытія въ Харьковъ, будучи опредѣлено *медицинскимъ факультетомъ*, согласно съ Уставомъ Россійскихъ университетовъ. *Твердымъ* оно было дѣйствительно со дня утвержденія Совѣтомъ (безъ г. Маровскаго), но распаталось бы безъ всякаго сомнѣнія скоро, если бы факультетъ его подчинилъ какому либо произвольному распоряженію одного члена корпорации, напр. г. Маровскаго.

На счетъ мѣстности, гдѣ должны быть производимы клиническія вскрытія, г. Маровскій домогается того, чтобы для этой цѣли была устроена особенная часовня, и что только *въ рѣдкихъ случаяхъ*, съ согласія директора клиники, вскрытіе можетъ быть произведено въ анатомическомъ театрѣ. Читая далѣе, что г. Маровскій и *до сихъ поръ отправлялъ* для вскрытія въ анатомическомъ театрѣ только такіе трупы, родственники которыхъ не могли быть въ претензіи за вскрытіе въ анатомическомъ театрѣ, всякій подумаетъ, что клиническія трупосѣченія до сихъ поръ производились по большей части и какъ будто правильно въ часовнѣ, въ чертѣ клиническаго зданія, а въ анатомическомъ театрѣ только по исключенію. Между тѣмъ на дѣлѣ въ продолженіе круглаго года было наоборотъ: всѣ трупы терапевтической клиники были вскрываемы проф. патологической анатоміи *въ анатомическомъ театрѣ* за исключеніемъ одного, вскрытаго въ часовнѣ, и то единственно по причинѣ *праздника* (19 февраля 1867 г.).

Какъ ни маловажнымъ кажется это обстоятельство, но оно замѣчательно потому, что стилизація доклада г. Маровскаго служить доказательствомъ, что г. Маровскій не пренебрегаетъ ни однимъ случаемъ, чтобы не придать извѣстнымъ событіямъ другаго значенія, чтобы не исказить даже такіе факты, по которымъ ему можно представить хотя 20 свидѣтелей. Говоря объ отношеніяхъ патолого-анатомовъ къ клиницистамъ, г. Маровскій ставитъ въ примѣръ чуть-ли не *„всѣ знаменитыя европейскія школы“* и находитъ, что *„нигдѣ со всемъ почти міръ трупы не служатъ исключительнымъ матеріаломъ патологической анатоміи“*, прибавляя впрочемъ, что *„идѣ это существуетъ, тамъ патологическая анатомія подчиняется клиникѣ“*.

C'est le ton qui fait la musique. Г. Маровскій вѣроятно рассчитываетъ на огромный эффектъ, приравнивая Харьковскій медицинскій факультетъ ко всѣмъ медицинскимъ школамъ Европы и чуть-ли не всего міра.

Разсмотримъ этотъ пунктъ безпристрастно.

Прежде всего, насколько членамъ медицинскаго факультета извѣстно, г. Маровскій не предъявилъ никакихъ данныхъ, чтобы, кромѣ двухъ

мѣсяцевъ каникулярнаго времени, проведенныхъ имъ въ прошедшемъ году въ Берлинѣ, онъ занимался гдѣ нибудь за границей специально своей наукой, а потому *очевидно* по этому вопросу *считаться не можетъ*. Онъ бы могъ, конечно, знать объ иностранныхъ учрежденіяхъ и *по преданіямъ*, только въ такомъ случаѣ, обращаясь къ медицинскому факультету долженъ бы былъ озаботиться показаніями болѣе основательными и достовѣрными, чѣмъ они на самомъ дѣлѣ. Медицинскій факультетъ считаетъ въ средѣ своей много членовъ, дѣйствительно побывавшихъ въ разныхъ странахъ Европы и имѣвшихъ обратить специальное вниманіе на способы производства вскрытій и на отношенія патологической анатоміи къ клиникѣ. Имъ всемъ извѣстно, что каждая страна отличается своими особенностями по устройству медицинскихъ учебныхъ заведеній и что именно научная цѣль трупосѣченія достигается различными способами.

Въ *Англіи* особыхъ преподавателей патологической анатоміи вовсе нѣтъ, однакожъ клиническое преподаваніе ничего чрезъ то не теряетъ. Это потому, что въ англійскихъ медицинскихъ школахъ поручается клиника и практическое преподаваніе такимъ врачамъ, которые многолѣтними трудами по отраслямъ анатоміи и физиологіи дали ручательство техническаго умѣнія и глубокихъ научныхъ свѣдѣній: ихъ препараты хранятся въ музеяхъ, ихъ умственные труды обогащаютъ литературу. Къ трупосѣченіямъ въ этихъ школахъ приступаютъ обыкновенно послѣ окончанія клиническихъ визитовъ, въ присутствіи всей ученой корпорации, и такъ какъ всѣ члены послѣдней—опытные анатомы, то и выходитъ все равно, кто изъ нихъ пріймется за то или другое вскрытіе.

Во *Франціи* правильное производство клиническихъ вскрытій и вообще по патологической анатоміи при медицинскихъ школахъ очень недостаточны, да французскіе врачи сами сознаются, что въ этомъ отношеніи они отстали, такъ что имъ въ настоящее время много не достаетъ. Правда этотъ недостатокъ вознаграждается развитыми до высокой степени специальностями, распределенными по многочисленнымъ госпиталямъ большихъ городовъ, однакожъ послѣднія учрежденія не могутъ имѣть никакого примѣненія въ нашемъ университетѣ.

Въ *Германіи* сколько университетовъ, столько разнообразныхъ установленій. Судя по количеству матеріала и по составу преподавателей, на одного профессора нерѣдко возлагается по два, даже по три предмета.

Уже тѣхъ трехъ университетовъ, на которые указалъ г. Маровскій (въ Берлинѣ, Вюрцбургѣ и Тюбингенѣ), нельзя поставить въ примѣръ того, что сказано объ нихъ, потому что, во первыхъ, отношеніе патолого-анатома къ клиницистамъ въ Берлинѣ не то, что въ Вюрцбургѣ, а во

вторыхъ въ Тюбингенѣ каѳедры патологической анатоміи вовсе нѣтъ, а причисляется къ терапевтической клиникѣ только ассистентъ въ качествѣ прозектора. Гдѣ, однакожъ, отношенія между клиницистами и патолого-анатомами лучше всего выработались, такъ это въ Италіи и Австріи. На основаніи исполнскихъ трудовъ по патологической анатоміи, появившихся въ этихъ странахъ и давшихъ въ свое время новый поворотъ всей практической медицинѣ (Morgagni въ Италіи, Рокитанскаго въ Вѣнѣ) правительства заранѣе учредили при университетахъ особенныя каѳедры для этого предмета и медицинскія школы приступили къ естественному раздѣленію матеріала и труда, опредѣляемому особенными положеніями или такъ называемыми „инструкціями“. Однакожъ это распредѣленіе труда, эти инструкции вовсе не говорятъ въ пользу предлагаемыхъ г. Маровскимъ измѣненій установленнаго у насъ порядка. Напротивъ того, онѣ во всѣхъ подробностяхъ опредѣляютъ отношенія, какія означаются нашимъ § 83 и какія, вдобавокъ къ этому параграфу и согласно съ нимъ, установились обычаемъ. Если бы медицинскому факультету понадобилось справиться съ инструкціей такого факультета, который по своему составу приблизительно подходитъ къ Харьковскому, то я могу во всякое время представить экземпляръ, но мнѣ кажется, что факультетъ и безъ этого сознаетъ, что § 83, равно какъ и всѣ другіе параграфы нашего положенія были составлены сообразно съ университетскимъ уставомъ, съ современнымъ требованіемъ науки и съ мѣстными нашими условіями. *Сходство* нашего положенія съ упомянутой инструкціей могло бы служить только доказательствомъ, какъ вѣрно понялъ факультетъ свою задачу при составленіи правилъ и какъ невѣрно ее понимаетъ г. Маровскій. Напрасно ему ссылаться на нѣкоторые неполныя или недостаточныя учрежденія заграничныхъ школъ; напрасно говорить о химикѣ въ качествѣ ассистента при клиникѣ, когда такого мѣста не полагается уставомъ университета, а полагается особая каѳедра медицинской химіи; напрасно ему браться за трупосѣченія и обязанности по такому предмету, по которому полагается особый преподаватель.

Подобно тому, какъ относится г. Маровскій къ медицинскимъ школамъ, такъ онъ, указывая медицинскому факультету на цѣлую кучу европейскихъ знаменитостей, думаетъ выставить ихъ литературные труды въ примѣръ того, чтобы, подъ его руководствомъ, могло тоже явиться и въ Харьковѣ. И здѣсь онъ смѣшиваетъ старыхъ, новыхъ и новѣйшихъ дѣятелей безъ всякаго разбора, забывая при этомъ, что на всякій трудъ было, есть и будетъ свое время, люди и свои прочія условія. Возьмемъ, напр., трехъ изъ приведенныхъ г. Маровскимъ клиницистовъ: Леннека, Шкоду и Фрерихса. *Леннекъ* могъ быть знаменитымъ клиницистомъ потому, что

онъ самъ вскрывалъ трупы въ то время, когда патологическая анатомія была еще въ колыбели. Его преемникъ по аускультации *Шкода* могъ быть не менѣе знаменитымъ клиницистомъ потому, что онъ самъ никогда не касался труповъ, а только прислушивался къ учениямъ своего друга Рокитанскаго. *Фрерихсъ* опять-таки могъ сдѣлаться знаменитымъ клиницистомъ потому, что, подобно англійскимъ врачамъ, онъ перешелъ къ клиническимъ занятіямъ послѣ многолѣтнихъ трудовъ по патологической анатоміи, и т. д., и т. д. Каждый истинно трудящійся дѣатель приносить свою лепту въ общую сокровищницу науки, соображаясь съ вѣшними условіями и собственными способностями. Если же г. Маровскій считаетъ нужнымъ указать прежде всего на «*прекрасные труды*» тѣхъ и другихъ знаменитыхъ ученыхъ, то это только прекрасныя слова; но мы должны не забывать, что первая и главная обязанность, возложенная на насъ уставомъ, состоитъ въ *преподаваніи* специальныхъ предметовъ и въ образованіи практическихъ врачей. Пожелаетъ кто нибудь кромѣ того подняться надъ заграничными знаменитостями въ литературѣ, то уставъ ему ни мало не помѣшаетъ, лишь бы онъ исполнялъ свою обязанность по своему предмету, не вмѣшиваясь въ занятія своихъ товарищей.

Чтобы сдѣлаться то же знаменитымъ клиницистомъ, г. Маровскому кажется необходимымъ открыть себѣ прежде всего новый путь, а этотъ путь не что другое, какъ: *эманципация клиники отъ патологической анатоміи* (sic!). Говоря объ этой эманципации, онъ находитъ, что «*между клинкою и патологическою анатоміею такая же разница, какъ между жизнью и смертію*», при чемъ онъ спрашиваетъ: «*развѣ послѣдняя (смерть) можетъ господствовать надъ первою (жизнью)?*».

На это я отвѣчаю: безъ всякаго сомнѣнія, смерть господствуетъ надъ жизнью; осѣчки никогда не сдѣлала. Это не вопросъ, а неизбежное явленіе природы. «Сколько не жить, а смерти не отбыть». Но дѣло въ томъ, что патологическая анатомія—не есть явленіе природы, а наука; клиника опять не есть наука, а практическое *примѣненіе* выводовъ изъ разныхъ наукъ; наконецъ, такъ какъ уже въ этомъ сравненіи г. Маровскаго недостаетъ *tertium comparationis*, т. е. нѣтъ никакого сходства, то выводъ изъ него не имѣетъ никакого основанія. Ибо никто до сихъ поръ не говорилъ, даже не воображалъ себѣ господства или подчиненія одной науки другой. Уставомъ поставлены всѣ предметы наравнѣ, всѣмъ каеэдрамъ предназначены одинаковыя права и обязанности.

Но г. Маровскій въ своемъ рапортѣ смѣшиваетъ не только науки съ научными *пособіями* и съ *преподавателями* по этимъ наукамъ: онъ сознательно домогается *подчиненія ихъ себѣ*. Онъ полагаетъ, что такъ какъ клиника должна стоять на первомъ планѣ, то и всѣ остальные препода-

ватели, какъ то: анатомъ, гистологъ, физиологъ и физикъ, равно какъ и пособія ихъ должны быть подчинены ему, какъ клиницисту. Недовольствуясь своими правами и пособіями, онъ высказываетъ рѣшительное стремленіе къ узурпаціи. А между тѣмъ *привилегій* по кафедрамъ не полагается, и не трудно сообразить, что какая либо привилегія клинициста властвовала-бы только паразитомъ въ факультетѣ, въ ущербъ общимъ интересамъ. Положимъ, наконецъ, что медицинскому факультету удалось бы обставить новаго директора харьковской терапевтической клиники самыми первостатейными силами въ качествѣ ординаторовъ, анатомовъ, гистологовъ, химиковъ и физиковъ, которые-бы всѣ были ему подчинены и обязаны отвѣчать на его вопросы, всѣ работали-бы только для него и за него, то такая обстановка представляла-бы, пожалуй, великолѣпную и драгоценную *рамку*, но спрашивалось-бы: какая *картина* въ этой рамкѣ? То есть клиника и клиницистъ? Извѣстное дѣло, что въ глазахъ знатока картина въ настоящей цѣнности своей мало выплываетъ и мало теряетъ отъ рамки. «Какова плена, такова ей и цѣна». Въ наукѣ, равно и въ искусствѣ, каждая личность имѣетъ настолько настоящей цѣны, насколько она кладетъ на вѣсь изъ собственного труда, изъ собственныхъ силъ.

Главная и основная идея, которая тянется, какъ нить, по лабиринту разсужденій г. Маровскаго объ эманципаціи клиники отъ патологической анатоміи, заключается въ намекѣ, что клиническія вскрытія должны быть производимы въ *извѣстномъ духѣ и направленіи*. Эта идея дѣлается вполне понятной только при соображеніи моего перваго рапорта 10 марта и объясненій, высказанныхъ въ частномъ собраніи факультета 11 марта.

Въ письменномъ своемъ отношеніи ко мнѣ (6 марта) г. Маровскій обвинялъ меня въ *накостяхъ*, и въ присутствіи членовъ факультета (11 марта) въ объясненіе этого неприличнаго слова заявилъ, что онъ моими вскрытіями недоволенъ по несогласію ихъ съ его клиническими предположеніями. Мнѣ сначала казалось невѣроятнымъ, даже невозможнымъ, чтобы такое несогласіе по научнымъ вопросамъ могло служить поводомъ къ личному оскорбленію. Я не понялъ, какъ можно вообще сравнивать *анатомическій* діагнозъ, составленный при вскрытіи по непосредственному наблюденію, съ клиническимъ діагнозомъ, основаннымъ на болѣе или менѣ сильной степени вѣроятія. Вдобавокъ мнѣ и не трудно было объяснить предъ факультетомъ, что я въ этомъ дѣлѣ не виновенъ уже потому, что я приступаю всякій разъ къ трупосѣченію, не зная, и зная не желая, какія были клиническія предположенія. Я сказалъ, что это у меня не случайности, а старая привычка: я не спрашиваю предварительно клиническаго опредѣленія болѣзни, чтобы не быть предупрежденнымъ при своемъ занятіи. Да и нечего мнѣ было спрашивать съ тѣхъ поръ,

какъ я узналъ, что въ терапевтической клиникѣ въ продолженіе этого академическаго года до сегодняшняго числа (16 марта) не было на доскахъ, находящихся надъ койками, ни одного опредѣленія болѣзни. Это послѣднее, мимоходомъ говоря, тоже своего рода новость, которая дѣйствительно, безъ преувеличенія, кромѣ Харькова, еще нигдѣ въ Европѣ, даже ни въ одной уѣздной больницѣ Россіи, не введена. Можетъ быть, что эта «*tabula rasa*» въ системѣ г. Маровскаго одно изъ необходимыхъ условій «солидной подготовки студентовъ и здраваго клиническаго преподаванія», о которомъ онъ такъ эмфатически и краснорѣчиво распространяется; можетъ быть, что г. Маровскій убѣдился въ томъ, что всѣ его предшественники по клиникѣ, соблюдавшіе обыкновенный порядокъ, были люди отстаые, и что только на его долю выпало открыть *Arcanum duplicatum* клинической мудрости, подобно тому, какъ во время оно утверждали извѣстный зальцбургскій врачъ *Philippus Aureolus*, по прозванію *Theophrastus Bombastus Paracelsus*, память котораго сохраняется почти 400 лѣтъ. Однакожъ это до меня, какъ вскрывающаго клиническіе трупы, не касается; для меня пустыя доски безъ диагнозовъ въ терапевтической клиникѣ важны только какъ *внѣшнее* доказательство моей безвинности въ томъ, что результаты вскрытій, сдѣланныхъ мною, г. Маровскому не понравились.

Но въ настоящемъ рапортѣ другое: г. Маровскій уже не говоритъ о моихъ «пакоостяхъ»,—онъ выдумалъ новое болѣе приличное, но не менѣе двусмысленное выраженіе; онъ говоритъ: *«объ извѣстномъ духѣ и направленіи, въ которомъ патолого-анатомъ, слѣдуя показаніямъ клинициста, долженъ дѣлать клиническое вскрытіе»*, и это «извѣстное направленіе», онъ подчеркиваетъ и повторяетъ по крайней мѣрѣ 5 разъ въ своемъ рапортѣ.

Признаюсь, это оригинальный намекъ, вызывающій меня на глубокое размышленіе. Съ 1850 года до настоящаго дня я сдѣлалъ уже нѣсколько тысячъ вскрытій, въ присутствіи клиницистовъ, имена которыхъ сливаются съ воспоминаніями о моихъ трудахъ; они слѣдующіе: *Halla, Löschner, Sakch, Bamberger, Hamernik, Cejka, Spielmann, Fischel, Waller, Pitha, Arlt, Seifert*, въ Харьковѣ еще гг. *Альбрехтъ, Ганъ, Демонси, Грубе* и *Лазаревичъ*. Всѣ эти господа въ случаѣ трупосѣченія выслушивали протоколъ и анатомическое опредѣленіе болѣзни молча, безропотно, безъ замѣчаній. Сотни другихъ клиническихъ вскрытій, при которыхъ я присутствовалъ въ разныхъ странахъ Европы, производились такимъ же порядкомъ. Единственная цѣль при каждомъ трупосѣченіи была до сихъ поръ: объективное и по возможности полное и точное опредѣленіе всѣхъ болѣзненныхъ измѣненій, найденныхъ въ организмѣ. *Post tanta molimina, post*

tantas labores—каково мое изумленіе, когда я вдругъ узнаю, что это все не такъ производилось, какъ слѣдовало! Не будь рапорта г. Маровскаго, мы все еще находились бы подѣ влияніемъ заблужденія, все продолжали бы жить и вскрывать при полномъ невѣдѣніи того, что вскрытія должны быть дѣлаемы *въ извѣстномъ духѣ и направленіи, предназначенномъ требованіями клинициста!*

Если допустить, чтобы клиницистъ назначалъ «извѣстное направленіе», то каждый, прежде всего, спросить, что при такомъ вскрытіи будетъ важнѣе: предположеніе-ли клинициста, или дѣйствительность на трупѣ?

Положимъ напримѣръ (а такихъ примѣровъ можетъ быть не мало), что клиницистъ опредѣлитъ при больномъ бугорчатку легкихъ, а вскрытіе, вмѣсто бугорчатки, показываетъ хроническій катарръ, то это подѣ часть понятная и даже извинительная ошибка. Но какое бы тутъ онъ не придумывалъ «*направленіе*» вскрытія, какъ бы онъ ни старался замаскировать дѣло разными *показаніями* и требованіями разрѣшенія клиническихъ вопросовъ и т. п. искусственными оборотами, анатомъ ему при вскрытіи не можетъ сочинить бугорковъ, а долженъ принять въ протоколъ все то, что найдено на трупѣ. Но это клиницисту ужасно досадно и, такъ какъ этотъ голый неоспоримый фактъ и этотъ неумолимый анатомъ «*не-всегда понимающій*» (по словамъ г. Маровскаго) *интересовъ клинициста*—стали въ разрѣзъ съ этими интересами клинициста, то послѣдній стремится подчинить себѣ и фактъ и анатома, приспособляя обоихъ къ своимъ воззрѣніямъ и соображеніямъ, отвергая значеніе однихъ и признавая значеніе лишь нѣкоторыхъ фактовъ «*неимѣющихъ*», будто, «цѣны и смысла въ глазахъ патолого-анатома», внушая наконецъ послѣднему «*извѣстный духъ и направленіе*» и рассчитывая даже на удаленіе эксперта анатома отъ вскрытій, «*которому, по словамъ г. Маровскаго, нельзя отказать въ правѣ отказать отъ производства вскрытія, если онъ съ точки зрѣнія своей науки считаетъ неудобнымъ слѣдовать указаніямъ клинициста*», т. е. если онъ оказался бы неисправнымъ на счетъ «духа и направленія». Словомъ такой клиницистъ не привыкъ къ контролю и желаетъ всячески избавиться отъ него. И какія неслыханныя вещи вдругъ открываются и представляются медицинскому факультету, не обратившему до сихъ поръ надлежащаго вниманія на «духъ и направленіе» при вскрытіяхъ!

Откуда вдругъ взялись нѣкоторые случаи трупосѣченій, «*представляющіе особенный чисто-клинический интересъ*»? Какія-же это «*кажущіяся мелочи, очень важныя для клинициста и вовсе не имѣющія цѣны и смысла въ глазахъ патолого-анатома*». Изъ чего же другого состоитъ протоколъ вскрытія, какъ именно изъ мелочей описанія *положенія, объема, формы органовъ, качества и мѣста ихъ пораженія*. Какой же

трупъ когда либо вынуждать *секцію, производимую самими клиницистами съ особенною прежде обдуманною цѣлью?*» и т. д.

Категорическія требованія клинициста могутъ свидѣтельствовать объ извѣстной энергіи, которую высказать, конечно, не трудно, въ особенности, если не подумаешь, куда она ведетъ. Однакожь, изъ рапорта г. Маровскаго явствуетъ, что онъ скорѣе готовъ занимать студентовъ на трупѣ *«въ высшей степени поучительными діагностическими этюдами»* à la Traube, нежели выслушивать правильно составленный протоколъ; ему не такъ нужна *вся истина*, разъясненіе *всего*, что найдено на трупѣ, нѣтъ, онъ будетъ довольствоваться толкованіемъ болѣе цѣлесообразнымъ, подходящимъ къ его клиническимъ предположеніямъ; а это уже не исключаетъ и возможности насильствовать природу, извращать факты и обманывать окружающихъ, въ особенности, если имѣются въ виду высшія *соціальныя соображенія и нравственныя цѣли*.

Дѣйствительно, такіе мотивы и находятся въ рапортѣ г. Маровскаго. Онъ находитъ, что *другъ и родственникъ покойника имѣютъ неотъемлемое право узнать до послѣднихъ мелочей всю подробности* (должно быть и микроскопическія и химическія), *касающіяся умершаго*. Это, конечно, нужно представить г. Маровскому, потому что, не говоря уже о членахъ медицинскаго факультета, едвали въ врачебномъ сословіи найдется человѣкъ, который рѣшился бы предпринять невозможное. Если же г. Маровскій думаетъ, что *присутствіе родственниковъ при вскрытіи не запрещается, что мы даже должны желать ея*, то это уже противорѣчитъ его собственнымъ словамъ, гдѣ онъ говоритъ о *щекотливости чувствъ* и объ *обществѣ*, которое будто *враждебно смотритъ на вскрытія*. Мнѣ самому кажется, что сказанное о щекотливости чувствъ болѣе вѣрно, чѣмъ предположеніе о враждебномъ взглядѣ общества. Кому не извѣстно, что люди въ большинствѣ, по естественному отвращенію, сами избѣгаютъ подобныхъ зрѣлищъ, какъ трупосѣченія? что непривыкшіе къ подобнымъ занятіямъ падаютъ въ обморокъ и даже заболѣваютъ другими нервными припадками?... и что поэтому постороннимъ лицамъ присутствіе при вскрытіяхъ нигдѣ не позволяется? Но самый странный взглядъ г. Маровскаго на эти отношенія клиники къ обществу высказывается въ томъ, что онъ, надѣясь убѣдить родственниковъ, присутствующихъ при вскрытіи, въ томъ, что *«смерть больного не зависѣла отъ дурной терапіи, а отъ сущности самаго болѣзненнаго процесса»*, ожидаетъ потомъ, что *«это лучше всего возстановляло-бы довѣріе публики къ заведенію и служило-бы нравственной поддержкой и оправданіемъ клинициста»*.

Казалось бы послѣ этого, что г. Маровскій обладаетъ гумористическимъ талантомъ и способностью сочинить сатиру на самого себя. Но мо-

жетъ быть, что это написано и не въ шутку, что это его серьезное убѣжденіе. Въ такомъ случаѣ я желалъ бы знать, кто раздѣляетъ подобное мнѣніе? Я полагаю, что довѣріе публики къ клиникѣ пріобрѣтается и *«воз-
становляется»* совсѣмъ другими путями, нежели посредствомъ трупосѣченій. Общество видитъ въ клиникѣ, равно какъ и въ благоустроенной больницѣ, только учрежденіе для *спасенія* отъ страданій, для *леченія* отъ болѣзней; научная же цѣль нашихъ изслѣдованій ему чужда и мало понятна. Поэтому и *«нравственной поддержки»* клиницисту не слѣдуетъ искать въ тѣхъ иллюзорныхъ соображеніяхъ, гдѣ ея найти нельзя. Объ этомъ впрочемъ трудно спорить съ клиницистомъ, незнающимъ болѣе благородныхъ мотивовъ при исполненіи своихъ обязанностей по клиникѣ, какъ только *«опасеніе скомпрометироваться передъ публикой»*, почему онъ и прибавляетъ обѣщаніе *«приложить всѣ старанія для точной діагностики и правильнаго леченія»*.

Высказавъ свое мнѣніе объ основныхъ идеяхъ, руководимыхъ г. Маровскимъ при составленіи рапорта, мнѣ остается еще прибавить нѣсколько замѣчаній относительно отдѣльныхъ его вопросовъ. Отвѣты на эти вопросы отличаются той необыкновенной силой логики, что, по словамъ г. Маровскаго, *«первый изъ нихъ разрѣшается самъ собою»*, а слѣдующіе 4 вытекаютъ одинъ изъ другаго. Всѣ они представлены какъ 7 новыхъ положеній взамѣнъ § 83.

«I. Больные, пользующиеся въ клиникахъ, составляютъ неотъемлемый научный матеріалъ профессора соответственной клиники» и т. д.

Такъ какъ въ этомъ параграфѣ рѣчь идетъ о *больныхъ*, то онъ не относится къ трупосѣченіямъ, слѣдовательно мнѣ, какъ анатому, о немъ можно и не говорить. Прибавленіе: *«Патолого-анатомъ приглашается только въ качествѣ эксперта»* и т. д. то же не идетъ къ дѣлу, потому что къ больнымъ приглашаются вообще врачи въ качествѣ консультантовъ.

Но можетъ быть, что и въ этомъ положеніи кроется задняя мысль и что г. Маровскій, говоря о больныхъ, собственно думаетъ о трупахъ. Это даже вѣроятно, потому, что вслѣдъ за *больными* § 2 и § 3 уже говорятъ о препаратахъ.

«II. Найденные (гдѣ?) патолого-анатомическіе препараты только съ согласія директора соответственной клиники могутъ быть взяты для составленія патолого-анатомическаго кабинета».

Это положеніе имѣетъ двѣ стороны, одну психологическую или такъ сказать идеальную, другую практическую или реальную; первая показываетъ до какой степени властолюбіе овладѣло г. Маровскимъ, когда онъ, не сдѣлавъ еще никакого предложенія на счетъ трупосѣченія, въ случаяхъ смерти больныхъ, пользующихся по § I въ клиникѣ, считаетъ нужнымъ зая-

вить въ особомъ положеніи (§ II) предлогъ къ разнымъ придиркамъ относительно *препаратовъ*.

Такъ какъ я уже имѣлъ удовольствіе познакомиться съ выраженіемъ этой прихотливости г. Маровскаго, но «*repetatur dosis*» не желаю, то я надѣюсь, что и медицинскій факультетъ сочтетъ возможнымъ не подвергать патолого-анатома при исполненіи его обязанностей совершенно лишнимъ шансамъ индивидуальнаго расположенія. Другая практическая сторона этого положенія состоитъ въ контролѣ надъ препаратами, который былъ-бы только тогда возможнымъ и удобоисполнимымъ, если бы директоръ терапевтической клиники рѣшился взяться самъ за черную работу, чтобы послѣ вскрытія собственноручно убирать всѣ трупныя части, зашивать трупы и хоронить ихъ. Но такъ какъ подобныя занятія прислуги не совмѣстны съ достоинствомъ клинициста и такъ какъ подобнымъ постановленіемъ примѣра нѣтъ, то и медицинскій факультетъ едва-ли найдетъ нужнымъ такое нововведеніе, которымъ возлагалась бы на клинициста обязанность не бывающая, непріятная и при этомъ довольно не научная. И такъ *sicco pede transeamus* къ слѣдующему §.

„III. *Найденные патолого-анатомическіе препараты, если директоръ клиники сочтетъ возможнымъ предоставить ихъ патолого-анатомическому кабинету, поступаютъ въ вѣдѣніе профессора патологической анатоміи или его прозектора только послѣ предварительнаго обстоятельнаго изслѣдованія ихъ профессоромъ клиники и демонстраціи студентамъ при изложеніи эпикриза болѣзненнаго случая*».

Въ этомъ положеніи кромѣ замысловатыхъ и лишнихъ зацѣпокъ, что въ § 2, требуется еще предварительное и обстоятельное изслѣдованіе препаратовъ профессоромъ клиники. Для этой цѣли было бы прежде всего нужно выхлопотать въ правленіи университета особое для г. Маровскаго анатомическое заведеніе со всѣми принадлежностями и, пожалуй, съ достаточной для такихъ „*обстоятельныхъ*“ *занятій* суммой, какая примѣрно отпускается на анатомическій кабинетъ. Если же г. Маровскій считаетъ за собою право пользоваться пособиями анатомическаго кабинета или суммой, отпускаемой на анатомическія занятія то это ничто другое, какъ невѣрное предположеніе; такъ или иначе, но во всякомъ случаѣ § III оказывается неисполнимымъ.

Впрочемъ и обязанности патолого-анатома несовмѣстимы съ предлагаемымъ г. Маровскимъ измѣненіемъ настоящаго порядка. Анатомъ нерѣдко во время самаго вскрытія долженъ щадить нѣкоторые органы, чтобы послѣ вскрытія осторожнымъ зондированіемъ, напр., протоковъ и извѣстныхъ сосудовъ представить измѣненныя болѣзненнымъ процессомъ отношенія, чтобы они были годны для демонстраціи. Другой разъ приходится

наливать известный органъ, чтобы въ немъ представить настоящее значеніе болѣзненныхъ измѣненій. Есть трупныя части, которыя однимъ нечаяннымъ разрѣзомъ можно испортить безвозвратно. Бываютъ случаи, въ особенности болѣзненныхъ измѣненій мозга, случаи нѣжныхъ новообразованій и проч., гдѣ однимъ неосторожнымъ прикосновеніемъ неопытной руки стирается все то, что и составляетъ единственный и существенный предметъ демонстрируемаго уклоненія. Уже изъ этихъ примѣровъ явствуетъ, что только такой анатомъ, который или не знаетъ своей задачи, или пренебрегаетъ естественнымъ матеріаломъ, могъ бы согласиться, что—послѣ трупосѣченія, сдѣланнаго имъ самимъ, приступилъ бы кто-нибудь другой и сталъ бы рыться въ препаратъ или, лучше сказать, въ *органъ*, требующемъ препарации, будто для «предварительнаго обстоятельнаго изслѣдованія», и что послѣ уже, когда предметъ сдѣлается никуда негоднымъ, остатки его поступили бы обратно въ руки анатома и то еще—какая любезность! „если директоръ клиники сочтетъ возможнымъ“.

Я не сомнѣваюсь въ томъ, что есть клиницисты, любящіе и анатомію, но любовь любви рознь. Самые страстные, даже отчаянные любители наукъ и искусствъ, это, какъ извѣстно, такъ называемые κατ' ἐξοχήν любители (дилетанты); но сколько пользы и сколько вреда принесъ дилетантизмъ наукъ и искусству, давно рѣшено. Я, впрочемъ, не принадлежу къ тѣмъ, кто отбиваетъ у другихъ желаніе и охоту поучиться на самомъ препаратѣ; напротивъ, я никогда не отказывалъ никому, ни г. Маровскому въ томъ, чтобы, напр., для гистологической повѣрки срѣзать такую часть органа, отсутствіе которой не нарушаетъ цѣлости анатомическаго препарата. Что касается въ особенности *жидкостей*, требуемыхъ г. Маровскимъ „для дальнѣйшаго разъясненія болѣзненныхъ явленій при жизни“, то съ моей стороны затрудненія никогда не будетъ, потому что жидкости не составляютъ сохраняемыхъ препаратовъ; г. Маровскій можетъ запастись на всякій разъ достаточнымъ количествомъ закупоренныхъ банокъ, чтобы при трупѣ хоть «для разъясненія какой-нибудь важной научной проблемы» набрать жидкостей, сколько угодно. Но на счетъ *тканей*, требуемыхъ г. Маровскимъ вмѣстѣ съ жидкостями, я признаюсь не знаю метода, какъ бы послѣ вскрытія въ скорости отдѣлить отъ самыхъ органовъ, и показѣть не сдѣлается извѣстнымъ въ наукѣ способъ такой сепаровки, напр., соединительной ткани изъ печени, я долженъ считать и это требованіе г. Маровскаго, наравнѣ съ другими, несбыточнымъ.

Изъ III положенія г. Маровскаго можно еще заключить, что было бы изъ свѣжихъ препаратовъ, и что изъ *патолого-анатомическаго музея*, если бы медицинскій факультетъ допустилъ какое-либо влияніе, тѣмъ болѣе господство г. Маровскаго въ чертѣ анатомическаго заведенія. Онъ—

cum grano salis—и теперь сравниваетъ музей съ арсеналомъ, въ которомъ «не слѣдуетъ складывать оружіе, когда оно нужно для войны». Если *сравненіе* музея съ арсеналомъ и удачно, то *выводъ* г. Маровскаго изъ этого сравненія хромаетъ. Если для войны нужно оружіе, то и необходимо отдавать заранѣе весь сырой матеріалъ ружейнику, дабы онъ изъ него выработалъ полезное оружіе, складываемое въ арсеналъ на случай борьбы, а не выдавать этотъ матеріалъ противнику на уничтоженіе. Точно такъ, заключаю я, нужно отдавать весь сырой матеріалъ, получаемый при трупосѣченіи, анатому, дабы онъ изъ него выработалъ назидательные препараты, сохраняемые въ музей на случай научной борьбы, а отнюдь его не слѣдуетъ предоставлять г. Маровскому на изрѣзываніе, или химическое улетучиваніе, или просто на закапываніе въ землю. Медицинскій факультетъ можетъ при этомъ случаѣ принять къ свѣдѣнію, что г. Маровскій не изъ тѣхъ *„ученыхъ витязей, которымъ когда-нибудь понадобятся бы препараты“* изъ анатомическаго музея; я даже готовъ предположить, что онъ съ этими *„весьма и весьма неудовлетворительными“* пособиями, какъ онъ ихъ называетъ, никогда въ жизни дѣла не имѣлъ. Если такъ, то изъ этого слѣдуетъ, что для г. Маровскаго было бы несравненно выгоднѣе не высказывать своего мнѣнія, а то ему любой анатомъ отвѣтитъ,—онъ можетъ быть увѣренъ,—что его мнѣніе по этому вопросу составляетъ своего рода единственный объектъ, безъ котораго патолого-анатомическіе музеи обойдутся благополучно.

„§ IV. *Въ некоторыхъ случаяхъ... вскрытіе производится самимъ директоромъ соответственной клиники*“.

Прежде чѣмъ медицинскій факультетъ рѣшится предоставить клиническія вскрытія г. Маровскому нужно было бы, кромѣ вышеприведеннаго хозяйственнаго обзаведенія для анатомическихъ работъ въ чисто клиническомъ интересѣ, удостовѣриться еще въ присутствіи необходимыхъ для такихъ занятій условий, а именно: что г. Маровскій обладаетъ дѣйствительно техническимъ умѣніемъ и достаточною опытностью по патологическимъ вскрытіямъ,—далѣе, что у него есть спокойный критическій взглядъ безъ предразсудковъ, желаніе и способность не обманывать самого себя, рѣшимость отказаться отъ невѣрныхъ клиническихъ предположеній въ виду неотразимыхъ фактовъ, собираемыхъ при трупосѣченіяхъ; наконецъ, точное соблюденіе правилъ и законныхъ требованій при составленіи протокола и анатомическаго діагноза, а не упущеніи изъ виду общепринятаго метода и порядка, въ родѣ того, какъ пустыя доски въ клиникѣ.

Въ виду совершившагося на нашихъ глазахъ, послѣ письменнаго заявленія г. Маровскаго рапортомъ отъ 15 марта, при его столь своеобразной цѣли, послѣ заявленія столь невѣрныхъ мотивовъ и столь не-

основательныхъ предположеній, медицинскій факультетъ и въ такомъ случаѣ, если бы настоящаго порядка у насъ не было, долженъ бы быть, по моему мнѣнію, немедленно его ввести и со всей энергіей настаивать на точномъ соблюденіи его постановленій, какъ единственнаго средства для правильнаго научнаго контроля, въ смыслѣ § 83.

„V. Клиницистъ въ правѣ предлагать патолого-анатому во время самаго вскрытія вопросы... патолого-анатомъ обязанъ отвѣчать ему на эти вопросы...“

Мнѣ очень жаль, что, хотя г. Маровскій и былъ въ Берлинѣ, все-таки не имѣлъ возможности присмотрѣться болѣе и вникнуть лучше въ способы правильнаго производства вскрытій, соблюдаемаго въ благоустроенныхъ заведеніяхъ; иначе онъ зналъ бы, какая несообразная идея вышла изъ подъ его пера. Мнѣ совѣстно замѣтить, что дурная привычка перебивать рѣчь другаго, противорѣчить самымъ обыкновеннымъ правиламъ обыденнаго сношенія въ порядочномъ обществѣ. А г. Маровскій хочетъ такое оригинальное предложеніе *неприличія* возвести въ *правила* университетскихъ занятій! Подумать ли онъ, какое значеніе получило бы научное занятіе, каково именно было бы трупосѣченіе, если диктовка протокола преобразилась бы въ бесплодную, хотя бы и ученую болтовню? Понимаетъ-ли онъ, что студенты, присутствующіе при вскрытіи, могутъ принимать предлагаемые клиницистомъ вопросы за проявленіе незнанія общихъ теоремъ анатоміи или патологіи? Кромѣ того клиническія вскрытія занимаютъ по меньшей мѣрѣ отъ 1 до 1½ часа, нерѣдко и болѣе; какой же срокъ опредѣлить для нихъ, соображаясь съ извѣстными условіями ежедневныхъ обязанностей преподавателей и студентовъ? Не желаетъ-ли г. Маровскій зацѣпиться за такое положеніе, если бы «духъ и направленіе» не помогли?

Г. Маровскій утверждаетъ, что «патолого-анатомъ обязанъ отвѣчать на его вопросы именно во время вскрытія». Единственный отвѣтъ, который патолого-анатомъ можетъ дать во время вскрытія, это разъ навсегда—протоколъ и опредѣленіе болѣзни. Я думаю, что практическая медицина считалась бы достигнутой вершины своего совершенства, если бы средства діагностики какъ-нибудь дошли до того, чтобы при жизни на всѣ вопросы можно было отвѣчать такъ положительно и угадать при больномъ все то, что откроется при трупосѣченіи.

Но г. Маровскій сильно ошибается, воображая себѣ, что „патолого-анатомъ, коль скоро онъ произвелъ вскрытіе... и портилъ предложенные ему вопросы... роль его прекращается“. Напротивъ, тутъ она только и начинается! Вскрытіе—это такъ сказать увертюра, а настоящая опера идетъ уже послѣ и состоитъ изъ 3, 4, 5 актовъ, судя по сюжету. Тутъ исполняется приготовленіе свѣжихъ препаратовъ для демонстраціи, инъе-

пированіе ихъ, микроскопическое и химическое изслѣдованіе, сниманіе рисунковъ съ замѣчательныхъ предметовъ, препаровка ихъ для сохраненія въ кабинетъ, повѣрка и дополненіе протокола и, наконецъ, критическій разборъ и обзоръ всего излагаемаго на слѣдующей послѣ вскрытія лекціи. Въ этомъ *final'н* нашей оперы повторяются вкратцѣ важные мотивы увертюры, но, что главное, собираются всѣ выводы и заключенія изслѣдованія въ одно совокупное гармоническое *цѣлое*, изъ чего студенты составляютъ свои записки, а потомъ уже занавѣсъ опускается.

Это можетъ быть для г. Маровскаго новость, для медицинскаго факультета—нѣтъ; конечно, все сказанное исполняется не для г. Маровскаго, а для студентовъ и для патолого-анатомическаго кабинета; можно только сожалѣть, что г. Маровскій, какъ клиницистъ, *„который не знаетъ отдыха“*, не можетъ принимать участіе во всемъ, что составляетъ неразлучное съ патологическимъ вскрытіемъ занятіе анатома.

Въ этомъ же § V вмѣняется патолого-анатому *„употребить всѣ способы и средства своей науки для разясненія болѣзненнаго случая и отысканія причины смерти“*. Я спрашиваю: какъ же патолого-анатомъ можетъ исполнить эту обязанность *„употребить всѣ способы и средства своей науки и т. д.“*, если, по словамъ того же самаго г. Маровскаго *роль патолого-анатома* прекращается съ производствомъ вскрытія?... А такіа остроумныя соображенія предлагаются однимъ членомъ медицинскаго факультета—Совѣту и г. попечителю для возведенія ихъ въ законную форму!... До сихъ поръ не было случая, чтобы медицинскій факультетъ былъ вынужденъ сдѣлать патолого-анатому замѣчаніе за неисполненіе его обязанностей; послѣднія неперемѣнно связаны съ порученіемъ ему преподаванія патологической анатоміи, т. е. онѣ составляютъ его должность. Но требовать, чтобы медицинскій факультетъ главную и основную задачу патолого-анатома при вскрытіяхъ *„употребить всѣ способы и средства своей науки для разясненія болѣзненнаго процесса и отысканія причины смерти“*—ни съ того, ни съ сего взять да внесъ бы въ видѣ V положенія о клиникахъ,—это, по моему мнѣнію, значитъ предполагать, что медицинскій факультетъ находится въ какомъ-то отуманенномъ состояніи, забывая, что это предложеніе г. Маровскаго содержитъ только дефиницію должности патолого-анатома при вскрытіяхъ.

„VI. Вскрытія труповъ умершихъ въ клиникахъ должны быть производимы въ особенной для этого устроенной комнатѣ или часовнѣ. Только въ рѣдкихъ случаяхъ... въ анатомическомъ театрѣ“.

Представляя этотъ пунктъ на обсужденіе правленія, гігіены и медицинской полиціи, я позволяю себѣ только повторить сказанное мною въ собраніи факультета 11 марта, что не могу согласиться производить вскры-

тія труповъ терапевтической клиники въ часовні и съ какимъ-то „домашнимъ характеромъ“. Вскрытія должны быть производимы, какъ было до сихъ поръ, въ анатомическомъ театрѣ и притомъ съ характеромъ официальнымъ, какъ слѣдуетъ. Мои частныя и уважительныя на это мотивы я готовъ каждому члену факультета и Совѣта сообщить отдѣльно.

„VII. Вскрытія клиническихъ труповъ должны быть производимы въ часъ клиническихъ лекцій“.

Мотивируя это свое послѣднее положеніе, г. Маровскій не могъ отказать себѣ въ удовольствіи напомнить еще разъ медицинскому факультету, что онъ былъ въ Берлинѣ. Не сомнѣваясь ни мало въ этомъ фактѣ, можно только спросить, зачѣмъ же утруждать факультетъ такими же рассказами, неидущими къ дѣлу, какъ именно о томъ, сколько разъ, когда и какъ тамъ вскрываютъ? Не достаточно-ли знать, что мы вскрываемъ всякій разъ, какъ трупъ есть. *Въ которомъ часу* у насъ должны быть производимы клиническія вскрытія вообще, это, по моему мнѣнію, не предметъ положенія о клиникахъ, а скорѣе вопросъ ежегодно измѣняемаго по благоусмотрѣнію медицинскаго факультета *рописанія лекцій*, а говоря въ частности о трупахъ терапевтической клиники, трудно согласиться съ предложеніемъ г. Маровскаго уже потому, что въ зимнее время до 10 час. утра никакихъ работъ анатомическихъ съ успѣхомъ предпринять нельзя. Кромѣ того нужно выслушать еще и мнѣніе другихъ клиницистовъ о томъ, могутъ-ли они также сокращать время, предназначенное для ихъ клиническихъ занятій въ пользу вскрытій, какъ это готовъ сдѣлать г. Маровскій?

Остальныя основанія, именно *равномерное распределение труда* и польза *студентовъ*, были бы справедливы, если бы сказанное о нихъ г. Маровскимъ соответствовало дѣйствительности. Медицинскому факультету извѣстно, что я въ продолженіи почти цѣлыхъ 4 лѣтъ былъ обремененъ тремя предметами и теперь, когда начиналъ освобождаться и желаю не имѣть другихъ обязанностей, кромѣ по патологической анатоміи, все еще занятъ по 3—4 часа въ день, иногда и больше, потому что систематическія лекціи о демонстративныхъ предметахъ требуютъ больше приготовленія, времени и труда, чѣмъ двухчасовой осмотръ больныхъ въ терапевтической клиникѣ. Наконецъ, въ виду занятій въ больницѣ на Сабуровой дачѣ, предпринимаемыхъ мною, начиная съ будущаго семестра, въ пользу университета, труда моего не убавится, а еще прибавится. Съ другой стороны, желая принести пользу студентамъ, я думаю, что пользы будетъ больше, если можно будетъ при рописаніи лекцій устроить такъ, чтобы всѣ студенты 4 и 5 курсовъ и слушатели патологической анатоміи участвовали при вскрытіяхъ, а не только одни студенты 4 и 5 курсовъ.

Въ заключеніе прибавлю, что § 83 положеній о клиникахъ, по моему мнѣнію, можетъ остаться въ главномъ своемъ основаніи нетронутымъ; считаю, впрочемъ, не лишнимъ вставить вслѣдъ за словами: „*трупы умершихъ въ клиникъ вскрываются*“—дополнительныя слова: „*въ анатомическомъ театрѣ*“. Это дополненіе становится даже необходимымъ въ виду дѣйствій г. Маровскаго, который позволилъ себѣ *сдѣлать самъ вскрытіе трупа терапевтической клиники 6 апрѣля 1867 года въ часовнѣ*, подавъ фактическое доказательство нарушенія университетскихъ правилъ, о чемъ нахожу необходимымъ донести немедленно Совѣту. Проф. Д. Лямбль. Харьковъ. 7 апрѣля 1867 года.

Кромѣ только что приведеннаго рапорта проф. Лямбля, въ засѣданіи факультета 7 апрѣля заслушаны были рапорты еще трехъ гг. профессоровъ: Питры І, Зарубина и Лазаревича, въ которыхъ они, разбирая предложенныя проф. Маровскимъ измѣненія и дополненія § 83 клиническихъ правилъ, по различнымъ мотивамъ нашли совершенно ненужными, противорѣчащими, какъ нынѣ дѣйствующимъ положеніямъ, такъ равно и правильному образованію гг. студентовъ.

Затѣмъ гг. члены факультета имѣли разсужденіе о предложенныхъ проф. Маровскимъ измѣненіяхъ § 83 положенія о клиникахъ, подробно изложенныхъ въ вышеприведенномъ рапортѣ проф. Маровскаго, при чемъ и положили слѣдующую резолюцію: «Не находя по большинству голосовъ достаточныхъ причинъ для измѣненія § 83 клиническаго устава, предлагаемаго проф. Маровскимъ, оставить его въ настоящемъ видѣ».

Въ томъ же засѣданіи факультета 7 апрѣля выслушанъ рапортъ проф. Лямбля, въ которомъ онъ заявилъ факультету, что, въ противность § 83 положеній о клиникахъ, проф. Маровскій произвелъ 6 апрѣля сего года самъ вскрытіе трупа больного, умершаго въ терапевтической клиникѣ. Съ своей стороны проф. Маровскій объяснилъ, что имъ дѣйствительно сдѣланы въ послѣднее время два вскрытія, безъ присутствія проф. Лямбля, одно 6-го, а другое 7 апрѣля, и что онъ вынужденъ былъ къ этому отказомъ проф. Лямбля произвести эти вскрытія. Проф. Лямбль, объясняя причины воздержанія его отъ вскрытія, замѣтилъ, что онъ нисколько не отказывался отъ вскрытія труповъ, заявленныхъ ему проф. Маровскимъ, чрезъ ординатора терапевтической клиники, но не соглашался произвести ихъ въ часъ лекцій терапевтической клиники и въ клиническіе часы, въ которые требовалъ проф. Маровскій, основываясь на томъ, что вскрытія до сихъ поръ производились всегда въ анатомическомъ театрѣ и въ часы, назначенные для преподаванія патологической анатоміи. Затѣмъ деканъ факультета Демонси заявилъ, что наканунѣ произведеннаго вскрытія (6-го апрѣля) проф. Маровскій заявилъ ему, какъ объ отказѣ проф. Лямбля,

такъ и о своемъ намѣреніи произвести вскрытіе, безъ присутствія профессора патологической анатоміи. Вслѣдствіе этого г. деканъ письменно обратился къ проф. Маровскому съ предупрежденіемъ, что предполагаемое имъ дѣйствіе составляетъ прямое нарушеніе § 83 положенія о клиникѣ, на что проф. Маровскій отвѣчалъ однако, что онъ не можетъ оставить трупъ безъ вскрытія, такъ какъ онъ объявилъ уже о немъ своимъ слушателямъ студентамъ ¹⁾.

¹⁾ При дѣлахъ факультета по поводу произведенныхъ проф. Маровскимъ вскрытій сохранились три письма: а) отъ г. декана Демонси къ проф. Маровскому, б) отвѣтъ Маровскаго г. декану и с) письмо проф. Лямбля г. декану.

а) М. Г. Людвигъ Александровичъ! Три недѣли тому назадъ гг. членами медицинскаго факультета было рѣшено исполнять § 83 клиническаго устава, впредь до измѣненія его законнымъ порядкомъ. Вскрывая сегодня трупъ сами въ клиническіе часы, безъ профессора патологической анатоміи, Вы нарушаете этимъ § 83 и повѣрьте, что проф. Лямбль объ этомъ заявитъ факультету и поэтому я не совѣтую Вамъ самимъ вскрывать трупъ. К. Демонси. 6 апрѣля 1867 г.

б) Письменный отвѣтъ проф. Маровскаго г. декану, въ которомъ онъ говоритъ, „что къ несчастью нельзя оставить трупа безъ вскрытія, потому что я объявилъ уже студентамъ, что трупъ будетъ вскрывать проф. Лямбль, а потомъ о *нежеланіи проф. Лямбля производить вскрытіе мнѣ было заявлено ч. Костенко публично при студентахъ*; тогда я объявилъ, что самъ буду вскрывать трупъ. Теперь отступать нельзя, такъ какъ студенты будутъ въ правѣ говорить, что ссора профессоровъ отражается на преподаваніи; съ другой стороны друзья мои постараются распустить по городу слухи, что я безъ проф. Лямбля не сумѣю сдѣлать вскрытія“. Затѣмъ далѣе онъ говоритъ, что не онъ „а Лямбль нарушилъ § устава, отказавшись вскрывать“, „что еще предвидится вскрытіе трупа изъ клиники, гдѣ желательнo бы было, чтобы вскрывалъ Лямбль, такъ какъ потребуется вскрывать спинной мозгъ, что для непривычнаго вскрывать не всегда удобно“.

с) Письмо проф. Лямбля къ г. декану отъ 8 апрѣля:

Ваше Превосходительство, м. г., Карлъ Александровичъ! Покорно Васъ прошу принять въ соображеніе въ дѣлѣ о незаконномъ производствѣ вскрытія г. Маровскимъ *фактическія* обстоятельства и сравнить ихъ съ его своеобразнымъ *толкованіемъ*. Послѣ частнаго засѣданія 11 марта были произведены мною два вскрытія изъ терапевтической клиники (15 и 23 марта) въ анатомическомъ театрѣ, въ часъ патолого-анатомическихъ занятій, безъ нарушенія приличія, слѣдовательно сообразно § 83 и по прежнему порядку.

Кромѣ того было (2 апрѣля) вскрытіе хирургической клиники, произведенное мною въ 12 часу въ часовнѣ, тоже съ соблюденіемъ § 83 и по прежнему порядку.

Послѣ того 5 апрѣля ординаторъ терапевтической клиники, г. *Костенко*, приглашалъ меня въ присутствіи врачей гг. *Попова* и *Котелевскаго* къ двумъ вскрытіямъ труповъ терапевтической клиники въ 9 часовъ въ часовнѣ. Я ему отвѣчалъ слѣдующее: „Я всякій день отъ 12 до 3 часовъ въ анатомическомъ театрѣ и готовъ вскрывать завтра въ это время, по прежнему порядку, хотя оба трупа отъ 12 до 2-хъ часовъ, какъ бы ни было обременительно для меня, читать послѣ двухъ вскрытій еще свою лекцію; но чтожъ дѣлать, два трупа въ одинъ день—это рѣдко бываетъ. Въ 9 часовъ или въ часовнѣ вскрывать не буду“.

Послѣ обсужденія совершившагося факта вскрытія труповъ самимъ проф. Маровскимъ, члены факультета положили: Такъ какъ изъ всего вышеприведеннаго оказывается, что нарушеніе г. Маровскимъ § 83 положенія имѣть своей причиною нѣкоторую неточность въ изложеніи этого параграфа, не опредѣляющаго мѣста и времени вскрытія, то факультетъ, имѣя въ виду предотвратить на будущее время всякую возможность уклоненія отъ смысла означеннаго параграфа, положилъ: вскрытій въ клиническихъ зданіяхъ отнынѣ вовсе не производить, трупы же умершихъ въ клиникахъ больныхъ, назначенные для вскрытія, передавать въ анатомическій театръ, какъ мѣсто, въ настоящее время наиболѣе для того удобное; время для вскрытія избирать на каждое полугодіе такъ, чтобы при нихъ могли присутствовать студенты 3, 4 и 5 курсовъ, въ настоящемъ же академическомъ году производить вскрытія по примѣру прошедшаго времени въ часы лекцій патологической анатоміи; о нарушеніи же клиническаго положенія проф. Маровскимъ довести до свѣдѣнія Совѣта университета.

Въ томъ же засѣданіи факультета 7 апрѣля заслушанъ второй рапортъ проф. Маровскаго, въ которомъ онъ предлагаетъ на обсужденіе факультета нѣкоторыя прибавленія къ статьѣ клиническаго положенія, опредѣляющей обязанности ординаторовъ. По поводу этого рапорта прочитаны

Обсудите сами, Карлъ Александровичъ, правъ ли я или нѣтъ, если скажу, что только отъявленный рабулистъ можетъ придать словамъ моимъ такое значеніе, что будто я отказался вскрывать!

Если я, соображаясь съ многосложными занятіями В. О. Грубе, нетерпящими отклада, могъ согласиться сдѣлать вскрытіе, по его желанію, въ часовнѣ въ 12 часу, то изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что я, не имѣя на это никакого основанія, долженъ и согласиться съ капризомъ г. Маровскаго производить вскрытіе въ 9 часовъ въ часовнѣ. Напротивъ, рѣшеніемъ факультета, состоявшимся 11 марта *только* и по поводу неосновательныхъ претензій г. Маровскаго, я былъ въ полномъ правѣ ожидать, что производство вскрытій труповъ терапевтической клиники въ анатомическомъ театрѣ по прежнему порядку, не подлежитъ никакому сомнѣнію, и что, такъ какъ уже два вскрытія были уже произведены въ томъ же порядкѣ какъ всегда, новыхъ придирокъ не будетъ. Наконецъ, смотря на эти событія съ самой строгой юридической точки зрѣнія, нельзя не признать, что при вскрытіи хирургическаго трупа 2 апрѣля были исполнены *всѣ требованія § 83*, тутъ былъ и патолого-анатомъ и протоколъ, сохраняемый въ архивѣ анатомическаго кабинета, и препараты, предоставленные анатомическому кабинету. Напротивъ, дѣйствіями г. Маровскаго, 6 и 7 апрѣля, *всѣ эти требованія были нарушены*.

Полагая, что Вамъ, Карлъ Александровичъ, къ докладу объ этомъ событіи въ засѣданіи Совѣта, имѣющаго быть въ понедѣльникъ 10 апрѣля, необходимо знать въ точности все то, что къ дѣлу относится, я считаю долгомъ утруждать Васъ этою запискою.

Свидѣтельствуя Вамъ, Карлъ Александровичъ, мое глубокое уваженіе, имѣю честь быть Вамъ преданный Д. Лямбль.

были письменныя мнѣнія проф. Питры I и Лазаревича. По окончаніи сужденія, факультетъ, не находя нужнымъ дѣлать предложенныхъ Маровскимъ прибавленій, положилъ: оставить упомянутый отдѣлъ клиническихъ положеній безъ измѣненій.

Въ засѣданіи, 25 апрѣля 1867 года, медицинскаго факультета заслушанъ рапортъ проф. Маровскаго слѣдующаго содержанія: «Въ дополненіе къ рапорту моему отъ 16 марта с. г. (съ проектомъ измѣненія и дополненія § 83 клин. полож.) довожу до свѣдѣнія медицинскаго факультета, что послѣ обсужденія въ факультетѣ § 83 клиническаго устава и рѣшенія его 7 апрѣля, я нахожу излишнимъ дальнѣйшее обсужденіе этого дѣла въ Совѣтѣ». Рапортъ этотъ факультетъ принялъ къ свѣдѣнію.

Въ тоже засѣданіе поступилъ рапортъ проф. Грубе, въ коемъ онъ объясняетъ причины, побудившія его просить проф. Лямбля вскрыть трупъ 2 апрѣля, въ 12 часовъ, въ часовніѣ. Причины эти слѣдующія: 1) неотступныя просьбы родственниковъ скорѣе отдать трупъ, 2) необходимость вскрытія (хотя бы одной брюшной полости), 3) вѣроисповѣдываніе умершей, такъ какъ у евреевъ всѣ противъ вскрытія.

Хотя вскрытіе производилось въ часовніѣ и въ 12 часовъ, но всѣ условія § 83 были выполнены.

Факультетскій докладъ о нарушеніи проф. Маровскимъ § 83 положеній о клиникахъ поступилъ въ засѣданіе Совѣта университета 2 мая 1867 г., гдѣ, по прочтеніи доклада, деканъ медицинскаго факультета передалъ рапортъ проф. Маровскаго слѣдующаго содержанія:

«Такъ какъ медицинскій факультетъ въ засѣданіи своемъ 7 апрѣля настоящаго года рѣшилъ, на основаніи жалобы проф. Лямбля, довести до свѣдѣнія Совѣта университета о нарушеніи мною § 83 новаго клиническаго устава, то покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство представить на усмотрѣніе слѣдующее:

Я дѣйствительно самъ вскрылъ два трупа въ клинической секціонной комнатѣ, въ часъ клиническихъ лекцій, 6 и 7 апрѣля утромъ въ 9 часовъ, потому что проф. Лямбль отказался отъ вскрытія, если оно не будетъ производиться въ анатомическомъ театрѣ въ часы лекцій патологической анатоміи. Объ отказѣ проф. Лямбля я имѣлъ честь лично Вамъ докладывать вечеромъ 5 апрѣля, а потому 6-го утромъ по поводу Вашего письма письменно изложилъ мотивы, принуждающіе меня самого приступить къ вскрытію труповъ. Выборъ времени я вполне предоставилъ проф. Лямблю, но мѣстомъ вскрытія выбралъ клиническую секціонную комнату, потому, что умершіе принадлежали среднему сословію и къ тому же проф. Лямбль вскрывалъ уже раньше въ клинической секціонной комнатѣ трупъ изъ хирургической клиники 5 апрѣля въ 12 часовъ дня. Я совершенно

согласенъ съ тѣми мотивами, которые руководили г. проф. Грубе, при желаніи его вскрыть трупъ умершей еврейки въ клинической секціонной комнатѣ; но, допуская исключеніе для г. проф. Грубе, факультетъ долженъ допустить ихъ и для меня, а если г. проф. Лямбль не усумнился нарушить постановленіе факультета для проф. Грубе, то онъ тоже самое обязанъ былъ сдѣлать и для меня. Во всякомъ случаѣ проф. Лямбль былъ бы правъ только въ такомъ случаѣ, если бы онъ, по моему приглашенію, вскрылъ трупы умершихъ въ терапевтической клиникѣ, а потомъ уже донесъ факультету о нарушеніи мною его постановленій. Отказываясь отъ вскрытія, онъ столько же нарушилъ § 83 новаго клиническаго устава, сколько и я, вскрывая, по необходимости, безъ него. Назначая производство вскрытія въ клинической секціонной комнатѣ, ни я, ни проф. Лямбль и Грубе не нарушили § 83 новаго клиническаго устава, такъ какъ этимъ параграфомъ не опредѣляется время и мѣсто вскрытія. Всѣ мы однакоже нарушили одно изъ прежнихъ постановленій медицинскаго факультета, по которому всѣ трупы умершихъ въ клиникахъ должны быть вскрываемы въ анатомическомъ театрѣ, если же покойника нельзя будетъ вскрыть въ анатомическомъ театрѣ, то рѣшено было его вовсе не вскрывать. Но до вечера 7 апрѣля на этотъ счетъ не существовало еще письменнаго постановленія, протоколъ не былъ еще составленъ и подписанъ. 7 апрѣля составленъ былъ протоколъ, подписанный и проф. Лямблемъ, въ которомъ постановлено: «вскрытій въ клиническихъ зданіяхъ отнынѣ вовсе не производить, трупы же умершихъ въ клиникахъ больныхъ, назначаемые для вскрытій, передавать въ анатомическій театръ, какъ мѣсто въ настоящее время наиболѣе для того удобное и т. д.» Наконецъ, относительно времени вскрытія положено, чтобы въ настоящемъ полугодіи всѣ вскрытія были производимы въ часы лекцій патологической анатоміи. Не смотря на это категорическое постановленіе медицинскаго факультета, проф. Лямбль вмѣстѣ съ проф. Грубе, произвели вскрытіе трупа умершей въ хирургической клиникѣ дочери врача, въ клинической секціонной комнатѣ, 15 апрѣля ¹⁾ не въ часъ, назначенный для лекцій патологической анатоміи.

Подобныя дѣйствія проф. Лямбля я считаю преднамѣреннымъ нарушеніемъ правилъ, установленныхъ медицинскимъ факультетомъ въ засѣданіи 7 апрѣля 1867 года, не говоря уже о томъ, что здѣсь можно предполагать и другія побужденія.

По выслушаніи сего, проф. Сокальскій выразилъ мнѣніе: «Въ дѣлахъ медицинскаго факультета, въ которыхъ затронуты научныя медицинскіе

¹⁾ Какъ видно изъ вышеприведеннаго письма проф. Лямбля къ г. декану и рапорта проф. Грубе, вскрытіе трупа еврейки изъ хирургической клиники произведено было не 15 апрѣля, а 2 апрѣля 1867 года. Авт.

вопросы, ни одинъ факультетъ не можетъ быть вполне компетентнымъ судьей, кромѣ медицинскихъ же факультетовъ другихъ университетовъ Имперіи. Поэтому считаю неудобнымъ передавать подобныя дѣла на обсужденіе Совѣта для окончательныхъ рѣшеній, пока не высказались о тѣхъ же вопросахъ другіе медицинскіе факультеты».

Проф. Лямбль заявилъ: «Такъ какъ проф. Маровскій полагаетъ, что въ рапортѣ его, поданномъ въ медицинскій факультетъ, заключаются доводы его, имѣющіе предметомъ благосостояніе клиники, то я думаю, что Совѣтъ не можетъ оставить это дѣло безъ надлежащаго его разсмотрѣнія и постановленія».

Совѣтъ опредѣлить: просить медицинскій факультетъ доставить въ Совѣтъ всю переписку по этому предмету, а до того утвердить предложеніе медицинскаго факультета относительно вскрытій умершихъ въ клиникѣ.

Переписку о дѣлѣ Маровскаго медицинскій факультетъ представилъ въ Совѣтъ въ первыхъ числахъ октября мѣсяца и Совѣтъ въ засѣданіи своемъ 10 октября выслушалъ все дѣло и закрытой баллотировкой призналъ проф. Маровскаго виновнымъ въ нарушеніи § 83 положенія о факультетскихъ клиникахъ, при чемъ 18 голосовъ признавали § 83 нарушеннымъ, а 5 нѣтъ. На основаніи этого опредѣленія предложенъ былъ для рѣшенія посредствомъ закрытой подачи голосовъ другой вопросъ: за нарушеніе г. Маровскимъ § 83 клиническаго положенія ограничиться-ли замѣчаніемъ ему отъ имени Совѣта, или же представить это дѣло на благоусмотрѣніе г. попечителя? Въ результатѣ оказалось, что 14 членовъ полагали сдѣлать за это г. Маровскому замѣчаніе отъ имени Совѣта, а 9—высказались, чтобы представить объ этомъ г. попечителю.

Независимо отъ вышеизложеннаго, проф. Лямбль въ рапортѣ своемъ, поданномъ въ Совѣтъ 2 октября, поставилъ для рѣшенія Совѣта, между прочимъ, вопросъ о томъ: «признаетъ-ли Совѣтъ въ свойствахъ г. проф. Маровскаго тѣ критеріи хорошаго клинициста и преподавателя, отъ которыхъ можно ожидать пользу для больныхъ и для студентовъ?»

Члены Совѣта, выслушавъ это заявленіе, изложенное въ рапортѣ г. Лямбли отъ 2 октября, положили: передать означенный рапортъ вмѣстѣ со вновь поданнымъ проф. Маровскимъ 10 октября рапортомъ на предварительное обсужденіе и заключеніе медицинскаго факультета.

Не успѣвъ еще медицинскій факультетъ представить въ Совѣтъ своего мнѣнія по поводу вопроса, предложеннаго проф. Лямблемъ Совѣту о достоинствахъ г. Маровскаго, какъ профессора и преподавателя, какъ въ Совѣтъ университета поступила жалоба ординаторовъ терапевтической клиники на незаконныя распоряженія проф. Маровскаго. Такъ въ протоколахъ засѣданій Совѣта университета 24, 27 и 31 октября 1867 г. мы читаемъ:

Доложено было: 1) Прошение ординаторовъ терапевтической клиники Костенко и Герценвица: «Директоръ терапевтической клиники, проф. Маровскій, возложилъ на насъ, кромѣ обязанностей, указанныхъ въ положеніи о факультетскихъ клиникахъ, еще многія другія обязанности. Изъ нихъ болѣе замѣчательныя слѣдующія:

1) Самимъ принимать больныхъ въ клинику, дѣлать діагностику ихъ болѣзней и писать ее на досточкахъ у кроватей больныхъ; назначать лѣкарства этимъ больнымъ по своему усмотрѣнію. Профессоръ же предоставляет себѣ право измѣнять какъ діагностику, такъ и лѣчение, когда ему заблагоразсудится. Поликлиника совершенно передана намъ и мы принимаемъ теперь приходящихъ больныхъ сами безъ присутствія студентовъ и профессора.

2) Каждый день утромъ и вечеромъ, до прихода студентовъ и профессора, измѣрять температуру, сосчитывать число дыханій и ударовъ пульса всѣхъ больныхъ и записывать все это въ скорбные листы, которые по клиническому положенію должны вестись студентами-практикантами.

3) Каждый день утромъ и вечеромъ подробно разспросить и осмотрѣть всѣхъ больныхъ, изслѣдовать, въ случаѣ надобности, какъ химически, такъ и микроскопически мочу и другія выдѣленія и передавать все указанное студентамъ и профессору, когда онъ пожелаетъ знать.

4) Принимая отъ студентовъ исторіи болѣзней, сами мы должны ихъ читать, поправлять, опредѣлять ихъ достоинства и недостатки, и, если бы чья-нибудь исторія оказалась плохою, то возвращать ее обратно студенту-практиканту для передѣлки отъ имени директора клиники.

5) Проф. Маровскій, измѣняя по своему усмотрѣнію составъ установленныхъ порцій (что не должно быть допущено по клиническому положенію), заставляетъ насъ подписывать видоизмѣненные такимъ образомъ порціонныя вѣдомости. Для примѣра мы приведемъ слѣдующій случай: 10 сентября 1867 года, въ 7 часу вечера, проф. Маровскій назначилъ больному Максиму Высоцкому 2-ю порцію, но съ условіемъ, чтобы вмѣсто чаю, входящаго въ составъ порціи больному, дано было молоко.

Ординаторъ Костенко просилъ профессора «Нельзя-ли измѣнить назначенную имъ условную порцію, такъ какъ въ напечатанныхъ порціонныхъ вѣдомостяхъ нѣтъ даже мѣста, гдѣ-бы можно было удобно прописать замѣну одной части порціи другою порціею и кромѣ того будутъ большія неудобства при повѣркѣ этихъ вѣдомостей». «Для всего, что я требую, должно быть мѣсто», былъ отвѣтъ проф. Маровскаго. На представленной ему тутъ-же порціонной вѣдомости профессоръ своеручно написалъ *вмѣсто чаю—молоко*, но замѣтилъ, что написано не у мѣста и вовсе не въ той графѣ, гдѣ записанъ Максимъ Высоцкій, онъ зачеркнулъ напи-

санное и снова написалъ въ другомъ мѣстѣ «вмѣсто чаю —молоко», и опять-таки не въ графѣ, гдѣ записана фамилія больного, которому назначалась эта условная порція. Но что замѣчательнѣе всего, такъ это то, что проф. Маровскій, испачкавъ такимъ образомъ порціонную вѣдомость, подъ написаннымъ своею рукою подписалъ чужую фамилію, именно ординатора Костенко. Когда же Костенко попросилъ профессора подписать подъ написаннымъ свою фамилію, а не его, то проф. Маровскій отвѣчалъ: «Не бойтесь! За такой пустякъ васъ суду не придадутъ», и тутъ же пальцемъ затеръ написанное.

Вѣдомость эта, испачканная такимъ образомъ, находится у смотрителя клиники. Свидѣтелями этого случая были, кромѣ насъ двухъ, фельдшеръ и студенты: Клобуцкій, Нееленко, Красновъ, Скабичевскій, Каленкевичъ, Баженовъ и Барановскій.

6) Наконецъ, по приказанію проф. Маровскаго одинъ изъ ординаторовъ при приѣмѣ больныхъ долженъ стараться, если возможно, брать плату съ больныхъ, принятыхъ въ клинику, не заявляя объ этомъ никому кромѣ профессора.

Взятые деньги должны храниться въ клиническомъ кабинетѣ, впредь до требованія ихъ профессоромъ.

Узнавъ случайно, что проф. Маровскій больныхъ, съ которыхъ взята плата, записываетъ безъ платы въ шнуровую книгу, хранящуюся у смотрителя клиники и самъ расходуетъ эти деньги, ординаторы Костенко и Ясинскій (нынѣ ординаторъ акушерской клиники) рѣшили, чтобы въ свое оправданіе имѣть какой-нибудь письменный документъ, записывать въ особую книгу фамиліи тѣхъ лицъ, съ кого и сколько получено денегъ и предлагать каждый разъ проф. Маровскому росписываться въ полученіи съ больныхъ денегъ. Книгу эту, запечатанную нашими печатами, имѣемъ честь препроводить къ Вашему Превосходительству.

Если мы до сихъ поръ исполняли всегда и все требованія проф. Маровскаго, то отчасти потому, что профессоръ всегда насъ увѣрялъ въ томъ, что все его распоряженія и требованія, ненаходящіеся въ прежнихъ клиническихъ положеніяхъ, вошли цѣликомъ въ новыя положенія о факультетскихъ клиникахъ, составленные въ прошломъ году и которыя намъ тогда еще не были извѣстны, а отчасти и потому еще, что мы привыкли считать требованія такого лица, какъ профессоръ, да еще и директоръ клиники непогрѣшимыми и всегда законными; тѣмъ болѣе еще, что одинъ изъ насъ, именно ординаторъ Костенко, служилъ уже ординаторомъ при директорахъ клиники Ф. К. Альбрехтѣ, И. П. Лазаревичѣ, К. А. Демонси и Д. О. Лямблѣ и никогда не замѣтилъ, чтобы требованія ихъ были хоть сколько-нибудь сомнительными въ своей законности. Получивъ же теперь

новое положеніе о факультетскихъ клиникахъ, утвержденное и напечатанное по опредѣленію Совѣта университета, мы не нашли въ немъ много изъ того, что говорилъ и требовалъ отъ насъ проф. Маровскій. Это заставило насъ просить профессора, чтобы онъ требованія свои, невошедшія въ положеніе о клиникахъ, формулировалъ и изложилъ на бумагѣ, чтобы, въ случаѣ надобности, имѣть письменный актъ, на основаніи котораго мы исполняли то или другое приказаніе профессора. На эту весьма уважительную и законную нашу просьбу проф. Маровскій отвѣчалъ: «Вы не имѣете никакого права разсуждать о законности моихъ требованій, а тѣмъ болѣе требовать отъ меня письменныхъ распоряженій, а обязаны, какъ подчиненные, исполнять безприкословно все мои словесныя требованія, какого-бы рода они ни были».

Получивъ такого рода отвѣтъ, мы рѣшились, продолжая исполнять все требованія проф. Маровскаго, обратиться съ просьбой къ Вашему Превосходительству.

И вотъ въ настоящее время мы обращаемся съ покорнѣйшей просьбой къ Вашему Превосходительству объяснить намъ: обязаны-ли мы, не подвергаясь отвѣтственности передъ закономъ, исполнять все вышеозначенныя и многія другія требованія проф. Маровскаго, невошедшія въ положеніе о факультетскихъ клиникахъ? И если только Вашему Превосходительству угодно будетъ возложить на насъ эту обязанность, то мы съ своей стороны обѣщаемся исполнять ихъ безприкословно и безъ малѣйшаго упущенія.

Впрочемъ, считаемъ не лишнимъ пояснить при этомъ насколько исполнимы эти требованія. Такъ, одно правильное измѣреніе температуры требуетъ, полагая на одного больнаго minimum $\frac{1}{4}$ часа, при 25 больныхъ $6\frac{1}{4}$ часовъ утромъ и $6\frac{1}{4}$ часовъ вечеромъ, итого $12\frac{1}{2}$ часовъ въ сутки. Прибавьте къ этому время, нужное для исполненія законныхъ обязанностей и Вы, Ваше Превосходительство, увидите тогда ясно, что 24-хъ суточныхъ часовъ далеко недостаточно будетъ для добросовѣстнаго выполненія всего возлагаемаго на ординатора, если допустимъ даже, что онъ въ 24 часа не будетъ ни пить, ни ѣсть, ни спать.

Мы выше сказали, что въ новомъ положеніи о факультетскихъ клиникахъ мы не нашли много изъ того, что говорилъ и требовалъ отъ насъ проф. Маровскій; но справедливость заставляетъ насъ сознаться и въ томъ, что мы нашли въ новомъ положеніи кое-что такое, о чемъ даже не говорилъ и проф. Маровскій; это именно § 16 положенія, который обязываетъ одного изъ ординаторовъ *безотлучно* находиться въ клиникѣ въ теченіе сутокъ. Мы обращаемъ вниманіе Вашего Превосходительства на этотъ параграфъ по слѣдующимъ обстоятельствамъ:

1) Ординаторъ, остающійся на сутки въ клиникѣ безотлучно, долженъ или голодать цѣлыя сутки (такъ какъ ему казенной пищи не полагается), или же пускаться для утоленія голода на различнаго рода злоупотребленія.

2) По смыслу этого § ординаторъ не имѣетъ права оставить клинику ни на минуту, ни подъ какимъ видомъ. Значить будетъ-ли требовать его полиція, или же частное лицо въ извѣстныхъ случаяхъ, требующихъ немедленной помощи врача, ординаторъ, хотя бы ему время и позволяло, наотрѣзъ долженъ отказаться, т. е., иначе говоря, долженъ поступить противъ челоуѣколюбія, противъ совѣсти, противъ своего клятвеннаго обѣщанія и, наконецъ, противъ основныхъ Государственныхъ узаконеній.

3) Заявленіе ординатора акушерской клиники Ясинскаго: «Получивъ 20 сентября сего года отъ смотрителя клиники новое положеніе о факультетскихъ клиникахъ и, прочитывая оное, я нашелъ, что въ § 50 ясно сказано: съ больныхъ, поступившихъ въ клинику съ платою, принимаетъ деньги смотритель, клиники и записываетъ ихъ на приходъ въ особую шнуговую книгу. Припомнивъ теперь, что въ бытность мою ординаторомъ при терапевтической клиникѣ, совмѣстно съ ординаторомъ Костенко, директоръ терапевтической клиники г. проф. Маровскій объявилъ намъ, что по составленному тогда новому положенію о факультетскихъ клиникахъ, не смотритель, а директоръ клиники долженъ брать плату съ больныхъ, вслѣдствіе чего г. проф. Маровскій самъ бралъ таковую плату, а иногда поручалъ одному изъ ординаторовъ клиники, именно Костенко, съ приказаніемъ доставлять взятые съ больныхъ деньги ему, проф. Маровскому. Деньги эти хранились въ клиническомъ кабинетѣ. Узнавъ же, что проф. Маровскій расходуетъ эти деньги, мы на всякій случай рѣшили вмѣстѣ съ ординаторомъ Костенко завести особую книгу, куда записывать фамиліи всѣхъ больныхъ, съ которыхъ получались деньги и просили профессора росписываться всякій разъ въ ихъ полученіи. О чемъ съ своей стороны считаю необходимымъ довести до свѣдѣнія Вашего Превосходительства».

На основаніи вышеизложеннаго, ректоръ университета донесъ 30-го октября г. попечителю слѣдующее: Ординаторы терапевтической клиники Костенко и Герценвицъ рапортомъ отъ 19 сентября донесли мнѣ о неправильныхъ распоряженіяхъ и неудобноисполнимыхъ для нихъ требованіяхъ директора оной клиники проф. Маровскаго; одинъ изъ ординаторовъ при приѣмѣ больныхъ долженъ стараться сколько возможно брать плату съ больныхъ, принятыхъ въ клинику, не заявляя объ этомъ никому, кромѣ профессора. Взятые деньги должны храниться въ клиническомъ кабинетѣ, впредь до требованія ихъ профессоромъ.

Узнавъ случайно, что проф. Маровскій больныхъ, съ которыхъ взята плата, записываетъ бесплатными въ шнуговую книгу, хранящуюся у смо-

трителя клиники и самъ расходуетъ эти деньги, ординаторы терапевтической клиники Костенко и Ясинскій (нынѣ ординаторъ акушерской клиники) рѣшили, чтобы въ свое оправданіе имѣть какой-нибудь письменный документъ, записывать въ особую книгу фамиліи тѣхъ лицъ, съ кого и сколько получено денегъ и предлагать каждый разъ проф. Маровскому росписываться въ полученіи съ больныхъ денегъ.

Если мы, сказано далѣе въ рапортѣ, до сихъ поръ исполняли всегда и всѣ требованія проф. Маровскаго, то это отчасти потому, что онъ всегда увѣрялъ насъ, что всѣ его распоряженія и требованія, ненаходящіеся въ прежнихъ клиническихъ положеніяхъ, вошли цѣликомъ въ новое положеніе о факультетскихъ клиникахъ, составленное въ прошломъ году и которое намъ тогда еще не было извѣстно. При означенномъ рапортѣ Костенко и Герценвица приложена и самая книга, о которой въ немъ упоминается. Изъ этой книги видно, что взиманіе платы съ больныхъ по терапевтической клиникѣ проф. Маровскимъ и ординаторомъ Костенко началось съ 1 марта 1866 года и всего собрано 112 руб. сер. Изъ той же книжки усматривается, что въ счетъ собранной суммы употреблено на приобрѣтеніе инструментовъ, снарядовъ, медицинскихъ изданій, отправленіе писемъ и проч. 90 руб. 33 коп., а съ присоединеніемъ къ сему 20 р., выданныхъ проф. Маровскимъ инструментальному мастеру Гессельбейну въ Кіевѣ, на что имъ представлена квитанція, всего на 110 руб. 33 коп. сер.

Ординаторъ Ясинскій въ рапортѣ отъ 22 сентября, съ своей стороны, заявилъ слѣдующее: (Г. ректоръ прописываетъ цѣликомъ вышеприведенный рапортъ ординатора Ясинскаго).

Находя таковыя дѣйствія проф. Маровскаго, неотвергаемыя имъ самимъ и подтвержденныя подписями его въ упомянутой приходо-расходной книгѣ, неправильными и противозаконными и признавая всю важность нарушенія имъ существующихъ постановленій, я, на основаніи § 34 университетскаго устава, считаю долгомъ довести о сихъ дѣйствіяхъ до свѣдѣнія Вашего Превосходительства.

Къ сему имѣю честь присовокупить, что другіе пункты рапорта ординаторовъ Костенко и Герценвица переданы мною на обсужденіе и заключеніе медицинскаго факультета.

При семъ прилагается книга, въ которую записывалось проф. Маровскимъ и ординаторомъ Костенко полученіе платы съ больныхъ въ терапевтической клиникѣ и расходваніе оной и росписка инструментальнаго мастера Гессельбейна въ Кіевѣ на 20 руб.».

Въ то же время прошеніе гг. Костенко и Герценвица передано было на предварительное заключеніе медицинскаго факультета по тѣмъ пред-

метамъ, объясненнымъ въ рапортѣ, которые подлежатъ его обсужденію, на что факультетъ отъ 3 октября 1867 года донесъ:

«Препровождая обратно прошеніе гг. ординаторовъ терапевтической клиники Костенко и Герценвица, переданное на предварительное заключеніе медицинскаго факультета, факультетъ имѣетъ честь донести Вашему Превосходительству слѣдующее: Гг. ординаторы указываютъ въ этомъ прошеніи на различныя распоряженія проф. Маровскаго по терапевтической клиникѣ, составляющія отступленія отъ порядка, установленнаго въ ней нынѣ дѣйствующимъ положеніемъ о клиникахъ. Факультетъ не можетъ принять на себя сужденіе о томъ, насколько достовѣрны жалобы гг. ординаторовъ и были-ли дѣйствительно сдѣланы тѣ распоряженія, на которыя они указываютъ. Разсмотрѣвъ это дѣло, факультетъ можетъ позволить себѣ лишь указать, насколько распоряженія проф. Маровскаго, если они дѣйствительно существуютъ, какъ это доносятъ гг. ординаторы, соответствуютъ утвержденнымъ Совѣтомъ и г. попечителемъ правиламъ клиническаго положенія и могли бы быть одобрены факультетомъ.

Съ этой точки зрѣнія факультетъ полагаетъ слѣдующее:

Распоряженія проф. Маровскаго, объясненные въ пунктахъ 1 и 4 прошенія, составляютъ не только нарушеніе клиническаго положенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно противорѣчатъ понятіямъ, усвоеннымъ факультетомъ объ обязанностяхъ клиническаго профессора, принимать больныхъ въ клинику, дѣлать точное распознаваніе ихъ болѣзней, назначать соответствующее лѣченіе, завѣдывать поликлиникой, разсматривать исторіи болѣзней, составляемыя студентами-практикантами, все это прямая и неотъемлемая обязанность профессора клиники и не можетъ быть передана ни ординаторамъ, ни кому другому. Въ этомъ состоитъ вся обязанность клинициста и если бы все это было предоставлено гг. ординаторамъ, то директору клиники не осталось бы ровно никакого дѣла; его мѣсто стало бы лишнимъ. Это относится къ каждому клиницисту, всего же болѣе къ директору терапевтической клиники, который въ нашемъ университетѣ освобожденъ отъ всякаго теоретическаго преподаванія и занимается одною клиникою.

Относительно 2 пункта факультетъ полагаетъ, что изслѣдованіе больного и записываніе найденныхъ при немъ результатовъ въ скорбные листы есть прямая обязанность студента-практиканта. Оно должно быть производимо имъ самимъ подъ руководствомъ директора клиники, или, въ отсутствіи его, ординатора, но ни какъ не ординаторомъ. Возложеніе такой обязанности на послѣдняго устраняло бы студентовъ отъ изслѣдованія порученныхъ имъ больныхъ, отъ возможности пріучиться къ правильному опредѣленію болѣзненныхъ явленій, а въ этомъ состоитъ вся цѣль клиническаго обученія.

Относительно, наконецъ, 5 пункта факультетъ полагаетъ, что никакихъ измѣненій въ установленныхъ положеніемъ порціяхъ не можетъ быть допускаемо».

Его Превосходительство г. попечитель А. А. Воскресенскій, получивъ донесеніе г. ректора, предложилъ Совѣту 30 сентября с. г. слѣдующее: «Усмотрѣвъ изъ прилагаемаго при семъ донесенія г. ректора университета отъ 3 сентября, что проф. Маровскій дозволилъ себѣ неправильныя и противозаконныя дѣйствія, неотвѣргаемыя имъ самимъ и подтверждаемыя подписями его въ прилагаемой при семъ приходо-расходной книгѣ, я предлагаю Совѣту университета для подробнаго разслѣдованія этого дѣла назначить комиссію изъ гг. членовъ Совѣта и по окончаніи дѣйствій комиссіи, обсудивъ ея донесеніе, представить оное мнѣ съ своимъ заключеніемъ. При семъ прилагается упомянутая въ рапортѣ г. ректора университета росписка мастера Гессельбейна».

Совѣтъ университета, въ засѣданіи своемъ, выслушавъ предложеніе г. попечителя, рапорты ординаторовъ Костенко, Герценвица и Ясинскаго, и представленіе медицинскаго факультета отъ 3 октября и избравъ посредствомъ закрытой подачи голосовъ членами комиссіи гг. проф. Палумбецкаго, Щелкова, Лавровскаго I и Леваковскаго, передалъ 4 октября въ комиссію всю переписку по этому дѣлу для подробнаго разслѣдованія онаго.

Комиссія, окончивъ свои дѣйствія, 23 октября, представила въ Совѣтъ протоколы своихъ засѣданій, въ которыхъ изложено все произведенное ею изслѣдованіе, съ возвращеніемъ при томъ препровожденныхъ ей отъ Совѣта документовъ. Протоколы эти были прочтены исполнѣ членамъ Совѣта въ засѣданіяхъ 24 и 27 октября.

Въ засѣданіи же 31 октября, по разсмотрѣніи протоколовъ комиссіи и всѣхъ вышеизложенныхъ документовъ по этому дѣлу, Совѣтъ университета постановилъ слѣдующее заключеніе:

1) Директоръ факультетской терапевтической клиники экстра-ординарный профессоръ Маровскій съ 1 марта прошедшаго 1866 года началъ взимать плату за лѣченіе (по 8 руб. въ мѣсяцъ), частью самъ, частью чрезъ ординатора Костенко, но не объявляя объ этомъ смотрителю клиники, съ тѣхъ больныхъ, которые въ шнуровой книгѣ, веденной смотрителемъ, имъ (Маровскимъ) собственноручно показывались безплатными. Всего собрано съ 1 марта 1866 года по 6 февраля 1867 года съ 13 больныхъ, изъ которыхъ одна женщина внесла за 2 мѣсяца, 112 руб. Деньги эти записывались въ особо заведенную частную книгу, которая хранилась въ кабинетѣ терапевтической клиники и въ которой записывались поступления съ каждаго больного, скрѣпленная подписью проф. Маровскаго

и ординатора Костенко. Въ счетъ этихъ денегъ дѣлались проф. Маровскимъ расходы, по его показанію, «на нужды клиники», а именно на приобрѣтеніе разныхъ инструментовъ 93 руб., на приобрѣтеніе медицинскихъ изданій, на корреспонденціи и разъѣзды по дѣламъ клиники 17 р. 33 к., остальные затѣмъ 1 р. 67 к. находятся на лицо въ кабинетѣ терапевтической клиники. Упомянутыя статьи расхода записаны въ той же книгѣ, большую часть за подписью проф. Маровскаго и ординатора Костенко; приобрѣтенныя вещи по осмотру комиссіи найдены состоящими на лицо, за исключеніемъ инструментовъ, заказанныхъ киевскому мастеру Гессельбейну, которому выдано въ задатокъ 20 руб., на что и имѣется отъ него квитанція.

При разслѣдованіи проф. Маровскій заявилъ комиссіи, что онъ сознавалъ опасность, грозившую имъ (т. е. ему и ординатору Костенко) въ случаѣ доноса и слѣдовательно понималъ незаконность своихъ дѣйствій, но вынужденъ былъ крайностью прибѣгнуть «къ этому источнику клиническихъ доходовъ». «Когда я вступилъ въ должность директора терапевтической клиники (это было въ февралѣ 1866 года), говоритъ онъ въ данныхъ комиссіи объясненіяхъ, то увидѣлъ, что кабинетъ ея весьма бѣденъ, такъ что недостаетъ самыхъ необходимыхъ учебныхъ и лѣчебныхъ пособій. На спеціальныя средства университета не было надежды. Мнѣ обѣщали дать средства изъ остатковъ суммъ, если окажутся и если на то послѣдуетъ разрѣшеніе г. министра народнаго просвѣщенія и то не раньше іюня».

Признавая вышеизложенныя дѣйствія проф. Маровскаго противозаконными, Совѣтъ считаетъ нужнымъ присовокупить, что данное имъ комиссіи объясненіе побужденій къ онымъ, не говоря уже о томъ, что оно по существу своему не можетъ служить къ его оправданію,—фактически неврѣно: при приѣмѣ проф. Маровскимъ терапевтической клиники она была уже снабжена въ извѣстной мѣрѣ наиболѣе необходимыми для преподаванія пособиями. Въ скорости по вступленіи въ должность, онъ обратился въ Совѣтъ университета съ ходатайствомъ о назначеніи экстраординарной суммы въ 500 руб. на устройство кабинета и при ней небольшой лабораторіи. Согласно заявленію членовъ медицинскаго факультета о необходимости этого назначенія Совѣтъ 5 апрѣля 1866 г. опредѣлилъ на означенный предметъ 500 руб., которые и ассигнованы были съ разрѣшенія г. министра народнаго просвѣщенія 21 мая 1866 года изъ остатковъ по другимъ расходнымъ статьямъ финансовой смѣты университета. Если бы и затѣмъ штатная сумма кабинета терапевтической клиники, по соображенію проф. Маровскаго, могла оказаться недостаточною для расходовъ, предстоявшихъ въ 1867 году, то ему слѣдовало бы заявить объ этомъ

при составленіи смѣты расходовъ специальныхъ средствъ университета на этотъ годъ, въ декабрѣ 1866 года, чего имъ не сдѣлано, а между тѣмъ въ началѣ текущаго года онъ продолжаетъ незаконное взиманіе платы съ больныхъ, пользовавшихся въ клиникѣ, и расходованіе этой суммы.

Такъ какъ на основаніи Высочайше утвержденныхъ 22 мая 1862 г. §§ 2 и 3 правилъ о составленіи, рассмотрѣніи, утвержденіи и исполненіи государственной росписи и финансовыхъ смѣтъ министерствъ и главныхъ управленій, плата, взимаемая съ больныхъ за лѣченіе въ факультетской клиникѣ, составляетъ принадлежность государственнаго казначейства и должна быть, согласно § 3 ст. 1 табели о порядкѣ поступленія доходовъ, въ установленные сроки сдаваема въ мѣстную кассу онаго, изъ дѣла же оказывается, что проф. Маровскій противозаконнымъ образомъ задерживалъ и расходовалъ оную, то Совѣтъ находитъ необходимымъ, независимо отъ той отвѣтственности, которой подлежитъ онъ за свои незаконныя дѣйствія, потребовать отъ него немедленнаго внесенія въ Правленіе всей удержанной имъ съ 1 марта 1866 года суммы 112 руб., для препровожденія оной въ Харьковское губернское казначейство по принадлежности; что касается до наличныхъ предметовъ, приобрѣтенныхъ имъ въ счетъ этой суммы, всего по показанной цѣнѣ на 93 руб., то, не входя въ разбирательство относительно ихъ стоимости показанной цѣны, а равно степени ихъ необходимости или годности для клиники, признать ихъ подлежащими возвращенію проф. Маровскому, но впредь до окончанія дѣла, на случай, если бы по ходу онаго новый осмотръ этихъ вещей найденъ былъ необходимымъ, предоставить Правленію университета принять мѣры къ храненію ихъ за казенною печатью; остальные расходы, всего 17 р. 33 к., согласно заключенію комиссіи, признать излишними съ точки зрѣнія самаго проф. Маровскаго.

2) Ординаторы Костенко, Ясинскій и Герценвицъ, по соображенію поданныхъ ими на имя г. ректора рапортовъ о данныхъ ими комиссіи объясненій признаются Совѣтомъ прикосновенными къ дѣлу, такъ какъ первые два, какъ видно изъ сдѣланныхъ ими заявленій, по собственному побужденію завели частную книгу для записыванія поступленія платы съ больныхъ, которая расходовалась проф. Маровскимъ. Мысль о заведеніи подобной книги могла быть вызвана только сознаніемъ незаконности дѣйствій, въ которыхъ они принимали участіе и опасеніемъ отвѣтственности, которой они могли подвергаться: «чтобы имѣть въ свое оправданіе какойнибудь письменный документъ», какъ сказано въ рапортѣ г. Костенко. Опасеніе отвѣтственности было съ ихъ стороны тѣмъ естественнѣе, что имъ, какъ уже нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ служившимъ въ должности ординаторовъ, не могъ не быть извѣстенъ порядокъ пріема платы за лѣ-

ченіе больныхъ въ клиникѣ, что далѣе въ мартѣ 1866 года, по собственному ихъ заявленію, Костенко «узналъ случайно», а до Ясинскаго «доходили слухи» о томъ, что проф. Маровскій больныхъ, съ которыхъ взимается имъ при участіи ординаторовъ плата, показываетъ въ шнуровой книгѣ бесплатными. Неимѣніе подъ руками дѣйствовавшаго тогда положенія о клиникахъ, на что ссылается ординаторъ Костенко, не можетъ имѣть значенія, такъ какъ ему слѣдовало бы позаботиться пріобрѣсти экземпляръ этого положенія, если находившійся въ терапевтической клиникѣ былъ затерянъ, или обратиться за нужными справками съ этимъ положеніемъ къ смотрителю клиники, или секретарю Правленія университета, у которыхъ онъ нашелъ бы экземпляры этого положенія. Костенко заявляетъ, что онъ совершенно вѣрилъ словамъ проф. Маровскаго, увѣрявшаго его постоянно, что плату съ больныхъ долженъ принимать директоръ, а не смотритель клиники, и что вѣра эта поддерживалась въ немъ, между прочимъ, слѣдующими обстоятельствами: Изъ бумаги Правленія на имя директора терапевтической клиники за № 857, полученной 8 іюля 1866 года, ему извѣстно было объ утвержденіи г. попечителемъ новаго положенія о клиникахъ и о томъ, что утвержденіе это послѣдовало гораздо раньше (Положеніе это утверждено г. попечителемъ 31 мая 1866 года). Поэтому онъ, Костенко, съ 1 іюня 1866 года каждый день могъ надѣяться получить новое клиническое положеніе. Не понятно, какимъ образомъ свѣдѣніе, полученное въ іюнь и родившаяся вслѣдствіе того надежда получить новое положеніе могла поддерживать въ ординаторѣ Костенко вѣру въ слова проф. Маровскаго, три мѣсяца ранѣе въ мартѣ, когда заведена имъ вмѣстѣ съ ординаторомъ Ясинскимъ вышеупомянутая книга и когда онъ сдѣлался дѣятельнымъ исполнителемъ незаконныхъ распоряженій проф. Маровскаго. Еще менѣе могло поддерживать въ немъ вѣру въ слова проф. Маровскаго и служить побужденіемъ къ исполненію его распоряженій, несогласныхъ съ дѣйствовавшимъ въ 1866 году положеніемъ о клиникахъ, допускаемое, по его заявленію, Правленіемъ университета отклоненіе отъ §§ 35 и 36 этого положенія, о самомъ существованіи которыхъ онъ, Костенко, по собственному его признанію, «узналъ послѣ».

Что касается до ординатора Герценвица, то онъ, хотя зналъ о незаконныхъ распоряженіяхъ проф. Маровскаго, но, какъ оказывается изъ разслѣдованія, не принималъ въ исполненіи ихъ прямого участія.

Обвиненіе въ нерадѣніи къ исполненію обязанностей, взводимое на ординаторовъ Костенко и Герценвица проф. Маровскимъ, не подтверждается разслѣдованіемъ комиссіи.

3) Что касается до другихъ обвиненій и жалобъ, взводимыхъ ординаторами Костенко и Герценвицемъ на проф. Маровскаго, то а) *по 1-му*

пункту. Разслѣдованіе показало, что пріемъ какъ амбулаторныхъ, такъ и стационарныхъ, съ начала настоящаго академическаго года порученъ проф. Маровскимъ ординатору Герценвицу, который производилъ его одинъ, не въ присутствіи студентовъ; на ординаторовъ же возлагаемо было производство предварительнаго діагноза и обозначеніе его на дощечкѣ у постели больного, и назначеніе лѣченія, при чемъ профессоръ предоставлялъ себѣ право при визитаціи измѣнять діагнозъ и способъ леченія, назначенный ординаторомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ разслѣдованіемъ подтверждено, что до 19 марта 1867 года за все время завѣдыванія клиникомъ проф. Маровскимъ діагнозъ болѣею частью не обозначался на дощечкахъ при постели больныхъ. Принимать стационарныхъ больныхъ, дѣлать точное распознаваніе ихъ болѣзней, назначать соотвѣтствующее лѣченіе, завѣдывать поликлиникой,—все это составляетъ прямую обязанность профессора терапевтической клиники и не можетъ быть возложено имъ на ординатора или кого-либо другаго.

Неприсутствіе студентовъ при пріемѣ амбулаторныхъ больныхъ обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ часы этого пріема студенты въ нынѣшнемъ учебномъ году заняты лекціями. Но производимый безъ присутствія студентовъ самый этотъ пріемъ совершенно теряетъ характеръ поликлиники, имѣющей своимъ назначеніемъ практическія занятія студентовъ въ распознаваніи и лѣченіи болѣзней у приходящихъ больныхъ, что и даетъ ей столь важное значеніе въ системѣ медицинскаго обученія. Слѣдовало бы назначить эти часы такъ, чтобы другія занятія не препятствовали посѣщенію студентамъ поликлиники, имѣющей такое важное значеніе въ системѣ медицинскаго обученія.

б) *По 2-му пункту.* По изслѣдованіи оказывается, что въ текущемъ академическомъ году измѣреніе температуры у больныхъ, наблюденіе надъ пульсомъ и надъ дыханіемъ и записываніе этого въ скорбные листы, по утрамъ поручалось ординаторамъ, вечеромъ это дѣлали студенты. По клиническимъ правиламъ все это составляетъ прямую обязанность студентовъ-практикантовъ; не доставлять имъ возможности исполнять эту обязанность вполнѣ значитъ лишать ихъ способовъ пріучаться къ правильному наблюденію и опредѣленію болѣзненныхъ явленій, въ чемъ и заключается вся цѣль клиническаго обученія. Разслѣдованіе показываетъ, что стѣсненіе студентовъ въ исполненіи означенной обязанности по утрамъ происходитъ отъ неудачнаго назначенія времени для этого въ такіе часы, когда студенты имѣютъ другія занятія. Совѣтъ считаетъ долгомъ своимъ обратить на это вниманіе и просить медицинскій факультетъ принять мѣры къ устраненію на будущее время неудобствъ, проистекающихъ отъ существующаго распредѣленія лекцій въ отношеніи къ практическимъ за-

нятіямъ студентовъ по клиникѣ стационарной и поликлиникѣ. Что же касается до порученія ординатору исполненія обязанности студента-практиканта въ тѣхъ только случаяхъ, когда послѣдній по болѣзни или по другимъ причинамъ не можетъ явиться въ клинику въ опредѣленный часъ, то этого никакъ нельзя считать излишнимъ обремененіемъ ординатора тѣмъ болѣе, что исполненіе такого порученія далеко не можетъ требовать столько времени, сколько показывается въ явно преувеличенномъ расчетѣ, приведенномъ въ рапортѣ ординаторовъ Костенко и Герценвица.

По 3-му пункту. Требованіе, чтобы ординаторы каждый день утромъ и вечеромъ разспросили и осмотрѣли всѣхъ больныхъ, изслѣдовали, въ случаѣ надобности, какъ химически, такъ и микроскопически, мочу и другія выдѣленія и передавали все узнанное студентамъ и профессору, когда онъ этого пожелаетъ, надо признать законнымъ требованіемъ профессора терапевтической клиники, отъ исполненія котораго ординаторы не имѣютъ права уклоняться.

По 4-му пункту. Разслѣдованіе показало, что исторіи болѣзней, представляемыя студентами, не носятъ на себѣ никакихъ виѣшнихъ слѣдовъ того, чтобы онѣ были читаны и исправляемы профессоромъ и самъ проф. Маровскій заявилъ комиссіи, что онъ, большею частью, не читалъ на чисто переписанныя исторіи болѣзней, ограничиваясь выслушиваніемъ ихъ по частямъ при постели больныхъ. По замѣчанію членовъ комиссіи, исторіи болѣзней, которыя они нашли въ клиникѣ, были не полныя; въ нихъ не было ерісісис, какъ это требуется правилами. Составленіе исторій болѣзней есть одно изъ требованій испытанія на званіе лѣкаря и потому со стороны профессора терапевтической клиники требуется полной внимательности къ нимъ. Помощь, которой онъ можетъ въ этомъ случаѣ требовать отъ ординаторовъ, опредѣляется § 12 положенія о клиникахъ, въ которомъ сказано, что ординаторы обязаны слѣдить за правильностію веденія практикантами исторій болѣзней, т. е. за аккуратностію и добросовѣстностію этого веденія, но отнюдь не обязаны и даже не имѣютъ права брать на себя оцѣнку этихъ исторій и исправленіе ихъ въ учебно-медицинскомъ отношеніи.

По 5-му пункту. Разслѣдованіе подтвердило указываемый ординаторами Костенко и Герценвицемъ случай измѣненія проф. Маровскимъ установленнаго состава порцій для больныхъ. Такое его дѣйствіе Совѣтъ признаетъ за отступленіе отъ клиническихъ правилъ, котораго нельзя дозволить. Повторенія подобныхъ, хотя и незначительныхъ, повидимому, отступленій отъ правилъ неизбежно повело бы за собой затрудненія и запутанность счетовъ по продовольствію больныхъ въ клиникѣ.

4) Наконецъ, что касается до сдѣланнаго ординаторами Костенко и Герценвицемъ заявленія о невозможности исполненія § 16 положенія о

клиникахъ, по которому «одинъ изъ нихъ обязанъ безотлучно находиться въ клиникѣ, для чего и учреждается между ними суточное по очереди дежурство», то, не говоря уже о неуважительности къ университетскому начальству и его постановленіямъ, выражающуюся въ самомъ тонѣ этого заявленія, оно поражаетъ незрѣлостью доводовъ, которыми подкрѣпляется. Должность ординатора требуетъ отъ него прежде всего точнаго исполненія обязанностей, возложенныхъ на него по отношенію къ клиникѣ, между которыми одна изъ главныхъ есть безотлучное во время дежурства нахожденіе въ клиникѣ, гдѣ, независимо отъ случаевъ, указанныхъ въ § 13 положенія, когда онъ долженъ подать немедленно медицинское пособіе тому или другому больному, на него возлагаются многія другія отвѣтственныя обязанности, изъясненныя въ § 14 положенія. Съ цѣлью предоставленія ординаторамъ возможности неупустительнаго исполненія этихъ обязанностей, имъ даются казенныя квартиры въ самомъ помѣщеніи клиники. Подавать медицинскую помощь больнымъ въ городѣ, по приглашенію полиціи или частныхъ лицъ, не есть такая обязанность, которая по закону возлагалась бы на ординаторовъ факультетскихъ клиникъ. Это ближайшимъ образомъ дѣло городскихъ и полицейскихъ врачей; въ факультетской же клиникѣ подобныя приглашенія могутъ быть обращаемы только къ тому изъ ординаторовъ, который въ данный день свободенъ отъ дежурства. Неудобства относительно стола каждому ординатору легко устранить распоряженіемъ, чтобы въ день его дежурства обѣдъ былъ приносимъ на его квартиру въ клиникѣ.

Вообще заявленіе ординаторовъ Костенко и Герценвица показываетъ, что они не сознаютъ важности обязанностей, налагаемыхъ на нихъ должностью и желаютъ уклониться отъ точнаго ихъ исполненія подъ предлогами, не имѣющими никакого серьезнаго основанія; а потому Совѣтъ университета постановилъ: подтвердить ординаторамъ Костенко и Герценвицу о непремѣнномъ и точномъ исполненіи ими обязанности суточного дежурства съ предупрежденіемъ, что неисправность ихъ въ этомъ отношеніи подвергнетъ ихъ строгой отвѣтственности; за неприличіе же тона, въ которомъ сдѣлано ими упомянутое заявленіе, предоставить г. ректору сдѣлать имъ замѣчаніе.

Опредѣлили. 1) Результаты разслѣдованія комиссіи съ заключеніемъ Совѣта по этому дѣлу представить г. попечителю. 2) Просить медицинскій факультетъ принять мѣры къ устраненію на будущее время неудобствъ, проистекающихъ отъ существующаго распредѣленія лекцій въ отношеніи къ практическимъ занятіямъ студентовъ по клиникѣ стаціонарной и по поликлиникѣ. 3) Подтвердить ординаторамъ Костенко и Герценвицу о непремѣнномъ и точномъ исполненіи обязанности суточного де-

журства и съ предупреденіемъ, что неисправность ихъ въ этомъ отношеніи подвергнетъ ихъ строгой отвѣтственности, и 4) Предоставить г. ректору сдѣлать гг. Костенко и Герценвицу замѣчаніе отъ Совѣта за неприличіе тона, въ которомъ сдѣлано заявленіе ихъ г. ректору.

24 ноября 1867 года Совѣтъ университета былъ занятъ рѣшеніемъ вопроса, внесеннаго въ Совѣтъ 10 октября 1867 года проф. Лямблемъ, а именно: «Признаетъ-ли Совѣтъ въ свойствахъ проф. Маровскаго тѣ критеріи хорошаго клинициста и преподавателя, отъ которыхъ можно ожидать пользу для больныхъ и для студентовъ?» Раньше уже было сказано, что члены Совѣта, не приступая къ рѣшенію этого вопроса, положили рапортъ проф. Лямбля, совмѣстно съ рапортомъ проф. Маровскаго (отъ 10 октября), передать на предварительное заключеніе медицинскаго факультета. На основаніи этого постановленія медицинскій факультетъ донесъ Совѣту 22 ноября 1867 года слѣдующее:

«Вслѣдствіе предложенія Совѣта, факультетъ въ засѣданіи 26 октября составилъ комиссію изъ проф. Питры I, Зарубина и Щелкова для предварительнаго разсмотрѣнія этого вопроса. Комиссія, собравъ тѣ данныя, на основаніи которыхъ проф. Лямбль счелъ нужнымъ предложить Совѣту вышепрописанный вопросъ, представила свой докладъ въ засѣданіе факультета 17 ноября. По выслушаніи его, факультетъ положилъ назначить для окончательнаго обсужденія предложеннаго ему вопроса особое засѣданіе; принимая же во вниманіе, что въ этомъ же засѣданіи факультетъ долженъ будетъ высказать свое мнѣніе о заявленіи проф. Лямбля, относящемся къ преподавательской дѣятельности проф. Маровскаго, факультетъ полагалъ необходимымъ не приглашать въ это засѣданіе ни проф. Лямбля, ни проф. Маровскаго.

Это засѣданіе состоялось 20 ноября. Въ немъ, по обсужденіи данныхъ, заключающихся въ докладѣ комиссіи и принимая во вниманіе и другія обстоятельства, извѣстныя членамъ факультета, факультетъ, закрытой подачею голосовъ, отвѣтилъ на предложенный ему Совѣтомъ вопросъ: «признаетъ-ли факультетъ и т. д.» *отрицательно: семь нѣтъ и одно да.*

Донося объ этомъ Совѣту университета, факультетъ имѣетъ препроводить обратно переданные ему рапорты проф. Лямбля отъ 2 октября и проф. Маровскаго отъ 10 октября, а также, согласно желанія проф. Лямбля, рапортъ его въ медицинскій факультетъ отъ 31 октября и, наконецъ, докладъ факультетской комиссіи.

Въ представленномъ докладѣ факультетской комиссіи значится: Въ засѣданіи медицинскаго факультета 26 октября 1867 года составлена была комиссія изъ проф. Питры, Зарубина и Щелкова для предварительнаго разсмотрѣнія заявленія проф. Лямбля, заключающагося въ рапортѣ его въ

Совѣтъ университета отъ 1 октября, а послѣднимъ переданнаго на заключение факультета: признаетъ-ли Совѣтъ въ свойствахъ г. Маровскаго тѣ критеріи хорошаго клинициста и преподавателя, отъ которыхъ можно ожидать пользу для больныхъ и для студентовъ?»

Окончивъ нынѣ свои занятія, комиссія имѣетъ честь представить отчетъ о нихъ медицинскому факультету.

Цѣлью своихъ занятій комиссія полагала собраніе всѣхъ нужныхъ справокъ и объясненій и разработку ихъ въ той мѣрѣ, какая нужна для того, чтобы факультетъ могъ приступить безъ всякихъ затрудненій къ отвѣту на предложенный Совѣтомъ вопросъ.

Для этого комиссія сочла прежде всего необходимымъ обратиться къ проф. Лямблю и просить его изложить письменно тѣ основанія, которыя бы давали право сдѣлать вышепроеписанное заявленіе его Совѣту университета. Проф. Лямбль отвѣчалъ на это рапортомъ, въ которомъ онъ говоритъ, что этотъ вопросъ можно обсудить *à priori*, на основаніи письменныхъ заявленій клинициста и *à posteriori*, на основаніи клиническаго опыта послѣдняго академическаго года.

При первомъ способѣ обсужденія проф. Лямбль начинаетъ съ несомнѣнной истины, что «въ одномъ субъектѣ несомѣстны двѣ логики, изъ которыхъ одна, способная управлять нормальнымъ образомъ клинкою, могла бы приносить пользу студентамъ и больнымъ, между тѣмъ какъ другая дѣлала бы вредъ автору, заставляя его сочинять на себя чистѣйшія *testimonia paupertatis*». Затѣмъ проф. Лямбль ссылается на первый проектъ г. Маровскаго (15 марта), въ которомъ «обнаружилось фундаментальное противорѣчіе стремленій автора относительно законовъ и существующихъ постановленій, какъ указалъ проф. Питра, высказались идеи, идущія въ разрѣзъ съ исторіею медицины и ея современнымъ направлениемъ, какъ объяснилъ проф. Зарубинъ, словомъ все вышло „*шिवоротъ на выворотъ*“, какъ замѣтилъ проф. Лазаревичъ». Этотъ проектъ, какъ извѣстно, послѣ серьезнаго обсужденія, былъ единодушно отвергнутъ медицинскимъ факультетомъ. «Когда факультету подается *обдуманнѣйшій* проектъ новыхъ положеній подобнаго содержанія *письменно*, то что же еще подумать о клиникѣ, гдѣ приходится говорить *ex abrupto*, дѣлать безъ приготовленія объясненія, не подвергающіяся ни контролю, ни критическому обсужденію?». «Въ упомянутомъ проектѣ поражаютъ не только положенія и требованія клинициста своею несообразностью, но главнымъ образомъ способъ изложенія и процессъ умозаключеній, заставляющій читателя нерѣдко ссылаться на неоспоримыя правила логики аппелировать на здравый смыслъ, напр., предлагается пять положеній, требующихъ *доказательствъ*, а эти послѣднія состоятъ въ томъ, что первое положеніе раз-

рѣшается само собою, а остальные ясно вытекаютъ одно изъ другаго; или, коль скоро анатомъ сдѣлалъ вскрытіе, роль его прекращается, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обязанъ употребить всѣ средства и всѣ способы своей науки для разъясненія болѣзненнаго случая». Такія и тому подобныя положенія произносятся съ запальчивою увѣренностью, въ родѣ какихъ-то фундаментальныхъ истинъ; на нихъ покоится основаніе проекта, а стилистическій цементъ, связывающій все остальное въ немъ разсужденіе, состоитъ въ частомъ употребленіи словъ утвердительныхъ: *ясно что, очевидно, безспорно, каждому понятно* и т. д.» Переносъ подобный способъ разсужденія и умозаключенія проф. Маровскаго на клиническія занятія, проф. Лямбль спрашиваетъ «не открыта-ли вольная дорога неразборчивому шарлатанству, научному нигилизму и полному умственному разладу? А какую силу разсудка нужно предположить у всѣхъ молодыхъ людей, чтобы нѣкоторые изъ нихъ, подѣ влияніемъ такого наставника, не сбились съ надлежащаго пути?»

Если разсужденіе о проектѣ 15 марта заставляло членовъ факультета сомнѣваться въ успѣшности клиническихъ занятій, то рапортъ отъ 2 мая не могъ не подтвердить этого сомнѣнія. Въ этомъ рапортѣ проф. Маровскій, основываясь на невѣрномъ заключеніи, что количество можетъ замѣнить качество, старался Совѣту представить все, относящееся къ клиникѣ 18⁶⁶/₆₇ года, въ громадныхъ размѣрахъ: большую цифру больныхъ, большое рвеніе свое, большое количество познаній студентовъ и т. п. Касательно научнаго матеріала клиницистъ высказываетъ дѣйствіе, прямо противное одному изъ основныхъ правилъ педагогики: *non multa sed multum*, а ошибочность подобнаго рода дѣйствія самъ признавалъ въ своей вступительной лекціи.

На счетъ трудовъ и рвенія его проф. Лямбль замѣчаетъ: «всякая дѣятельность можетъ быть полезна только тогда, когда она правильна и вполне цѣлесообразна; въ противномъ случаѣ ничего не можетъ быть хуже неразумной дѣятельности, напр., если клиницистъ, вмѣсто немедленнаго изслѣдованія извѣстныхъ жидкостей откладываетъ эту задачу на особый единственный часъ въ недѣлю».

Наконецъ, относительно познанія студентовъ проф. Лямбль замѣчаетъ: невозможно опредѣлить въ точности ту долю познаній, которую кончающіе курсъ студенты выносятъ отъ одного изъ преподавателей. Если одинъ изъ послѣднихъ удаляется отъ дружнаго и цѣлесообразнаго стремленія всѣхъ остальныхъ, общая цѣль все-таки достигается. Грустно было бы, если бы всѣ больные умирали вслѣдствіе неправильнаго распознаванія и лѣченія; они слава Богу выздоравливаютъ не въ силу извѣстнаго лѣченія, а вопреки ему. Грустно было бы, если бы всѣ студенты приравнивали свои

познанія къ такой путаницѣ, какъ изложено выше; надѣмся, что большинство ихъ обладаетъ полезными свѣдѣніями и научными познаніями не въ силу логики и педагогики наставника, а вопреки имъ».

Послѣ этого проф. Лямбль приступаетъ къ объясненію своего заявленія а posteriori, на основаніи клиническаго отчета прошедшаго академическаго года. Здѣсь онъ указываетъ на контроль клиническаго діагноза анатомическими вскрытіями, которыхъ было 15. «Какъ уже извѣстно съ самаго начала года до марта мѣсяца не было правильнаго распознаванія болѣзней, по крайней мѣрѣ діагнозы не отмѣчались на доскахъ. Потому о точномъ сличеніи клиническаго распознаванія съ анатомическимъ опредѣленіемъ въ до-мартовскомъ періодѣ рѣчи быть не можетъ, а насколько вскрытія были произведены *въ ущербъ клиническому распознаванію*, какъ выразился г. Маровскій въ своемъ рапортѣ отъ 2 мая, никакими научными средствами опредѣлить нельзя. По этому самому и прибавленіе клинициста, что разногласіе могло касаться только явленій, относящихся къ области болѣе тонкой патолого-анатомической діагностики, не имѣетъ смысла, ибо о болѣе тонкой діагностикѣ невозможно говорить тамъ, гдѣ самой крупной и вообще никакой діагностики не было отмѣчено на доскахъ».

«По положенію о клиникахъ (§ 22) исторіи болѣзней должны быть доставляемы въ архивъ патологической анатоміи. Такъ какъ онѣ не были доставляемы, то для пополненія этого пробѣла оставалось только одно средство: отмѣчать на протоколѣ вскрытія то, что можно было узнать отъ куратора или ординатора. Хотя клиницистъ можетъ не признать показанія студентовъ или ординаторовъ, однако же онъ сознается самъ, что вскрытія будто бы дѣлались въ ущербъ клиническому распознаванію. Въ мартѣ мѣсяцѣ проф. Маровскій представляетъ *два проекта*: одинъ объ измѣненіи клиническихъ положеній въ отношеніи къ патологической анатоміи, другой о новыхъ обязанностяхъ, которыя слѣдуетъ возложить на ординаторовъ. Въ первомъ онъ требовалъ, чтобы трупосѣченія производились въ извѣстномъ духѣ и направленіи, предназначенныхъ клиницистомъ, даже высказывать намѣреніе удалить анатома эксперта отъ клиническихъ вскрытій, словомъ, старался избавиться отъ научнаго контроля.

Въ то же самое время деканъ факультета находилъ необходимымъ сдѣлать ему замѣчаніе о безпорядкахъ въ клиникѣ и потребовалъ, чтобы діагностика отмѣчалась на доскахъ у кроватей больныхъ. Вслѣдствіе этого замѣчанія клиницистъ возложилъ исполненіе требованій декана на одного изъ ординаторовъ, хотя факультетъ не призналъ основательнымъ и другой проектъ его, въ которомъ онъ предлагалъ возложить на ординаторовъ, сверхъ означенныхъ въ клиническомъ положеніи, еще новыя обязанности. Затѣмъ въ засѣданіи 2 октября, состоявшемся по поводу бу-

маги, поданной ординаторами о томъ же предметѣ, факультетъ высказался, что при возложеніи всѣхъ въ ней упомянутыхъ обязанностей на ординаторовъ, директоръ клиники дѣлается лишнимъ.

Упомянувши нѣсколько трупосѣченій, при которыхъ обнаружилось, что клиническіе діагнозы не подтверждались анатомо-патологическими вскрытіями, проф. Лямбль указываетъ на два вскрытія, сдѣланныя самимъ проф. Маровскимъ 6 и 7 апрѣля. При одномъ въ протоколъ не записано вовсе никакого діагноза, а изъ описанія вскрытія невозможно вывести никакого заключенія. При другомъ найдено *воспаленіе головного мозга въ позвоночномъ столбѣ* (encephalitis spinalis). Протоколы этихъ двухъ вскрытій свидѣтельствуютъ о незнаніи грубой анатоміи, о неумѣнніи описать самую простую вещь понятнымъ образомъ, объ ужасной путаницѣ, въ которой перемѣшаны фантастическія выдумки и произвольныя предположенія съ неточными выраженіями и лишними прибавленіями. Протоколъ, составленный такимъ образомъ, выражаетъ не только небрежность или нерадѣніе, а положительный вредъ, причиняемый учащимся въ области научныхъ занятій: студенты вводятся прямо и сознательно въ заблужденіе и учатся обману». Кромѣ этого проф. Лямбль высказываетъ, что онъ находитъ во вскрытіяхъ 6 и 7 апрѣля «больше скандальныхъ фактовъ, чѣмъ простое нарушеніе одного § положеній». Всѣ поступки г. Маровскаго представляютъ «послѣдовательную и крайне печальную картину, въ которой рельефно выдается безнадежное и безвыходное положеніе факультета». «Съ самаго начала клиницистъ угрожаетъ нарушеніемъ правилъ, а факультетъ старается вразумить его словесно въ необходимости соблюденія ихъ. Послѣ того клиницистъ является во всеоружіи своихъ странныхъ взглядовъ и несбыточныхъ претензій въ особыхъ рапортахъ, затѣмъ онъ фактически нарушаетъ положенія и вскорѣ послѣ того, помимо факультета, представляетъ себя Совѣту университета, какъ преподавателя, какихъ до сихъ поръ въ Харьковѣ не было. По мѣрѣ того какъ факультету все болѣе и болѣе открываются незрѣлыя его познанія, недостатокъ врачебной опытности, путаница въ понятіяхъ, клиницистъ идетъ все своимъ путемъ». «Въ клиникѣ заводятся небывалые безпорядки, а между тѣмъ онъ готовъ заниматься посторонними ему предметами». «Его планъ клиническихъ занятій, самое небрежное произведеніе, а между тѣмъ онъ претендуетъ на достоинство представителя науки, даже домогается господства и съ непреодолимымъ упорствомъ воюетъ со всѣми внѣшними силами, могущими противодѣйствовать его несообразнымъ стремленіямъ. А какіе размѣры принимаетъ эта несообразность! Факультетъ только что доложилъ (2 мая) о нарушеніи имъ одного § положеній, а Совѣтъ не успѣлъ еще сдѣлать ему замѣчаніе, какъ онъ уже, въ оправданіе своихъ дѣйствій, за-

являетъ Совѣту, что онъ нарушилъ и другой § положенія, а именно тѣмъ, что даровой отпускъ лѣкарствъ бѣднымъ больнымъ съ первыхъ же дней его поступленія въ клинику совершенно прекратился». «Недоставало только одного, заявить еще передъ Совѣтомъ, что въ замѣнъ дароваго отпуска лѣкарствъ бѣднымъ больнымъ, введено клиницистомъ взиманіе денегъ съ больныхъ, пользующихся въ клиникѣ, по предоставленному правительствомъ праву, *бесплатно*, какъ они и записывались въ шнуровую книгу и что благодаря попеченію новаго директора клиники могла преобразоваться въ доходное мѣсто».

Такъ какъ проф. Лямбль ссылается въ своемъ объясненіи на ошибочные клиническіе диагнозы и на общій планъ клиническихъ занятій, представленный г. Маровскимъ, то коммиссія просила его доставить ей протоколы вскрытій и подробное мнѣніе объ общемъ планѣ клиническихъ занятій, а проф. Маровскаго доставить клиническія исторіи больныхъ.

По разсмотрѣніи клиническихъ исторій и соответствующихъ протоколовъ вскрытій, на которые ссылается проф. Лямбль, оказалось слѣдующее:

1. Больной Василій Гавриловъ. Клиническій діагнозъ (по исторіи болезни, напечатанной въ *Соврем. Мед.* 1867. № 3): хроническій катарръ и бронхіектазическія каверны. Анатомическій діагнозъ: *carcinoma medullare oesophagi cum exulceratione et perforatione. Pleuritis dextra cum adhaesione pulmonis et sphacelo ex compressione exudato seroso-fibrinoso; bronchoblenorrhoea. Pericarditis hyperplastica et exudativa. Pachymeningitis haemorrhagica.*

2. Больная Василиса Томахова. Клиническій діагнозъ: *ascites, bronchitis capillaris chronica, hydrothorax.* Анатомическій діагнозъ: *bronchoblenorrhoea* и *bronchiectasia; emphysema et collapsus pulmonum; hypertrophia et dilatatio cordis dextri, stasis venosa et hydrops universalis; catarrhus ventriculi et intestinorum chronicus; adhaesiones pleuriticae et peritoneales; marciditas uteri.*

3. Больная Лукерья Волкова. Клиническій діагнозъ: *ascites*, зависящая отъ перерожденія печени. Анатомическій: *atrophia granularis hepatis; catarrhus chronicus ventriculi et intest. coeci; situs obliquus et descensus uteri; adhaesiones peritonei cum omento et adnexis uteri in latere sinistro; tumor lienis chronicus; oedema et compressio pulmonum.*

4. Больная Акулина Курсикова. Клиническій діагнозъ: *peritonitis tuberculosa; tuberculosis pulmonum.* Анатомическій: *peritonitis chronica, adhaesiones et abscessus cum necrosi, broncho-et pleuropneumonia lateris sinistri; oedema pulmonis dextri; anaemia.*

5. Больной Хрисанфъ Лебедевъ. Клиническій діагнозъ: хроническій катарръ бронховъ, циррозное и жировое перерожденіе печени, амилоидное перерожденіе селезенки и почекъ и ожиренія сердца, происшедшія отъ

продолжительнаго и неумѣреннаго пьянства. Анатомическій: *tuberculosis granularis pulmon., cavernae; broncho-blenorrhoea; adhaesiones pleuriticae; hyperplasia meningum et oedema; haemorrhagia in sacco arachnoidali. Adipositis omenti, mesenterii et hepatis* (мускатная печень); слабые слѣды катарра желудка; *hyperplasia endocardii et arteriarum.*

При этомъ случаѣ коммиссія считаетъ необходимымъ замѣтить, что въ протоколѣ вскрытія, описанномъ въ исторіи болѣзни этого больного, неправильно выставленъ анатомическій діагнозъ; вмѣсто *adipositis hepatis* поставлено *циррозная печень* и прибавлено *амилоидныя почки*. Внизу же замѣчено, что вскрытіе произведено проф. Лямблемъ. Коммиссія указываетъ на это обстоятельство потому, что подобныя измѣненія не должны бы были быть допускаемы. Если вскрытія труповъ больныхъ, умершихъ въ клиникѣ, производятся по клиническому положенію профессоромъ патологической анатоміи, то и опредѣленіе анатомическаго діагноза принадлежитъ ему и такой діагнозъ долженъ быть безъ измѣненій внесенъ въ исторію болѣзни. Если же директоръ клиники не согласенъ съ діагнозомъ профессора патологической анатоміи, то ничто не мѣшаетъ ему изложить свое мнѣніе и привести всѣ тѣ основанія, которыя говорятъ въ его пользу, въ эпикризѣ.

6. Больной Самсонъ Рясный. Клинический діагнозъ *tuberculosis*. Анатомическій: *tuberculosis pulmonum lateris utriusque; exudatum pleuriticum lateris dextri cum compressione pulmonis; dilatatio et hypertrophia cordis. Peritonitis universalis et retractio omenti. Aneurysma septi ventriculorum; stenosis aortae et anomalia arteriarum.*

7. Больная Александра Костиченкова. Клинический діагнозъ: *hepatitis parenchymatosa*. Анатомическій: *tuberculosis et exudatum cum haemorrhagia pleurae sinistae; pneumonia tuberculisans lateris sinistri; thrombosis et oedema pulmonis dextri. Catarrhus intestinalis et ulcus catarrhale coli. Tuberculosis glandularum lymphaticarum et lienis. Adipositis hepatis. Adhaesio ventriculi dextri cerebri. Anaemia et Marasmus.*

Кромѣ вышеупомянутыхъ протоколовъ вскрытій, профессоромъ Лямблемъ доставлены были еще два протокола, составленные въ текущемъ академическомъ году, въ которыхъ клинический діагнозъ написанъ кураторомъ больного и кромѣ того приложена собственноручная записка проф. Маровскаго, указывающая на тѣ болѣзненные состоянія, которыя предполагались имъ у больного на основаніи клиническаго изслѣдованія.

1. Василій Сиренко. Клинический діагнозъ: *Morbus Brigthi*, по запискѣ проф. Маровскаго *сильное жировое перерожденіе почекъ*, старый бронхіальный катарръ съ бронхіектазіями, преимущественно въ лѣвомъ легкомъ, трансеудаты въ обоихъ мѣшкахъ плевры, преимущественно въ лѣвомъ,

уменьшившимся, впрочемъ, въ концѣ жизни. Анатомическій діагнозъ: *Phthisis tuberculosa pulmonis utriusque et intestini coli; tuberculosis pleurae sinistrae et exudatum pleuriticum lateris utriusque. Atrophia cordis. Catarrhus intestinorum chronicus; degeneratio renum adiposa; degeneratio lienis amyloides. Anasarca, ascites. Erysipelas gangraenosum extremit. inferior.*

2. Иванъ Бажановъ. Клиническій діагнозъ: *Pneumonia duplex*. По запискѣ проф. Маровскаго: воспаленіе въ правомъ легкомъ сзади; можетъ быть полость въ верхушкѣ праваго легкаго отъ бывшей пневмоніи и перехода ея въ нагноеніе; разлитый катарръ обоихъ легкихъ и эмфизема. Измѣненіе стѣнокъ сердца съ расширеніемъ и утонченіемъ стѣнокъ праваго желудочка; старыя и новыя дизентерическія язвы въ кишкахъ. Анатомическій: *Pericarditis purulenta et adhaesiva* (около 1 ф. гною). *Pneumonia et oedema pulmonis dextri. Catarrhus ventriculi et intestini coli. Nephritis incipiens lateris utriusque.*

Чтобы облегчить гг. членамъ факультета разборъ вышеприведенныхъ случаевъ, комиссія находитъ возможнымъ сгруппировать ихъ слѣдующимъ образомъ:

Изъ девяти случаевъ въ одномъ (Лукерья Волкова) клиническій діагнозъ оправдался при вскрытіи. Въ двухъ другихъ онъ оказался несовершенно точнымъ. Сюда относятся:

а) Самсонъ Рясный. Въ клиникѣ предполагали бугорчатку легкихъ и каверну въ *лѣвомъ* легкомъ. Вскрытіе показало дѣйствительно бугорчатку обоихъ легкихъ, найдена была и каверна, но въ *правомъ* легкомъ. Кромѣ того изъ болѣе значительныхъ измѣненій, неузнанныхъ при жизни, найдены: эксудатъ въ правомъ мѣшкѣ плевры со сдавленіемъ легкаго, расширеніе и гипертрофія сердца и общее воспаленіе брюшины. б) Больной Иванъ Бажановъ. Клиническій діагнозъ *pneumonia duplex*; по запискѣ проф. Маровскаго воспаленіе праваго легкаго, разлитый катарръ праваго легкаго и эмфизема. Расширеніе и истонченіе стѣнокъ праваго желудочка сердца; дизентерическія язвы въ кишкахъ. Вскрытіе показало дѣйствительно воспаленіе въ правомъ легкомъ, но ни измѣненій сердца, ни дизентерическихъ язвъ найдено не было; за то оказалось воспаленіе околосердця съ обильнымъ гнойнымъ эксудатомъ (около фунта), о которомъ при жизни ничего извѣстно не было, хотя это было, кажется, главною болѣзнью въ этомъ случаѣ.

Въ шести остальныхъ случаяхъ прижизненный діагнозъ вовсе не подтвердился, а именно:

а) Василій Гавриловъ. Въ клиникѣ предполагали хроническій катарръ и бронхіектазическія каверны; при вскрытіи же оказался ракъ пищевода съ изъязвленіемъ и прободеніемъ его стѣнки, такъ что полость пищевода

соединялась съ полостью въ правомъ легкомъ, происшедшею вѣдствие омертвѣнія его ткани. Воспаленіе въ правомъ мѣшкѣ плевры и эксудатъ, сдавившій легкое этой стороны.

б) Василиса Томахова. Въ клиникѣ найдено: Bronchitis capillaris chronica, ascites, hydrothorax, anasarca. За причину общей водянки считали, какъ видно изъ исторіи болѣзни, сильную потерю крови при послѣродовомъ очищеніи, продолжавшемся дня три (?); bronchitis же разсматривали какъ слѣдствіе простуды и другихъ гигиеническихъ условий, въ которыхъ находилась больная. Вскрытіе показало слѣдующее: бронхоленоррея, бронхіектазія, эмфизема и спаденіе легкихъ; гипертрофія и расширеніе праваго сердца; застой венозной крови; общая водянка; хроническій катарръ желудка и кишекъ.

в) Акулина Куренкова. Tuberculosis pulmonum; peritonitis tuberculosa. Основанія, по которымъ была допущена въ этомъ случаѣ бугорчатка легкихъ, были, повидимому, весьма недостаточны; въ исторіи болѣзни упоминается только о небольшомъ кашлѣ, начавшемся съ годъ тому назадъ, усилившемся въ послѣднюю недѣлю и сопровождавшимся громаднымъ отдѣленіемъ мокротъ; о притупленіи звука въ лѣвой подключичной области и сильномъ клокотаніи въ верхней долѣ лѣваго легкаго. При вскрытіи бугорчаткаго пораженія не оказалось, а найдено хроническое воспаление брюшины съ сращеніемъ брюшныхъ органовъ и образованіемъ нарывовъ съ омертвѣніемъ; бронхо-и плевро-пневмонія на правой сторонѣ; отекъ праваго легкаго.

г) Хрисанфъ Лебедевъ. Въ клиникѣ предполагалось: хроническій катарръ бронховъ, циррозное и жировое перерожденіе печени, амилоидное перерожденіе селезенки и почекъ и ожирѣніе сердца. При вскрытіи: зернистая бугорчатка легкихъ, каверны, бронхо-леноррея; кровоизліяніе въ полость паутинной оболочки, ожирѣніе сальника брыжжейки и печени (мускатная печень); слабые слѣды катарра желудка. Амилоиднаго перерожденія ни въ почкахъ, ни въ селезенкѣ не найдено, также какъ и циррозной печени.

д) Александра Костиченкова. По клиническому діагнозу предполагалось: паренхиматозное воспаление печени. При вскрытіи оказалось: бугорчатка и кровянистый эксудатъ лѣвой плевры, pneumonia tuberculisans лѣвой стороны, тромбозъ и отекъ праваго легкаго; кишечный катарръ и катарральная язва въ толстой кишкѣ. Бугорчатое пораженіе лимфатическихъ железъ и селезенки. Ожирѣніе печени.

е) Василій Сиренко. По клиническому діагнозу: Morbus Brigthi; проф. Маровскій, какъ видно изъ его записки, приложенной къ протоколу, предполагалъ *сильное жировое перерожденіе почекъ*; кромѣ того старый брон-

хіальний катарръ съ бронхіектазіями, преимущественно въ лѣвомъ легкомъ и трансудаты въ мѣшкахъ плевры, особенно въ лѣвомъ. При вскрытіи оказалось: бугорчатое пораженіе обоихъ легкихъ и толстой кишки; такое же пораженіе лѣвой плевры, плевритическіе эскудаты на обѣихъ сторонахъ; атрофія сердца; хроническій катарръ кишокъ; слабое жировое перерожденіе почекъ, какъ обыкновенно при хроническихъ изнурительныхъ болѣзняхъ; амилоидное перерожденіе селезенки; anasarca и ascites; гангренозная рожа нижнихъ конечностей.

Доводя до свѣдѣнія факультета о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя обнаружили при просмотрѣ исторій болѣзни вышеупомянутыхъ больныхъ, члены комиссіи считаютъ, кромѣ того, долгомъ своимъ указать вообще на неудовлетворительность этихъ исторій.

По мнѣнію ихъ, клиническая исторія болѣзни должна заключать въ себѣ, кромѣ anamnesis, status praesens и ежедневныхъ наблюденій, еще подробный діагнозъ, прогнозъ и мотивированный планъ лѣченія. Въ діагнозѣ студентомъ должны быть подробно изложены всѣ признаки и соображенія, на основаніи которыхъ былъ поставленъ клинический діагнозъ. Въ исторіяхъ, разсмотрѣнныхъ комиссіею, ничего подобнаго нѣтъ и даже въ печатной формѣ, заведенной проф. Маровскимъ, въ которую вписывается исторія болѣзни, для діагноза назначена только одна небольшая строка въ заголовкѣ листа; весь діагнозъ сводится на одно лишь вписываніе въ исторію какого-либо названія болѣзни, почему же оно тамъ стоитъ, какія основанія заставили допустить этотъ діагнозъ, а не какой-либо другой, объ этомъ въ исторіи болѣзни не упоминается ни однимъ словомъ; такого рода обозначенія діагноза были бы умѣстны въ скорбныхъ листахъ какого-нибудь лазарета, но ни какъ не клиники, главное назначеніе которой состоитъ въ пріученіи практикантовъ къ правильному и методическому распознаванію и лѣченію. Что касается до prognosis, считавшагося до сихъ поръ необходимою составною частью клинической исторіи болѣзни, то для него не только не существуетъ особой рубрики, но о немъ даже и вовсе не упоминается въ исторіяхъ болѣзней, ведущихся въ терапевтической клиникѣ. Точно также ни въ одной изъ разсмотрѣнныхъ исторій болѣзней не обозначенъ планъ, по которому предполагалось вести лечение больного. Комиссія полагаетъ, что факультетъ имѣетъ тѣмъ болѣе права требовать, чтобы клиническія исторіи были ведены по вышеизъясненному порядку, что этотъ порядокъ утвержденъ и § 21 клиническаго положенія, которое должно быть безпрекословно исполнено каждымъ директоромъ клиники.

Наконецъ, комиссія разсмотрѣла еще протоколы вскрытій, сдѣланныхъ самимъ проф. Маровскимъ и должна сознаться, что они на самомъ

дѣлѣ составлены чрезвычайно неудовлетворительно. Изслѣдованія различныхъ органовъ изложены въ большомъ безпорядкѣ; напр., за мочевымъ пузыремъ слѣдуетъ описаніе слѣпой кишки, почекъ, затѣмъ опять слѣпая кишка, опять мочевої пузырь, послѣ того аорта, а потомъ опять мочевої пузырь. Самое описаніе переполнено такими выраженіями, которыя не должны быть допущены въ протоколахъ вскрытій; напр., въ нижней части верхней доли (легкаго) находится мѣсто, представляющее рубецъ, *вѣроятно*, вслѣдствіе бывшаго здѣсь воспаленія; вверху клапановъ (сердца) находится нѣсколько ожирѣвшихъ мѣстъ, такъ что тутъ было когда то endocarditis; endocarditis, *вѣроятно*, занималъ всю *внутреннюю* поверхность лѣваго предсердія; но лѣвый клапанъ *долженъ быть бы суффициентенъ* (это слѣдовало бы опредѣлить опытомъ); центры долекъ (печени) содержатъ расширенныя сосуды (это можно видѣть только подъ микроскопомъ). Протоколъ перваго вскрытія наполненъ такими неясными и запутанными описаніями анатомическихъ измѣненій, что положительно невозможно составить точное понятіе о томъ, какая болѣзнь была главною, а какія послѣдовательными. Результатъ же втораго вскрытія было необыкновенно странное опредѣленіе болѣзни *encephalitis spinalis*. Проф. Лямбль, указывая на это, разбираетъ возможныя причины такой ошибки, а г. Маровскій въ своемъ рапортѣ Совѣту (10 октября) отвергаетъ ее, называя это сплетнею, заимствованною гдѣ-то проф. Лямблемъ. Коммиссія считаетъ необходимымъ заявить, что въ подлинномъ протоколѣ вскрытія, при семъ приложенномъ, въ числѣ прочихъ бумагъ, дѣйствительно написано *encephalitis spinalis*. Проф. Маровскій утверждаетъ, что онъ продиктовалъ *myelitis et meningitis spinalis*, коммиссія однако же не видитъ изъ протокола вскрытія чтобы въ этомъ случаѣ было воспаленіе оболочекъ спиннаго мозга, потому что въ немъ записано: *твердая оболочка medullae spinalis гладка и нормальна; мягкая оболочка не представляетъ экссудата ни на передней, ни на нижней поверхности; паутинная (arachnoidea) мягка, прозрачна.*

Въ своихъ замѣткахъ о составленномъ проф. Маровскимъ „общемъ планѣ изслѣдованія и наблюденія больного“, проф. Лямбль замѣчаетъ прежде всего, что по его мнѣнію *общій* планъ, вполне соответствующій всѣмъ требованіямъ въ каждомъ частномъ случаѣ, едва-ли можетъ существовать, такъ какъ планъ изслѣдованія составляется, смотря по роду болѣзни и пораженному органу: это-то, по словамъ проф. Лямбля, и дѣлаетъ необходимою для студентовъ клинику и дѣльнаго руководителя и не можетъ быть замѣнено какимъ бы то ни было общимъ планомъ изслѣдованія. Проф. Маровскій говоритъ, что предлагаемый имъ планъ переведенъ изъ руководства Леберта къ общей патологіи „съ незначительными добавленіями“.

но, по мнѣнію проф. Лямбля, онъ, будучи быть можетъ пригоднымъ при изложеніи общей патологии, составляетъ неудачное руководство для клиническихъ занятій.

Затѣмъ проф. Лямбль указываетъ на нѣкоторыя особенности, встречающіяся въ планѣ проф. Маровскаго, такъ: вычисленіе данныхъ въ анамнезѣ отличается и неполнотою и неточностью выраженій. Въ примѣрѣ приводится слѣдующее: «прежнее здоровье больного заключаетъ въ себѣ первое дѣтство и его послѣдствіе». Во второмъ дѣтствѣ говорится «о коклюшѣ, крупѣ и кашлѣ», смѣшивая такимъ образомъ болѣзни и припадокъ и не принимая во вниманіе, что больные не могутъ этого различать. Тутъ же выпущены многія болѣзни, которыя бываютъ въ этомъ возрастѣ, какъ, напр., головная водянка, падучая, страданія отъ глистовъ. Такая же неполнота замѣчается и въ томъ, что говорится о развитомъ возрастѣ, при чемъ, кромѣ того, представляется невозможное для больного требованіе, опредѣлить прежнюю болѣзнь, напр., пневмонію, воспаленіе вѣтвей дыхательнаго горла.

Во внѣшнихъ условіяхъ говорится объ *умѣренномъ образѣ жизни*—понятіе крайне неопредѣленное. Кромѣ *„отношенія къ спиртнымъ напиткамъ и половой жизни“*, о которыхъ упоминаетъ проф. Маровскій, есть много другихъ злоупотребленій, вредныхъ привычекъ и даже противостественныхъ дѣйствій, о которыхъ не сказано ни слова. За то отъ больныхъ требуется опредѣленіе *„уменьшенія вѣса ихъ тѣла“*, что и въ клиникѣ не всегда дѣлается.

Въ *status praesens* существуетъ примѣрный беспорядокъ; такъ вычислены одно за другимъ *„тѣлосложеніе, степень умственнаго развитія и сила памяти, длина тѣла, жирное или худое, и положеніе въ постели“*. Здѣсь степень умственного развитія и сила памяти—явленія субъективныя, поставлены между тѣлосложеніемъ и длиною тѣла, подлежащими чисто физикальному наблюденію и измѣренію. Далѣе говорится *„потомъ слѣдуетъ попытаться, на что главнымъ образомъ жалуется больной и такимъ образомъ отыскать группу больныхъ органовъ или же одинъ больной органъ“*. Это, по выраженію проф. Лямбля, прямо учить тому, что при настоящемъ состояніи медицины именно и не слѣдуетъ дѣлать потому, что физикальная діагностика должна опредѣлить существенное страданіе объективно, помимо субъективныхъ указаній больного. Такое требованіе составляетъ самую частую причину ошибокъ въ діагностикѣ. Выраженіе *„положеніе въ постели“* весьма неясно и можетъ поставить каждаго въ недоразумѣніе.

Далѣе стоитъ *„объективное изслѣдованіе“*. Какое же есть другое, спрашиваетъ проф. Лямбль, кромѣ объективнаго?

Затѣмъ проф. Лямбль переходитъ къ замѣткамъ о планѣ изслѣдованія отдѣльных системъ. Изъ нихъ приводятся здѣсь слѣдующія:

1) *Органы кровообращенія и мѣхорачное состоянiе* приводятся въ слѣдующемъ порядкѣ: пульсъ, температура, сердце, артерiи, вены. По мнѣнiю проф. Лямбля, естественнѣе было бы расположить ихъ такъ: сердце, артерiи, вены и затѣмъ температура, если только послѣдняя принадлежитъ къ системѣ кровообращенія; говоря объ изслѣдованiи пульса на различныхъ мѣстахъ, не упоминается вовсе объ изслѣдованiи брюшной аорты, точно оно вовсе не нужно. Въ этомъ же отдѣлѣ говорится о температурѣ кожи, потѣ и сухости ея, между тѣмъ какъ для общихъ покрововъ—имѣется въ этомъ планѣ особая рубрика (VII). При е) сердцѣ, говорится о „*способѣ распространенiя явленiй на различныя части сердца или большихъ сосудовъ*“. Это выраженiе, замѣчаетъ проф. Лямбль, слишкомъ глубоко-мысленно—непонятно. Въ d) *состоянiе артерiй*, вмѣсто признаковъ состоянiй, говорится—*ощупыванiе и выслушиванiе*, какъ будто послѣднiя дѣйствiя врача составляютъ состоянiе артерiй. е) *Развитiе венъ* не относится къ клиникѣ, это вопросъ эмбриолога и гистолога; о полнотѣ же ихъ и пустотѣ, движенiи крови въ нихъ или же застоѣ, не сказано ничего. Далѣе говорится *узлы и геморрой*—первое это удлиненiе и расширенiе венъ, что бываетъ и въ артерiяхъ, хотя при послѣднихъ объ этомъ не упоминается; выраженiе же геморрой столь неопредѣленно, что такiе термiны не должны входить въ клиническое обученiе.

2) *Органы дыханiя. Осмотръ груди, строенiе ея.* Какой осмотръ груди имѣется здѣсь въ виду—не сказано; если же съ цѣлью опредѣленiя строенiя грудной клѣтки, то неизвѣстно, требуется-ли указанiе формы, величины, симметрiи обѣихъ половинъ ея. Также неопредѣленно сказано «образъ дыханiя». Объ изслѣдованiи задней стороны грудной клѣтки, движенiяхъ гортани и дыхательнаго горла, о полости носа и движенiяхъ передней брюшной стѣнки не упоминается. Не сказано объ отношенiяхъ дыханiя къ выдыханiю, заключается же этотъ отдѣлъ словами: „*точное опредѣленiе состоянiя въ различныхъ частяхъ груди*“. Состоянiя чего? Такъ какъ эта фраза сама по себѣ не точно выражаетъ требуемое, то нельзя и ожидать точнаго отвѣта отъ студентовъ. О химическомъ изслѣдованiи мокроты въ планѣ не говорится ни слова. Къ субъективнымъ признакамъ причислены кашель, частота ея и качество.

3) *Нервная система.* Здѣсь все перепутано: „*состоянiе силъ*“ неизвѣстно какихъ; „*состоянiе головы*“, которая не есть часть нервной системы; потомъ „*тоска и прочiя ощущенiя*“, не сказано какiя. Между болѣзненными явленiями попался сонъ (физиологическое отправленiе), а о сонливости, безсонницѣ, сновидѣнiяхъ, галлюцинацiяхъ и иллюзiяхъ не

упоминается. Въ слѣдующемъ періодѣ этого отдѣла приводятся *„судороги, параличи одной половины тѣла и искривленіе позвоночника“*. Позвоночникъ вошелъ здѣсь въ составъ нервной системы, хотя кости имѣютъ особый отдѣлъ (IX). Послѣ позвоночника авторъ возвращается къ органамъ чувствъ, которыхъ у него три: *зрѣніе, слухъ и запахъ (?)*. Далѣе говорится *„боли или препятствія къ движенію въ отдаленныхъ нервныхъ областяхъ“*. Здѣсь смѣшиваются совершенно различныя явленія: боли — явленія въ чувствительныхъ нервахъ и препятствія къ движенію, которыя могутъ зависѣть и не отъ нерва, а отъ мускуловъ. О какомъ-нибудь методѣ изслѣдованія и не упоминается.

4) *Органы пищеваренія: „ротъ, десны, зубы, вкусъ, обзрѣніе“*. Здѣсь всякая всячина поставлена въ рядъ: полость, часть слизистой оболочки, ея физиологическая функція и дѣйствіе врача. Во всемъ дальнѣйшемъ вычисленіи о пищепріемникѣ не упоминается, а послѣ глотки производится: *жажда, аппетитъ, пищевареніе, боли въ сторонѣ желудка и проч.* Въ этомъ отдѣлѣ перемѣшаны нѣкоторые органы, нѣкоторые физиологическія и нѣкоторые патологическія явленія, хотя все безъ всякаго порядка и не полно; напр., объ отрыжкѣ, жогѣ, тошнотѣ, позывѣ на рвоту, икотѣ ничего не упоминается. Далѣе сказано: *„рвота и все сюда относящееся“*; неизвѣстно что это все, что требуется. *„Стулъ и микроскопическое изслѣдованіе его“*; значить послѣднее не нужно при рвотѣ, а химическаго никогда не нужно? Изслѣдованіе живота: здѣсь вычисляются его *„стороны: печени, селезенки, желудка и кишечнаго канала, брюшины, подвздошныхъ областей, подчревной области“*. Области живота при изслѣдованіи больного раздѣляются, какъ извѣстно изъ описательной анатоміи, по линіямъ, проведеннымъ на наружной поверхности тѣла, а не по предполагаемымъ въ немъ органамъ, такъ, напр., есть правое и лѣвое *подреберье* (hypochondrium, а не regio hepatica и regio splenica), въ которыхъ печень и селезенка могутъ имѣть перемѣщенія; кишечный же каналъ особой области вовсе не имѣетъ, а брюшина, покрывая всѣ внутренности живота, находится во всѣхъ сторонахъ, а особой стороны тоже не имѣетъ. Потомъ сказано: *„болѣзненные ощущенія и самостоятельныя (спонтаническія) боли въ брюшныхъ органахъ“*. Здѣсь опять произведены два тождественныя выраженія; другое было бы, если бы различались боли или схватки *самопроизвольныя* (а не самостоятельныя) отъ болей, происходящихъ при дотрогиваніи, оцупываніи, постукиваніи или надавливаніи); а потомъ локализанія боли должна быть прежде всего отнесена къ извѣстной области живота, а не къ органу, который можетъ не соответствовать этой области и тѣмъ ввести въ ошибку. Изслѣдованіе прямой кишки и ея окружности чрезъ-задній проходъ требуется по этому плану *при каж-*

дой болѣзни брюшныхъ органовъ вообще". Это было бы не только излишнее и негуманное терзаніе больныхъ, ни имѣющее ни цѣли, ни смысла во многихъ болѣзняхъ брюшныхъ органовъ, но къ тому же, будучи введено какъ правило въ клиникѣ, послужило бы къ ложному направленію для учащихся.

5) *Мочевые органы.* Въ нихъ опредѣляется моча „по реакціи, прочимъ физическимъ качествамъ и удѣльнымъ вѣсамъ". Такъ какъ реакція и удѣльный вѣсъ суть физическія качества мочи, то необъяснено, какія же прочія физическія качества между реакціей и удѣльнымъ вѣсомъ. Далѣе говорится: „содержитъ-ли мочи бѣлокъ, сахаръ, мочу, кровь, кристаллы и сроски конкременты". Это крайне неполное вычисленіе всего встрѣчающагося въ мочѣ въ нормальномъ и патологическомъ состояніи, подлежащее изслѣдованію въ клиникѣ. Потомъ требуется „изслѣдованіе стороны мочевого пузыря и почек". Это весьма недостаточно; о мочеточникахъ не упоминается, равно какъ о мочеиспускательномъ каналѣ. Далѣе говорится: «нѣтъ-ли зыбленія», гдѣ? неизвѣстно, а только упоминается о боли въ приступахъ или мучо и постоянно". Такъ какъ всякій больной на боль самъ жалуется, то боль въ планѣ объективнаго изслѣдованія будетъ несравненно менѣе важна, чѣмъ вниманіе на извѣстныя даже древнимъ практикамъ отклоненія и припадки мочеиспусканія, какъ-то: stranguaria, ischuria, dysuria, anuria enuresis.

6) *Половые органы.* У мужчинъ прежде всего приводится „способность къ совокупленію". Развѣ это предметъ клиническаго наблюденія? Объ этомъ можетъ быть рѣчь только въ анамнезѣ. Замѣчательно, что въ проектѣ этомъ ни слова не упоминается ни объ одной болѣзни половыхъ органовъ, кромѣ объ „истеченіи сѣмени"; значить трипперъ, шанкръ, стриктуры, болѣзни предстательной железы, сѣменныхъ пузырьковъ, сѣменныхъ канатиковъ и мошонки; все это въ нашей клиникѣ не берется во вниманіе при распознаваніи и лѣченіи.

7) *Внѣшніе покровы.* Здѣсь тоже слѣдуетъ сказать, что лучше было бы привести или всѣ требованія въ какой-нибудь системѣ, или вовсе ничего, потому что при поверхностномъ вычисленіи нѣсколькихъ терминовъ безъ всякаго порядка прибавлены „и т. д." не говоритъ ничего опредѣленнаго. Нельзя однако же не замѣтить того, что въ этомъ планѣ о волосахъ и ногтяхъ вовсе не упоминается, какъ будто и различные паразиты на нихъ въ клиникѣ совсѣмъ не попадаютъ.

Въ отдѣлѣ 8-мъ *лимфатическія железы* тоже содержится не полное вычисленіе требуемаго.

9) *Кости и суставы.* Здѣсь набросано нѣсколько терминовъ и неточныхъ выраженій, изъ которыхъ три (*напуханіе, опухоль и утолщеніе*)

могутъ обозначать одно и то же. Все это безъ всякаго порядка, такъ что при такомъ условіи методическаго изслѣдованія гг. студенты скорѣе собьются съ надлежащаго пути и разучатся тому, что пріобрѣли съ трудомъ у другихъ преподавателей. О родникахъ у дѣтей, о мягкости, искривленіяхъ костей, о сращеніяхъ суставовъ, о ложныхъ суставахъ ничего не сказано.

10) *Изслѣдованіе мышечной системы.* За исключеніемъ „объема“, все остальное здѣсь приводимое—подергиваніе, отношеніе къ электричеству, рефлексы, координація, сила съ болѣшимъ основаніемъ, говоритъ проф. Лямбль, слѣдуетъ причислить къ нервной системѣ.

11) *Изслѣдованіе крови* не можетъ быть сдѣлано у каждаго больнаго, а потому едва ли соответствуетъ назначенію общаго плана; далѣе, почему требуется одно только микроскопическое изслѣдованіе крови?

Въ заключеніе проф. Лямбль говоритъ: «предлагая факультету эти наскоро наброшенные замѣтки, я увѣренъ, что каждый дѣльный клиницистъ еще найдетъ многое въ этомъ планѣ, и быть можетъ болѣе важные пробѣлы и недостатки, ведущіе къ ложному направленію учащихся медицинѣ. О напечатаніи на университетскія средства предлагаемаго здѣсь общаго плана, полагаю и рѣчи быть не можетъ. Можно только поблагодарить клинициста за откровенность, съ которою онъ, наконецъ, по истеченіи болѣе чѣмъ одного года, по собственному побужденію, подаль факультету полную возможность сообразить, какая у него при клиническихъ занятіяхъ врачебная опытность, какая научная точность, какой методъ, какой духъ и направленіе».

Вмѣстѣ съ отношеніемъ Совѣта отъ 24 октября переданъ былъ коммисіи и рапортъ проф. Маровскаго, поданный имъ Совѣту 10 октября 1867 года. Разсмотрѣвъ этотъ рапортъ, коммиссія полагаетъ нужнымъ сдѣлать о немъ нѣкоторые замѣчанія.

Въ самомъ началѣ своего рапорта проф. Маровскій обвиняетъ проф. Лямбля въ искаженіи истины на томъ основаніи, что послѣдній заявилъ въ концѣ своего рапорта отъ 2 октября, что проф. Маровскій избранъ профессоромъ клиники Харьковскаго университета по рекомендаціи. «Каждый знаетъ», говоритъ проф. Маровскій, «что я поступилъ на это мѣсто по конкурсу». Члены коммиссіи считаютъ нужнымъ замѣтить, что въ рапортѣ проф. Лямбля не утверждается, чтобы проф. Маровскій былъ избранъ не по конкурсу, а только замѣчено, что это избраніе состоялось «не на основаніи объективныхъ данныхъ, а по рекомендаціи». При избраніи преподавателя объективными данными могутъ быть признаны лишь мнѣнія специалистовъ, какъ о трудахъ избираемаго лица, такъ и о немъ самомъ, какъ о кандидатѣ на извѣстное преподавательское мѣсто. Такихъ *объективныхъ* данныхъ при избраніи проф. Маровскаго дѣйствительно не

существовало, какъ можно видѣть изъ донесенія медицинскаго факультета Совѣту отъ 5 октября 1865 года № 118 и результата факультетской баллотировки (протоколы засѣданій Совѣта 1865 г. № 8).

Проф. Маровскій говоритъ далѣе по поводу заявленія проф. Лямбля, что въ прошломъ году не писались у больныхъ названія болѣзней на табличкахъ, что «вслѣдствіе упущенія моихъ ординаторовъ, названія болѣзни не были отмѣчены на дощечкахъ у двухъ или трехъ больныхъ». Это заявленіе проф. Маровскаго противорѣчитъ результатамъ, добытымъ слѣдственною коммиссіею, назначенною Совѣтомъ по предложенію г. попечителя округа. Изъ донесенія этой коммиссіи видно, что надписей не было не у двухъ или трехъ больныхъ, а что онѣ въ первомъ полугодіи, примѣрно до Рождества, какъ показывали студенты, вовсе не выставлялись. Изъ фельдшерской книги совѣтская коммиссія также убѣдилась, что до 19 марта 1867 года у весьма многихъ больныхъ не было выставлено названій болѣзней, которыя, при визитаціи этого числа, были продиктованы проф. Маровскимъ, что и совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, когда въ факультетѣ было замѣчено ему о необходимости выставлять названія болѣзней на табличкахъ. Проф. Маровскій указываетъ на примѣръ Шкоды въ Вѣнѣ, который, будто бы *по принципу*, не выставляетъ на табличкахъ названій болѣзней, но этотъ примѣръ едва ли идетъ къ дѣлу. Шкода профессоръ Вѣнской клиники, гдѣ могутъ существовать особыя правила; г. Маровскій—профессоръ Харьковской клиники, гдѣ соответственно общимъ правиламъ для больницъ и госпиталей, факультетомъ считается необходимымъ выставленіе названій болѣзней на табличкахъ. Проф. Маровскій старается, правда, доказать, что это не имѣетъ въ клиникѣ никакого смысла, но если бы онъ и былъ такого убѣжденія, то это все-таки не давало бы ему права произвольно и безъ согласія факультета измѣнять принятый въ клиникахъ порядокъ.

Относительно прекращенія дароваго отпуска лѣкарствъ бѣднымъ больнымъ, установленнаго § 31 клиническаго положенія, проф. Маровскій объясняетъ, что онъ «немедленно вошелъ въ сношеніе съ городекою лѣчебницею, которая охотно согласилась отпускать лѣкарства бѣднымъ больнымъ, приходящимъ въ клинику за «совѣтомъ». Въ такомъ сношеніи проф. Маровскаго съ лѣчебницею не было, впрочемъ, надобности, такъ какъ она, по своему уставу, отпускаетъ лѣкарства даромъ всѣмъ бѣднымъ больнымъ, да это и не служить ему извиненіемъ, такъ какъ онъ ни въ какомъ случаѣ не имѣлъ права произвольно отмѣнять правило, установленное факультетомъ и утвержденное Совѣтомъ университета и г. попечителемъ.

Обращаясь, далѣе, къ извѣстному случаю разногласія, возникшему между нимъ и проф. Лямблемъ, по поводу опредѣленія болѣзненнаго измѣ-

ненія печени въ трупѣ больного Хр. Лебедева, проф. Маровскій, придерживаясь своего прежняго мнѣнія о цирротическомъ пораженіи этой печени, утверждаетъ, что онъ доказалъ незнакомство проф. Лямбля съ трудами Фрерихса и Либермейстера. Онъ основывается на томъ, что будто бы проф. Лямбль заявилъ, что циррозъ печени встрѣчается у пьяницъ только рѣдко, между тѣмъ какъ по Фрерихсу онъ бываетъ у нихъ очень часто. Свѣряя то, что сказано о причинахъ цирроза проф. Лямбль въ своемъ рапортѣ отъ 1 октября, коммиссія никакъ не можетъ согласиться съ мнѣніемъ проф. Маровскаго о незнакомствѣ проф. Лямбля съ трудомъ Фрерихса. Высказанное проф. Лямблемъ въ своемъ рапортѣ совершенно сходно съ тѣмъ, что говоритъ о причинахъ цирроза Фрерихсъ (стр. 32—35), за исключеніемъ того, что проф. Лямбль, основываясь на томъ, что только въ $\frac{1}{3}$ случаевъ цирроза достовѣрно было доказано, что больные были пьяницы, а также на томъ, что эта болѣзнь встрѣчается при такихъ условіяхъ, гдѣ о злоупотребленіи спиртныхъ напитковъ не можетъ быть и рѣчи (у новорожденныхъ дѣтей, у собакъ, обезьянъ), позволяетъ себѣ сомнѣваться, существуетъ-ли дѣйствительно причинная связь между этой болѣзью и алкоголемъ.

Далѣе проф. Маровскій говоритъ, что проф. Лямбль утверждалъ, что при болѣзняхъ сердца, въ случаѣ развитія мускатной печени, вокругъ центральныхъ венъ развивается соединительная ткань; по словамъ проф. Маровскаго, онъ доказалъ, что при мускатной печени соединительная ткань вокругъ центральныхъ венъ *никогда* не развивается, и если развивается, то въ окружности печеночныхъ долекъ, въ области развѣтвленія воротной вены, при чемъ онъ сослался на новѣйшія изслѣдованія Либермейстера. Для разъясненія этого вопроса коммиссія обращаетъ вниманіе членовъ факультета на слѣдующее: до послѣдняго времени патолого-анатомы единогласно принимали, что при такъ называемой атрофической мускатной печени новообразование соединительной ткани, ретракція которой обуславливаетъ уменьшеніе, объемъ печени и развитіе неровностей на ея поверхности, происходитъ въ центрахъ долекъ, вокругъ центральныхъ венъ. Мнѣніе это было высказано, сколько извѣстно членамъ коммиссіи, въ первый разъ Вирховымъ и затѣмъ принято всѣми главнѣйшими представителями патологической анатоміи: Рокитанскимъ, Фрерихсомъ, Ферстеромъ. Основываясь на своихъ изслѣдованіяхъ, Либермейстеръ противорѣчитъ этому общепринятому мнѣнію и полагаетъ, что мѣсто первичнаго новообразования соединительной ткани находится въ окружности вѣтвей воротной вены. Изъ этого изложенія факультетъ можетъ убѣдиться, что проф. Маровскій ничего *не доказалъ*, а только указалъ на *одного* изслѣдователя, мнѣніе котораго не согласно съ тѣмъ, которое принято главнѣйшими представителями

современной науки. При этомъ случаѣ комиссія считаетъ не бесполезнымъ замѣтить, что руководство Рокитанскаго, выпеднаго, по словамъ проф. Маровскаго, въ свѣтъ въ 30-тыхъ годахъ текущаго столѣтія, вовсе не существуетъ, такъ какъ первый выпускъ перваго изданія этого сочиненія явился въ 1840 году, окончено же оно въ 1846 году.

Такъ какъ вопросъ о свойствахъ болѣзненнаго измѣненія печени у Хр. Лебедева уже не разъ выходилъ на сцену и въ факультетѣ и даже въ Совѣтѣ, то комиссія сочла полезнымъ подвергнуть его разбору, а вмѣстѣ осмотрѣть препаратъ, хранящійся въ патолого-анатомическомъ музеѣ. Изъ выпшесказаннаго относительно болѣзни Хр. Лебедева видно, что проф. Маровскій и послѣ вскрытія продолжалъ думать, что печень была цирротическая; онъ даже говоритъ (въ замѣткѣ, представленной Совѣту 2 мая), что это измѣненіе было такъ явно, что онъ могъ его опредѣлить издали и не дотрогиваясь до печени руками. Изъ этого необходимо слѣдуетъ, что циррозъ былъ въ весьма сильной степени развитія, при которой наружный видъ печени очень характеренъ. Справляясь однако съ описаніемъ печени въ протоколѣ вскрытія, продиктованномъ проф. Лямблемъ въ присутствіи г. Маровскаго и студентовъ и подлежащемъ поэтому сомнѣнію, члены комиссіи не нашли въ немъ ничего, что бы говорило въ пользу мнѣнія проф. Маровскаго. Это мнѣніе комиссіи еще болѣе утвердилось при осмотрѣ самого препарата; послѣдній сохраняется въ спиртѣ и состоитъ изъ одного довольно большаго и нѣсколькихъ малыхъ кусковъ печени. Серозная поверхность печени, какъ на большомъ, такъ и на одномъ изъ малыхъ кусковъ, представляется гладкою, ровною и блестящею; на ней нѣтъ никакихъ слѣдовъ ни бороздъ, ни рубцевыхъ втягиваній, ни зернистаго вида; замѣчается только на одномъ мѣстѣ большаго куска родъ фиброзной тесемки, ограничивающей, впрочемъ, одной брюшинной оболочкой и незаходящей въ глубь; это безъ сомнѣнія остатки одного изъ тѣхъ приращеній, о которыхъ упоминается въ протоколѣ вскрытія. Разрѣзъ вещества печени ровный, гладкій; цвѣтъ однообразный, свѣтложелтый; печень наощупь довольно мягкая, тѣстоватая. При микроскопическомъ изслѣдованіи печеночныя клѣточки оказались наполненными жиромъ, въ видѣ болѣе или менѣе крупныхъ капелекъ на всемъ пространствѣ дольки, такъ что въ этомъ отношеніи нельзя было замѣтить никакой разницы между наружнымъ, среднимъ и внутреннимъ поясами дольки. Особенно значительнаго увеличенія соединительной ткани вокругъ печеночныхъ долекъ членами комиссіи незамѣчено. На основаніи этого изслѣдованія, имѣя въ виду гладкую и ровную серозную поверхность, ровный и однообразный съ виду разрѣзъ, незначительную консистенцію и данныя микроскопическаго изслѣдованія, члены комиссіи пришли къ

убѣжденію, что изслѣдованная печень ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названа цирротическою.

Въ концѣ своего рапорта проф. Маровскій упоминаетъ о томъ, что въ частномъ засѣданіи Совѣта 2 октября, большинство членовъ медицинскаго факультета несправедливо заявило Совѣту, что факультетъ не поручалъ ему составленія проекта о дополненіи § 83 положенія о клиникахъ. Факультету очень хорошо извѣстно это дѣло; ему извѣстно, что подобнаго порученія проф. Маровскому никогда дѣлаемо не было. Дѣло было такъ, что когда проф. Маровскій высказалъ въ факультетскомъ засѣданіи, что по его мнѣнію § 83 недостаточно полонъ и опредѣлительнъ, то бывший деканъ и нѣкоторые другіе члены факультета предложили проф. Маровскому изложить свои предположенія о дополненіи этого §-а письменно, съ тѣмъ, чтобы они могли быть подвергнуты разсмотрѣнію факультета. Между подобнымъ *предложеніемъ* отдѣльных членовъ и формальнымъ *порученіемъ* факультета существуетъ не малая разница. Что же касается до ссылки проф. Маровскаго на проф. Грубе, то послѣдній заявилъ, что онъ никогда не утверждалъ, что факультетомъ было *поручено* г. Маровскому составленіе проекта дополненій § 83 положеній и не представлялъ ему права ссылаться на его слова для доказательства неправильнаго показанія объ этомъ предметѣ большинства членовъ медицинскаго факультета.

По выслушаніи сего, относительно заявленія проф. Лямбля, подкрѣпленнаго коммиссіею медицинскаго факультета о томъ, будто проф. Маровскій получилъ занимаемую имъ каѳедру не по конкурсу, а по рекомендаціи, І. Ректоръ объяснилъ: по справкѣ въ протоколахъ Совѣта оказывается: въ 1865 году на конкурсъ, объявленный для замѣщенія каѳедры терапевтической клиники въ Харьковскомъ университетѣ, явились два конкурента: приватъ-доцентъ университета Св. Владиміра докторъ Маровскій и доцентъ Казанскаго университета докторъ Симоновъ. Медицинскій факультетъ въ представленіи своемъ о результатѣ этого конкурса донесъ: «Совѣту университета извѣстно, что уже 4 года старанія факультета замѣстить вакантную каѳедру терапевтической клиники остаются безуспѣшными; изъ 8 кандидатовъ, явившихся на эту каѳедру, только одинъ—иностранецъ былъ удостоенъ избранія въ Совѣтѣ университета, но и онъ, какъ извѣстно, вскорѣ отказался. Не входя въ разборъ причинъ такого печальнаго для факультета явленія, нельзя однако не замѣтить, что оно указываетъ на недостатокъ между русскими учеными, могущими явиться на конкурсъ, вполне готовыхъ клиницистовъ, способныхъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ. Поэтому, не имѣя въ виду лица, которое бы можно было назвать вполне приготовленнымъ клиницистомъ, факультетъ поставленъ въ необходимость избрать преподавателя по терапевтической

клиникъ изъ лицъ, представляющихъ только извѣстные данныя на то, что изъ нихъ можетъ со временемъ образоваться дѣльный клиническій преподаватель. Въ этомъ отношеніи факультетъ полагаетъ три главныхъ условія, которымъ должны удовлетворять конкуренты: 1) многолѣтнія клиническія занятія въ больницахъ или клиникахъ; 2) знакомство съ современнымъ состояніемъ медицины вообще, особенно же патологіи и діагностики; 3) способность къ преподаванію. Если съ этихъ трехъ пунктовъ обсудить достоинство явившихся нынѣ кандидатовъ, гг. Маровскаго и Симонова, то какъ тотъ, такъ и другой имѣютъ права быть рекомендованными для занятія искомой каѳедры. Оба конкурента представили факультету сочиненія, относящіяся къ предметамъ клинической медицины и которыя найдены факультетомъ заслуживающими вниманія.

Въ подкрѣпленіе этого факультетъ представилъ отзывы о сочиненіяхъ обоихъ конкурентовъ, сдѣланныя профессорами Демонси, Грубе, Лазаревичемъ, Зарубинимъ, Станкевичемъ и Хржонщевскимъ. Относительно пробныхъ лекцій г. Маровскаго (г. Симоновъ пробныхъ лекцій въ Харьковскомъ университетѣ не читалъ) факультетъ отозвался слѣдующимъ образомъ: эти лекціи могутъ быть названы удовлетворительными въ томъ смыслѣ, что онѣ показываютъ умѣнье г. Маровскаго владѣть русскимъ языкомъ и отчетливо передавать свои мысли, если-же смотрѣть на нихъ, какъ на клиническія лекціи, то онѣ представляютъ многіе недостатки, состоящіе главнымъ образомъ въ томъ, что г. Маровскій, увлекшись разборомъ нѣкоторыхъ припадковъ болѣзни, не обратилъ должнаго вниманія на разборъ другихъ, быть можетъ даже болѣе важныхъ. По произведенной въ факультетѣ баллотировкѣ ни одинъ изъ конкурентовъ не былъ избранъ по причинѣ послѣдовавшаго раздѣленія голосовъ тотъ и другой получили по 4 избирательныхъ и по 4 неизбирательныхъ балла.

Данныя, которыя приняты были Совѣтомъ въ основаніе при избраніи проф. Маровскаго на каѳедру терапевтической клиники заключались: 1) въ рекомендаціи его со стороны факультета для замѣщенія упомянутой каѳедры, какъ удовлетворяющаго тѣмъ требованіямъ, которыя были поставлены факультетомъ; 2) въ признаніи факультетомъ сочиненій г. Маровскаго заслуживающими вниманія на основаніи отзывовъ о нихъ профессоровъ Демонси, Грубе, Зарубина, Станкевича и Хржонщевскаго, изъ которыхъ только отзывъ послѣдняго о микроскопическихъ работахъ конкурента былъ для него неблагопріятенъ; 3) въ признаніи факультетомъ пробныхъ лекцій г. Маровскаго удовлетворительными, правда не вполне, а съ указаніемъ на замѣченные недостатки, но это указаніе сдѣлано было въ выраженіяхъ столь неопредѣленныхъ, что не могло имѣть вліянія на результатъ баллотировки въ Совѣтѣ. Затѣмъ никакой другой рекомендаціи

г. Маровскаго, какъ кандидата на кафедру терапевтической клиники, Совѣту заявлено не было.

При этомъ также былъ доложенъ вновь поданный проф. Маровскимъ рапортъ (24 ноября):

Профессоръ Лямбль въ рапортѣ своемъ отъ 1 октября предложилъ Совѣту вопросъ, признаетъ ли Совѣтъ во мнѣ тѣ критеріи хорошаго клинициста и преподавателя, отъ которыхъ можно ожидать пользу для больныхъ и для студентовъ? Совѣтъ обратился за рѣшеніемъ этого вопроса къ факультету, хотя напередъ можно было узнать въ какую сторону склонится рѣшеніе послѣдняго.

Факультетъ, желая глубже вникнуть въ самую суть вопроса и быть сколь можно *безпристрастнымъ*, назначилъ комиссію изъ трехъ членовъ, проф. Щелкова и гг. Зарубина и Питры. Послѣдніе два, какъ извѣстно изъ рапортовъ, принимали, вмѣстѣ съ г. Лямблемъ, энергическое участіе въ дѣлѣ противъ меня, начатомъ по поводу самаго невиннаго рапорта моего, которымъ я желалъ правильнѣе и выгоднѣе для студентовъ устроить отношеніе клиники къ патологической анатоміи. Какъ упорно факультетъ желалъ избрать Питру судьей моей компетентности, можно видѣть изъ того, что при выборѣ членовъ комиссіи закрытою подачею голосовъ, проф. Питра, наравнѣ съ г. Хржонцевскимъ, трижды получилъ одинаковое количество голосовъ и только жребій доставилъ ему это удовольствіе. Составленная такимъ образомъ комиссія собрала данныя, на которыя факультетъ могъ бы опереться при рѣшеніи вышеупомянутаго вопроса. Эти данныя подводятся подъ слѣдующія категоріи:

1) Рапортъ проф. Лямбля, на всемъ протяженіи котораго я фигурирую, какъ лицемѣръ, паче Тартюфа, какъ обманщикъ и т. д., словомъ росписанъ въ выраженіяхъ, еще не раздававшихся въ стѣнахъ Совѣта. Рапортъ этотъ извѣстенъ Совѣту.

2) Рапортъ того-же г. Лямбля, доставленный имъ въ отвѣтъ на запросъ комиссіи, такого-же содержанія. Къ прежнему прибавлено только, что я могу превратить клинику въ доходное мѣсто и кромѣ того въ рапортѣ помѣщенъ разборъ, предложенной мною, программы для изслѣдованія больныхъ и составленій исторій болѣзни. Программу эту я почти буквально перевелъ изъ сочиненія (руков. къ общ. патологіи и терапіи) д-ра Леберта, знаменитаго ученаго и проф. клиники въ Бреславлѣ, но изъ нея г. Лямбль выводитъ новыя доказательства моей некомпетентности.

3) Девять исторій болѣзней, изъ которыхъ якобы-то видно, что въ шести изъ нихъ діагностика при жизни далеко не соответствовала найденнымъ послѣ смерти измѣненіямъ и, наконецъ,

4) что исторіи болѣзни ведены студентами не совсѣмъ удовлетворительно.

И на основаніи этихъ-то данныхъ факультетъ рѣшилъ, что я *не имѣю* критерій хорошаго клинициста и преподавателя, отъ котораго можно ожидать пользу для больныхъ и для студентовъ. Такъ какъ факультетъ такимъ рѣшеніемъ заклеилъ мою дѣятельность въ настоящемъ и будущемъ, то я осмѣливаюсь представить Совѣту на обсужденіе слѣдующее:

Никто и никогда не обвинялъ еще клинициста, если измѣненія, найденныя послѣ смерти, не согласовались съ діагностикой при жизни. Если я и дѣлалъ ошибки, то эти ошибки заключены въ предѣлахъ ошибокъ каждаго врача; безъ сомнѣнія люди съ большею опытностью, можетъ быть, отчасти избѣжали-бы ихъ. Полное же совпаденіе клиническихъ и патолого-анатомическихъ диагнозовъ не возможно и это сознаетъ самъ г. Лямбль въ первомъ рапортѣ своемъ, поданномъ въ медицинскій факультетъ. Врачу только рѣдко удается сдѣлать *достоверный діагнозъ*, по большей части онъ болѣе или менѣе «вѣроятенъ», иногда только «возможенъ». Но какова-бы ни была степень точности патологическаго діагноза, врачъ всегда долженъ уметь поставить хорошій «терапевтическій діагнозъ», на основаніи котораго назначается больному леченіе и вообще все гигиеническое содержаніе. Пусть мнѣ докажутъ, что я ошибочно лечилъ больныхъ и что смерть ихъ или болѣе продолжительная болѣзнь зависѣла отъ неправильнаго распознаванія. Проф. Лямблю слѣдовало отнестись къ дѣлу съ меньшею строгостью. Онъ очень хорошо знаетъ, какъ трудно опредѣлить измѣненія органовъ глубоко лежащихъ, недоступныхъ изслѣдованію, если ему удавалось въ такихъ органахъ, какъ напр. въ маткѣ, пальцемъ находить разныя патологическія измѣненія и нарисовать ихъ скорбящему мужу въ то время, какъ это была простая беременность. Проф. Лямбль въ этомъ несчастномъ случаѣ, послужившемъ поводомъ къ скандалу въ мединскихъ газетахъ, не только не сдѣлалъ правильнаго патологическаго распознаванія, но и терапевтическій діагнозъ его повелъ къ самымъ плачевнымъ послѣдствіямъ. Отъ частаго введенія маточнаго зонда, съ цѣлью исправить найденное будто бы неправильное положеніе матки, произошелъ выкидышъ и поставилъ больную на край гроба.

Прежде чѣмъ приступить къ сопоставленію клиническихъ диагнозовъ съ патолого-анатомическими, комиссія слѣдовало бы рѣшить вопросъ, всегда-ли патолого-анатомическіе диагнозы проф. Лямбля были правильны. Комиссія знала, что я гораздо раньше вопроса, предложеннаго г. Лямблемъ о моей некомпетентности, жаловался на то, что проф. Лямбль, желая вредить мнѣ, дѣлаетъ неправильные патолого-анатомическіе диагнозы.

Основываясь на тѣхъ-же исторіяхъ болѣзни, которыя выставлены проф. Лямблемъ, какъ доказательства противъ меня, мнѣ легко было-бы доказать это. Но медицинскій факультетъ не желаетъ такихъ доказательствъ, за то тщательно собираетъ все, что, по его мнѣнію, можетъ служить свидѣтельствомъ противъ меня и вмѣняетъ мнѣ въ преступленіе такія вещи, которыя совершены другими, напр. то, что студентъ помѣстилъ въ протоколъ, составленномъ г. Лямблемъ, противорѣчація ему изслѣдованія г. Хржонцевскаго. Коммиссія не должна была руководствоваться даже такими сомнительными и спорными данными, каковы вышеупомянутыя исторіи болѣзни, напротивъ того, она при разсмотрѣніи ихъ сдѣлала нѣсколько непростительныхъ ошибокъ, на которыя я указалъ ей въ засѣданіи 18-го ноября, но коммиссія и факультетъ не заблагоразсудили исправить своей ошибки.

Приступая къ изслѣдованію печени, представленной проф. Лямблемъ, коммиссіи слѣдовало бы спросить меня, признаю-ли я ея тождественность съ прежнею цирротическою печенью пьяницы и тогда только приступить къ выводамъ. Безъ этого вся работа коммиссіи не имѣетъ доказательной силы, тѣмъ болѣе, что описаніе печени, сдѣланное коммиссіей, не совпадаетъ съ описаніемъ ея въ протоколъ вскрытія.

2) Что касается исторій болѣзней, составленныхъ, по мнѣнію коммиссіи, неудовлетворительно, то на нихъ должно смотрѣть, какъ на школьныя упражненія. Рѣдкій окончившій курсъ врачъ сѣмѣетъ составить вполне удовлетворительную исторію болѣзни, а тѣмъ менѣе можно этого требовать отъ студентовъ 4 и 5 курсовъ. Чтобы подумали члены Совѣта о тѣхъ господахъ, которые захотѣли-бы по кандидатскимъ диссертациямъ учениковъ, судить о компетентности профессора, хотя между кандидатскими диссертациями и исторіями болѣзней нельзя протянуть даже параллели? я, дѣйствительно, не заставлялъ студентовъ читать исторій у постели больного, потому что старался съ гораздо большей пользою для нихъ употребить скудное время, опредѣленное для клиническихъ лекцій. И въ какой-же порядочной клиникѣ занимаются теперь чтеніемъ исторій болѣзни? Въ тѣхъ клиникахъ, которыя мнѣ удалось посѣтить, я этого не видѣлъ, не думаю, чтобы даже въ Австріи существовалъ въ настоящее время этотъ обычай. Конечно, профессоръ въ клиникѣ у котораго лежитъ всего 5 или 6 больныхъ отъ нечего дѣлать, можетъ забавляться исторіями; но я изъ опыта знаю, что въ длинныхъ исторіяхъ такого профессора проку мало; все написанное въ нихъ выдуманно или выписано изъ книги. Въ Берлинѣ, въ обѣихъ знаменитыхъ клиникахъ—Траубе и Фрерихса—студенты вовсе не пишутъ исторій болѣзни; ихъ ведутъ ординаторы. Я требовалъ отъ студентовъ, чтобы исторіи были

кратки, сжаты и содержали все, что нужно для пониманія даннаго болѣзненнаго процесса.

Обязанности клинициста состоятъ въ томъ, чтобы онъ научилъ студентовъ дѣлать клиническія наблюденія, понимать сущность болѣзненнаго процесса у всѣхъ больныхъ находившихся и находящихся въ клиникѣ и умѣть приложить общіе принципы патологіи, діагностики и терапіи къ каждому конкретному случаю, не только въ клиникѣ, но и въ ихъ будущей практикѣ. Если клиницистъ не умѣетъ выполнить этихъ обязанностей, то его слѣдуетъ считать не компетентнымъ. Комиссія слѣдовало-бы посѣтить неоднократно мои клиническія лекціи, убѣдиться въ знаніяхъ моихъ слушателей, ознакомиться съ моимъ способомъ преподаванія и на основаніи этихъ данныхъ приступить къ сужденію, а не основываться на исторіяхъ болѣзни. Но если-бы комиссія и факультетъ задали себѣ трудъ критически разобрать тѣ исторіи, которыя приведены проф. Лямблемъ въ доводъ моей некомпетентности, и въ которыхъ клиническій діагнозъ расходится съ патолого-анатомическимъ, то и тогда-бы они пришли къ иному заключенію. Комиссія и факультетъ не только не приложили къ дѣлу строгой критики, но даже не дали мнѣ возможности взять на домъ необходимыхъ для этого документовъ. Надѣюсь, что Совѣтъ университета будетъ справедливѣе и дастъ мнѣ возможность воспользоваться необходимыми документами для составленія оправдательной записки, не для того впрочемъ, чтобы Совѣтъ руководствовался при своемъ сужденіи обо мнѣ, или передалъ ее для разсмотрѣнія въ медицинскомъ факультетѣ, гдѣ для меня нѣтъ оправданія, хотя-бы истина была такъ очевидна, какъ $2 \times 2 = 4$, а для того, чтобы иные медицинскіе факультеты, или эксперты, если г. Министръ Народнаго Просвѣщенія найдетъ нужнымъ передать мое дѣло на ихъ разсмотрѣніе, могли судить легче и правильнѣе.

Въ заключеніе я считаю необходимымъ замѣтить, что если что нибудь подрываетъ значеніе университета въ обществѣ, подкапываетъ его автономію, то это подобныя явленія одного изъ членовъ его, руководимаго оскорбленнымъ самолюбіемъ или соображеніями совершенно посторонними наукѣ. Всегда найдутся искатели приключеній, поддерживаемые небольшою партією, могущіе взвести обвиненія на самыхъ честныхъ и благородныхъ дѣятелей. Положимъ, что лице, подвергшееся нападенію, будетъ оправдано,—это для него лучший исходъ, но подкопъ дѣлаетъ свое, разрушаетъ покой и здоровье и въ жизнь его вводится мрачный элементъ. вмѣстѣ съ тѣмъ подрывается уваженіе общества къ университету. Относительно такихъ людей можно сказать: *Videant consules ne quid detrimenti capiat Universitas.*

По выслушаніи этого рапорта проф. Питра 1-й заявилъ слѣдующее: Противъ новыхъ нападокъ г. Маровскаго, выраженныхъ въ настоящемъ его рапортѣ отъ 24 ноября, я имѣю честь объяснить Совѣту, что назначеніе факультетомъ по его дѣлу комиссіи было согласно также желанію Маровскаго и при выборѣ лицъ для этой комиссіи онъ тоже подавалъ свой голосъ; но когда выборъ палъ одинаково на меня и проф. Хржонцевскаго, то я первый отказывался и просилъ освободить меня отъ этого, дабы избѣгнуть дальнѣйшихъ нареканій г. Маровскаго. Въ свою очередь проф. Хржонцевскій тоже просилъ избавить его отъ такого порученія; поэтому ясно, что мнѣ разборъ дѣла г. Маровскаго далеко не могъ доставить удовольствія. При этомъ полагаю, что для него было бы совершенно одинаково, кто бы ни былъ изъ насъ выбранъ въ члены этой комиссіи, такъ какъ проф. Хржонцевскій находился въ той же необходимости письменно возражать противъ него; самое же рѣшеніе по жребію доказываетъ какъ безпристрастіе факультета, такъ и обоюдное наше нежеланіе участвовать въ этой комиссіи.

Далѣе, оставаясь недовольнымъ трудами комиссіи, г. Маровскій говорить, что на основаніи только представленныхъ ею въ докладъ своемъ данныхъ факультетъ, постановилъ свое рѣшеніе; тогда какъ изъ донесенія факультета видно, что члены факультета, при подачѣ голосовъ, руководствовались ни однимъ только докладомъ комиссіи, но и другими обстоятельствами, извѣстными имъ всѣмъ. Не могу также не возражать противъ показанія, сдѣланнаго г. Маровскимъ на проф. Лямбля, такъ какъ послѣдняго сегодня нѣтъ въ Совѣтѣ. Въ Медицинскомъ Вѣстникѣ за 1865 годъ въ № 17 подъ заглавіемъ «Акушерская ошибка» было напечатано не точное и не правдивое описаніе одного случая изъ частной практики курскаго врача, давшее тѣмъ будто-бы ошибки, сдѣланной проф. Лямблемъ; но въ той же газетѣ въ № 22 опровергнуто вполне это обвиненіе и редакция газеты сама выражаетъ сожалѣніе, что «она была введена въ заблужденіе касательно происхожденія факта, самую сущность его»; медицинской публикѣ извѣстенъ какъ № 17 такъ и № 22 этой газеты. Каждый правдивый человѣкъ, полагаю, не долженъ останавливаться на одномъ обвинительномъ № газеты, скрывая въ то же время другой номеръ, опровергающій предыдущую статью, оправдывать себя въ официальной бумагѣ нареканіемъ на другихъ лицъ и повтореніемъ подобныхъ журнальныхъ утокъ, неимѣющихъ никакой связи и отношенія къ настоящему дѣлу.

Потомъ г. Маровскій обвиняетъ комиссію въ томъ, что она основывалась на документахъ, представленныхъ ей проф. Лямблемъ и имъ. г. Маровскимъ, при чемъ онъ возводитъ на проф. Лямбля обвиненіе въ

дѣланіи будто-бы фальшивыхъ патолого-анатомическихъ діагнозовъ. Однако при вскрытіяхъ ни одного разу не было заявлено г. Маровскимъ подобнаго протеста, да и проф. Лямбль находится въ невозможности диктовать не то, что открывается при вскрытіи трупа, потому, что у него присутствуютъ при этомъ студенты послѣднихъ двухъ курсовъ, прозекторы, помощники и посторонніе практическіе врачи, такъ равно и мною обыкновенно бывають осматриваемы препараты тотчасъ послѣ вскрытія, такъ какъ занятія мои совпадаютъ по времени и мѣсту съ занятіями проф. Лямбля.

Что же касается до представленныхъ комиссіи г. Маровскимъ исторій болѣзней, правильнѣе говоря, скорбныхъ листовъ, то, послѣ сдѣланнаго г. Маровскимъ въ Совѣтъ словеснаго заявленія, что онъ ручается за достовѣрность ихъ, что эти, имъ такъ называемыя, исторіи болѣзней прочитываются ему постоянно студентами при постели больного, почему онъ ихъ впослѣдствіи и не читалъ болѣе, а поручалъ ординаторамъ, комиссія не имѣла никакого основанія въ нихъ сомнѣваться. А если теперь г. Маровскій пишетъ: я дѣйствительно не заставлялъ студентовъ читать исторіи у постели больного, то это такая противорѣчащая отговорка, которой комиссія не смѣла предполагать.

Въ заключеніе г. Маровскій жалуется уже и на факультетъ, будто бы ему не давши возможности защищаться и выяснить противорѣчія, не позволилъ ему взять на домъ документы. Это снова не такъ: факультетъ представлялъ ему снова взять докладъ комиссіи, но касательно документовъ, я обращаюсь теперь къ юридическому факультету и спрашиваю: слѣдуетъ ли обвиняемому въ чемъ либо дать на домъ документы, коихъ засвидѣтельствованныхъ копій нѣтъ, такъ какъ документы могутъ быть потеряны, сгорѣть и подлежать различнымъ случайностямъ. Но факультетъ представилъ г. Маровскому полную возможность въ канцеляріи дѣлать справки и сличенія извлеченій доклада комиссіи въ теченіе нѣсколькихъ дней съ самими документами. Когда же ему не дали на домъ документовъ въ оригиналъ, то онъ и не захотѣлъ брать доклада комиссіи и дать возраженія въ факультетѣ компетентнымъ лицамъ.

Наконецъ, не понимаю, къ чему г. Маровскій укоряетъ факультетъ, когда онъ самъ сознаетъ, что съ того времени какъ только дѣло его было передано Совѣтомъ на рѣшеніе факультета «напередъ можно было угадать, въ какую сторону склонится рѣшеніе послѣдняго». Въ сомнительномъ дѣлѣ напередъ рѣшеніе угадать едва-ли можно, поэтому дѣло г. Маровскаго, по его же мнѣнію, весьма несомнительное и рѣшеніе факультета, сообразно его ожиданію, какъ прямое заключеніе яснаго дѣла. Къ чему послѣ этого еще говорить о какихъ-то искателяхъ приключеній, о партіяхъ

и проч., когда во всемъ его дѣлѣ не было подано ни однимъ членомъ факультета ни одной бумаги иначе, какъ только отвѣтныя на его бумагу и когда подъ конецъ нѣкоторые члены факультета даже не захотѣли болѣе отвѣчать на послѣднія его нареканія.

По выслушаніи сего члены Совѣта опредѣлили: предоставить г. Ректору университета выдать проф. Маровскому копія съ упомянутыхъ въ рапортѣ документовъ для составленія имъ объясненія по содержанію вышеприведеннаго донесенія комиссіи, каковое объясненіе приложить къ дѣлу вмѣстѣ и съ нимъ представить г. Попечителю.

За симъ г. Ректоръ заявилъ слѣдующее: разслѣдованіемъ, произведеннымъ по дѣлу проф. Маровскаго особо назначенною комиссіею съ нѣсколькими донесеніями медицинскаго факультета, обнаруженъ цѣлый рядъ проступковъ его по нарушенію правилъ, которымъ подчинено завѣдываніе терапевтической клиникой.

Вмѣстѣ съ тѣмъ оказывается, что проф. Маровскій поставилъ себя въ полный разладъ съ стремленіями остальныхъ членовъ медицинскаго факультета, подрывая тѣмъ ту связь, которая должна соединять усилія отдѣльныхъ дѣятелей каждаго учрежденія, какъ необходимое условіе успѣшнаго достиженія общей цѣли. Уже этотъ разладъ и пререканія, возбужденныя въ факультетѣ проф. Маровскимъ, вредя успѣху самого дѣла, служатъ дурнымъ образцомъ для учащихся, еще вреднѣе въ этомъ отношеніи подаваемый имъ примѣръ сознательнаго нарушенія имъ порядка, установленнаго университетскими правилами и общими узаконеніями. Считаю долгомъ обратить на это вниманіе Совѣта.

По обсужденіи этого заявленія предложенъ былъ для рѣшенія закрытою подачею голосовъ слѣдующій вопросъ: слѣдуетъ ли просить г. Попечителя о доведеніи до свѣдѣнія г. Министра Народнаго Просвѣщенія, что Совѣтъ университета не находитъ съ своей стороны полезнымъ дальнѣйшее оставленіе проф. Маровскаго въ составѣ преподавателей Харьковскаго университета? Рѣшеніе этого вопроса, большинствомъ 15 голосовъ противъ 6, положено было произвести въ этомъ же засѣданіи Совѣта. По собраніи голосовъ оказалось, что означенный вопросъ рѣшенъ положительно большинствомъ 16 голосовъ противъ пяти; опредѣлили: согласно состоявшемуся рѣшенію представить г. Попечителю Харьковскаго учебнаго Округа.

Предъ подписаніемъ настоящаго журнала доложено было особое мнѣніе проф. Бекетова слѣдующаго содержанія: «Способъ рѣшенія Совѣтомъ, въ засѣданіи 24 ноября, вопроса объ удаленіи проф. Маровскаго, я нахожу не совсемъ правильнымъ и во всякомъ случаѣ отступающимъ отъ общепринятаго правила производить личныя баллотировки не въ томъ

самомъ засѣданіи, гдѣ состоялось рѣшеніе о самомъ баллотированіи, а въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій; при этомъ ссылаюсь на § 46 Устава, гдѣ баллотированіе не отличается отъ закрытой подачи голосовъ. Совѣтъ Харьковского университета первый, подавая примѣръ удаленія одного изъ своихъ членовъ, примѣняясь къ § 81, долженъ быть особенно осмотрителенъ, чтобы при рѣшеніи его были соблюдены всѣ формальности, требуемыя закономъ. Обращаю вниманіе Совѣта еще и на то обстоятельство, что даже самъ Уставъ придаетъ особенное значеніе подобному приговору, такъ какъ требуетъ для того, не простаго большинства, какъ въ случаѣ избранія, а двухъ третей голосовъ, а такъ какъ въ первомъ случаѣ (т. е. избранія) баллотировка откладывается до слѣдующаго засѣданія, о чемъ всѣ члены заранѣе увѣдомляются, то слѣдовательно для приговора объ удаленіи, мнѣ кажется, эта мѣра еще болѣе необходимою. Поэтому я предлагаю измѣнить еще неподписанное рѣшеніе Совѣта такимъ образомъ: предложеніе о представленіи къ увольненію проф. Маровскаго подвергнуть баллотированію (или закрытой подачѣ голосовъ) въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій Совѣта.

Къ этому мнѣнію присоединились члены Совѣта: Петровъ, Станкевичъ, Питра 2-й, Сокальскій, Добротворскій и Станиславскій; остальные же члены: Гарничъ-Гарницкій, Тихоновичъ, Хржонцевскій, Зарубинъ, Питра 1-й, Лазаревичъ, Леваковскій, Масловскій, Щелковъ, Лавровскій 1-й, Полумбецкій, Рославскій-Петровскій, Чернай и Ректоръ не раздѣляли этого мнѣнія по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) Порядокъ баллотированія, на несоблюденіе котораго въ настоящемъ случаѣ указываетъ проф. Бекетовъ, предписывается университетскимъ уставомъ только въ отношеніи къ избранію въ Совѣтъ кандидатовъ на преподавательскія должности, предлагаемыхъ факультетами. По § 70 Устава, кандидаты эти вносятся въ особую книгу и подвергаются баллотировкѣ не въ томъ засѣданіи Совѣта, когда предложены, а въ слѣдующемъ. Мѣра эта представляется совершенно необходимою въ подобныхъ случаяхъ, потому что предполагаемые факультетомъ кандидаты могутъ быть совершенно неизвѣстны большинству членовъ Совѣта: въ промежутокъ времени между двумя засѣданіями послѣднимъ предоставляется возможность обсудить мотивы, побудившіе подлежащій факультетъ къ предложенію кандидата, а иногда и собрать о немъ свѣдѣнія другимъ путемъ. Въ настоящемъ же случаѣ дѣло шло не объ избраніи на должность кандидата, предложеннаго факультетомъ, а касаясь одного изъ членовъ того же Совѣта и предложеніе личнаго о немъ вопроса мотивировались обстоятельствами, хорошо извѣстными всѣмъ участвовавшимъ въ рѣшеніи, такъ какъ обстоятельства эти были уже заявлены Совѣту въ другихъ засѣданіяхъ и имъ обсуждаемы.

2) § 81 Университетскаго Устава, на который ссылается проф. Бекетовъ, не подходит къ настоящему дѣлу, потому что побужденія къ выраженію Совѣтомъ мнѣнія относительно проф. Маровскаго истекали не изъ обвиненія въ *нерадѣннѣ*, а изъ заявленій иного рода. Упомянутый § Устава не требуетъ, кромѣ того, чтобы въ случаяхъ, къ которымъ онъ относится, подача закрытыхъ голосовъ производилась не въ томъ засѣданіи Совѣта, когда вопросъ предложенъ для рѣшенія, а въ слѣдующемъ, поставляя только непремѣннымъ условіемъ, чтобы приговоръ Совѣта утвержденъ былъ по крайней мѣрѣ двумя третями закрытыхъ голосовъ. Это условіе въ настоящемъ случаѣ, если примѣнить къ нему § 81 Устава было исполнено.

3) Отсутствіе въ Уставѣ указаній, которыя бы прямо относились къ разсматриваемому дѣлу, было причиной того, что прежде, нежели приступлено было къ подачѣ для рѣшенія онаго закрытыхъ голосовъ, большинство членовъ Совѣта, по надлежащемъ обсужденіи предмета, нашло нужнымъ сдѣлать особое постановленіе: произвести это рѣшеніе въ томъ же засѣданіи.

4) Въ повѣсткѣ, которою члены Совѣта приглашались въ засѣданіе 24 ноября, они были предувѣдомлены, что въ этомъ засѣданіи должно послѣдовать рѣшеніе по дѣлу проф. Маровскаго.

Опредѣлили: согласно большинству мнѣній заявленіе проф. Бекетова оставить безъ послѣдствій.

Присутствовавшій въ засѣданіи 24 ноября членъ Совѣта, проф. И. П. Сокальскій, по поводу рѣшенія дѣла проф. Маровскаго, остался, при особомъ мнѣніи, которое и доставилъ въ Совѣтъ 7 декабря 1867 г. Мнѣніе это слѣдующее:

«Въ ту минуту, когда я долженъ подписать протоколъ состоявшагося рѣшенія объ удаленіи проф. Маровскаго, я считаю моимъ долгомъ заявить причины, по которымъ я не могу приложить къ этому протоколу моей подписи.

Проф. Маровскій остается въ моихъ глазахъ и теперь тѣмъ же, чѣмъ былъ при началѣ дѣла, именно: человѣкомъ, котораго *злой умыселъ* не могъ быть доказанъ ни въ одномъ изъ тѣхъ нарушеній, за которыя онъ присужденъ къ удаленію.

Онъ виноватъ въ одномъ: въ нарушеніи формы, отчасти обычаевъ.

Собираніе денегъ въ пользу терапевтической клиники и самовольное ихъ расходованіе, безъ Совѣтскаго контроля, заслуживаетъ полнаго порицанія. Но коммиссія, наряженная по доносу г.г. ординаторовъ клиникъ послѣ самаго тщательнаго разслѣдованія дѣла, представила ясныя доказательства того, что деньги были употреблены для пользы терапевтиче-

ской клиники. На *волю* проф. Маровскаго не брошено и тѣни подозрѣнія. Самъ профессоръ не скрывалъ своихъ дѣйствій и признавалъ себя съ самаго начала виновникомъ въ томъ, что о пользѣ клиники радѣлъ *не оффиціальнымъ порядкомъ*. За нарушение формы въ этомъ случаѣ есть много способовъ административнаго взысканія. Удаленіе же отъ мѣста представляется мнѣ мѣрою самою крайнею, суровою и жестокою.

Обвиненіе въ неисполненіи г. Маровскимъ клиническихъ правилъ не представляетъ въ моихъ глазахъ той важности, какую желаютъ ему придать. Клиническія правила Харьковскаго университета, отступая отъ правилъ другихъ медицинскихъ коллегій, сами по себѣ неполнѣ точны. Притомъ же представляется еще совершенный просторъ для спора дѣйствительно ли они нарушены проф. Маровскимъ? Не ясно также, какія положенія имъ нарушены: существовавшія прежде, или изданныя съ началомъ новаго академическаго года (18⁸⁷/₆₈)?

Что касается до того, что проф. Маровскій расходится въ убѣжденіяхъ и стремленіяхъ съ остальными членами медицинскаго факультета, то, какъ это ни прискорбно, указываетъ только на самостоятельность его личныхъ убѣжденій и независимость характера. Никто не рѣшится дѣлать на этомъ основаніи выводовъ о некомпетентности проф. Маровскаго, какъ это предлагалъ медицинскій факультетъ на основаніи инициативы проф. Лямбля (послѣдовавшей за заявленіемъ послѣдняго объ оскорбленіи его проф. Маровскимъ). Самъ Совѣтъ не рѣшился быть судьей въ вопросѣ о некомпетентности проф. Маровскаго, предоставивъ окончательное рѣшеніе его на благоусмотрѣніе Его Сіятельства, г. Министра Народнаго Просвѣщенія, и разбору другихъ медицинскихъ коллегій, если послѣдуетъ на то рѣшеніе г. Министра. Независимость характера и различіе убѣжденій не могутъ служить сами по себѣ серьезнымъ поводомъ къ удаленію изъ какой бы то ни было коллегіи, какъ бы ни было сильно ея желаніе,—водворить полное единство въ мысляхъ, убѣжденіяхъ и стремленіяхъ своихъ членовъ. Различіями во мнѣніяхъ и убѣжденіяхъ только и подвигаются наука и практика впередъ, и они то предохраняютъ ихъ отъ возможнаго застоя. Удаленіе же профессора отъ мѣста за различіе мнѣній съ другими членами коллегіи—не имѣя того значенія *теперь*, какое оно могло имѣть въ средніе вѣка—непремѣнно броситъ тѣнь на его знаніе, способности и доброе имя.

Что касается до качествъ г. Маровскаго, какъ клинициста, то я желалъ бы сослаться въ этомъ случаѣ на спокойную, безпристрастную и, сколько мнѣ кажется, правдивую оцѣнку его способностей покойнымъ деканомъ медицинскаго факультета К. А. Демонси, который при оцѣнкѣ

сочинений г. Маровскаго, откровенно заявилъ (см. протоколы засѣданій Совѣта Харьк. унив. 1865. № 8. Стр. 10):

«Сочиненія обнаруживаютъ долговременное занятіе г. Маровскаго въ клиникахъ и госпиталяхъ наблюденіями при постели больного, а это есть уже ручательство въ томъ, что г. Маровскій можетъ быть современнымъ хорошимъ клиницистомъ».

Если жъ мы допустимъ, что проф. Маровскій на первыхъ порахъ своей службы и сдѣлалъ нѣсколько промаховъ, то эти промахи дѣлаетъ обыкновенно каждый, начинающій свою карьеру, и было бы болѣе справедливо отнестись къ нимъ по товарищески, такъ какъ г. деканъ медицинскаго факультета усматривалъ въ немъ тѣ критеріи, которыя необходимы для хорошаго клинициста.

Наконецъ, я не могу согласиться съ тѣмъ, чтобы проф. Маровскій могъ быть дурнымъ примѣромъ для студентовъ. Докторъ, который такъ много работаетъ вмѣстѣ съ студентами и для службы совершенно отказывается отъ частной практики, не можетъ быть дурнымъ примѣромъ для будущихъ врачей.

Настоящее мнѣніе имѣю честь покорнѣйше просить приложить къ протоколу объ удаленіи проф. Маровскаго».

Дѣло о Маровскомъ пошло своимъ порядкомъ по инстанціямъ къ высшему начальству и тянулось очень долго, такъ какъ увольненіе экстраординарнаго профессора терапевтической клиники Харьковскаго университета Л. А. Маровскаго отъ службы, по прошенію, было только лишь 19 октября 1868 года.

Однимъ изъ членовъ Совѣта, а именно проф. Н. А. Хржонцевскимъ, который, какъ въ факультетѣ, такъ равно и въ Совѣтѣ былъ противъ Маровскаго былъ поданъ въ Совѣтъ 31 мая 1868 года рапортъ слѣдующаго содержанія:

«Для меня дорого мнѣніе обо мнѣ каждого изъ членовъ Совѣта, но еще дороже для меня истина и чистота совѣсти, а потому я хочу теперь высказать твердо одно изъ своихъ убѣжденій, хотя бы это и показалось непріятнымъ для нѣкоторыхъ членовъ Совѣта.

Пять мѣсяцевъ тому назадъ я былъ однимъ изъ обвинителей проф. Маровскаго въ некомпетентности и раздѣлялъ также мнѣніе большинства членовъ Совѣта относительно другихъ противъ него обвиненій, на основаніи которыхъ Совѣтъ просилъ Министерство объ увольненіи проф. Маровскаго.

Такимъ образомъ я взялъ на себя значительную долю тяжелой нравственной отвѣтственности въ этомъ дѣлѣ, которымъ рѣшается вопросъ о чести и судьбѣ одного изъ нашихъ товарищей.

Теперь, на основаніи накопившихся съ тѣхъ поръ новыхъ данныхъ, я пришелъ къ твердому убѣжденію въ полной компетентности проф. Маровскаго, въ добросовѣстномъ исполненіи имъ своихъ обязанностей и въ томъ, что онъ служитъ для своихъ слушателей безукоризненнымъ нравственнымъ примѣромъ исполненія своего долга и приноситъ имъ дѣйствительно существенную научную пользу. Это протестъ моей совѣсти и моего глубокаго убѣжденія.

Данныя, служащія для меня основаніемъ, я не сообщаю Совѣту, потому что дѣло поступило уже на рѣшеніе въ Министерство. Я прошу Совѣтъ это мое заявленіе препроводить въ Министерство для пріобщенія къ дѣлу о проф. Маровскомъ. Опредѣлили: Имѣя въ виду, что общимъ уставомъ университетовъ узаконено только два способа рѣшенія дѣлъ въ университетскомъ Совѣтѣ, а именно: общій—съ подачею открытыхъ мнѣній (§ 45 съ примѣч.), и исключительный—баллотированіе или закрытая подача голосовъ (§ 46), т. е. такой способъ, по смыслу самаго дѣйствія котораго нельзя допустить подачу отъ члена, участвовавшего въ рѣшеніи предложеннаго на обсужденіе дѣла, письменнаго заявленія о тайномъ его отзывѣ по оному, и что проф. Хржонцевскій въ рапортѣ своемъ высказываетъ свое мнѣніе открыто по тѣмъ вопросамъ, которые были рѣшены въ факультетѣ и Совѣтѣ при участіи самого г. Хржонцевскаго, подписавшаго постановление, по этому дѣлу, закрытою подачею голосовъ, Совѣтъ университета, руководствуясь вышеизложенными соображеніями, вытекающими изъ смысла §§ 45 и 46 Устава, положилъ: настоящій рапортъ проф. Хржонцевскаго оставить безъ послѣдствій, тѣмъ болѣе, что письменному мнѣнію по дѣлу, рѣшенному въ ноябрѣ мѣсяцѣ прошлаго 1867 года, даже при открытой подачѣ голосовъ, нельзя было бы дать никакого движенія, согласно приведенному § 14 и 15 правилъ, принятыхъ Совѣтомъ къ руководству и исполненію, въ силу котораго письменныя мнѣнія подаются г. Ректору въ 7-дневный срокъ до подписанія проекта журнала по такому дѣлу. Такъ кончилось, судя по архивнымъ дѣламъ университета, дѣло о проф. Маровскомъ.

Слѣдя далѣе въ хронологическомъ порядкѣ за служебною дѣятельностью Лямбля, мы видимъ, что въ 1868 году медицинскій факультетъ поручилъ проф. Лямблю представить рецензію на сочиненія доктора Кремянскаго, который былъ представленъ проф. Зарубинымъ какъ кандидатъ на вакантную кафедру частной патологии и терапіи. 6 мая 1868 года проф. Лямбль читалъ въ засѣданіи медицинскаго факультета рефераты и свой отзывъ о слѣдующихъ печатныхъ работахъ Я. С. Кремянскаго: 1) О

кровооточивомъ воспаленіи твердой мозговой оболочки. Военно-мед. журн. 1865. 2) Ueber pachymeningitis haemorrhagica interna. Deutsche Klinik. 1865. 3) Pachymeningitis haemorrhagica. The lancet. 1865. 4) О кровооточивомъ воспаленіи твердой мозговой оболочки при существующей нынѣ эпидеміи тифа и возвратной горячкѣ въ С.-Петербургѣ. Мед. Вѣст. 1865. 5) То же и указаніе на связь этой болѣзни съ пьянствомъ. Проток. зас. общ. врачей въ С.-Петербургѣ. 1865. 6) Отвѣтъ доктора Кремянскаго доктору Чарльсу Мурчисону въ Лондонѣ, объ эпидеміи горячекъ и смертности въ С.-Петербургѣ. Мед. Вѣст. 1865. 7) О тифозной эпидеміи и о формахъ тифозной горячки вообще. Проток. зас. физ.-медиц. общ. въ Москвѣ. 1866. 8) Кровооточивое воспаление твердой мозговой оболочки отъ пьянства у людей и собакъ. Мед. Вѣстн. 1866. 9) Ueber die Pachymeningitis interna haemorrhagica bei Menschen und Hunden. Virchow's Archiv, 42 Band. 10) Aneurysma arcus aortae. Проток. общ. русскихъ врачей. 1866. 11) О воспаленіи и нагноеніи. Проток. зас. общ. русск. врачей въ С.-Петербургѣ. 1867. 12) Experimentale Untersuchungen über die Entstehung und Umwandlung der histologischen Entzündungsproducte. Wien. medic. Wochenschrift.

Рефераты и отзывъ проф. Лямбля о напечатанныхъ работахъ д-ра Кремянскаго напечатаны въ протоколахъ зас. Совѣта Имп. Харьк. университета за 1868 г. № 5. Стр. 176—192.

Проф. Лямбль далъ весьма лестный отзывъ о сочиненіяхъ д-ра Кремянскаго, при чемъ въ заключеніе выразился такъ: «Кремянскій заявилъ себя способностями и сочиненіями какъ человѣкъ отличной силы, пріобрѣтеніемъ которой слѣдуетъ дорожить всякой ученой корпораціи и что въ случаѣ, если факультетъ найдетъ въ немъ достойнаго кандидата для занятія вакантной каѳедры частной патологіи и терапіи, то онъ (Лямбль) съ своей стороны можетъ ручаться за полный успѣхъ такого выбора».

Кремянскій былъ выбранъ въ факультетъ и Совѣтъ большинствомъ голосовъ и впослѣдствіи назначенъ профессоромъ на каѳедру частной патологіи и терапіи.

Въ 1868 году профессоръ Лямбль четыре раза былъ назначаемъ официальнымъ оппонентомъ при защитѣ докторскихъ диссертаций, а именно: 24 мая при защитѣ лѣкаремъ Алексѣемъ Дудукаловымъ диссертации подъ названіемъ: «Наблюденія и опыты надъ возстановленіемъ костнаго небнаго свода» и лѣкаремъ Дмитріемъ Котелевскимъ, — подъ названіемъ «Къ ученію о судебно-медицинскомъ вопросѣ, родился ли младенецъ живымъ или мертвымъ?»; 21 сентября при защитѣ лѣкаремъ Александромъ Кузнецовымъ диссертации подъ заглавіемъ «Матеріалы для исторіи развитія кожи», и 1 ноября при защитѣ лѣкаремъ Павломъ

Ясинскимъ диссертациі, озаглавленной «Къ ученію о строеніи дѣтскаго мѣста».

Въ октябрѣ мѣсяцѣ проф. Лямбль представилъ, присланные проф. Падуанскаго университета Брунетти въ даръ Харьковскому университету, 22 анатомическихъ препарата, приготовленныхъ по собственному способу.

Въ засѣданіи медицинскаго факультета 12 декабря 1868 г. слушано было письменное мнѣніе проф. Хржонщевскаго о достоинствѣ сочиненій, представленныхъ неизвѣстными лицами на темы (о лимфатическихъ сосудахъ), заданные медицинскимъ факультетомъ для соисканія наградъ медалями. При этомъ нѣкоторыми членами факультета (проф. Лямбль и Вагнеръ) заявлено было желаніе видѣть, если окажется это возможнымъ, микроскопическіе препараты, относящіеся къ этимъ сочиненіямъ. Вслѣдствіе такого заявленія факультетъ, большинствомъ голосовъ, положилъ отложить сужденіе о представленныхъ сочиненіяхъ до слѣдующаго засѣданія, а неизвѣстныхъ авторовъ пригласить доставить въ факультетъ, если это окажется возможнымъ, препараты, относящіеся къ ихъ сочиненіямъ.

Въ засѣданіи факультета 19 декабря приступлено было къ обсужденію достоинства сочиненій, представленныхъ неизвѣстными авторами для соисканія награды медалями. При этомъ деканъ факультета заявилъ, что сдѣланное имъ объявленіе, въ которомъ онъ просилъ неизвѣстныхъ лицъ представить препараты, относящіеся къ ихъ сочиненіямъ, осталось безуспѣшнымъ и, кромѣ того, что имъ получены два прошенія: одно отъ бывшаго студента V курса Рындовскаго, а другое отъ студента III курса Кисилева, въ которыхъ эти лица, объявляя себя авторами поданныхъ факультету сочиненій, просятъ возвратить имъ эти сочиненія, не подвергая ихъ обсужденію въ факультетѣ. Принимая во вниманіе, что означенныя прошенія могутъ быть удовлетворены не иначе, какъ по вскрытіи запечатанныхъ пакетовъ, содержащихъ въ себѣ имена авторовъ представленныхъ сочиненій и что вскрытіе таковыхъ можетъ быть сдѣлано только Совѣтомъ университета, которому Уставомъ предоставлено право присужденія наградъ за сочиненія, представленные неизвѣстными лицами на темы, ежегодно задаваемые факультетомъ, медицинскій факультетъ положилъ не прекращать сужденій о достоинствѣ сочиненій, представить ихъ, съ состоявшимся мнѣніемъ факультета, въ Совѣтъ, передавъ туда же и прошенія гг. Рындовскаго и Кисилева. При этомъ проф. Лямбль заявилъ слѣдующее:

Въ послѣднемъ засѣданіи факультета 12-го декабря, поднятъ была мною вопросъ о *препаратахъ*, на которыхъ основываются двѣ работы кандидатовъ на полученіе золотой медали и состоялось рѣшеніе факультета

высказать желаніе, чтобы нѣкоторые изъ препаратовъ, если такіе имѣются, были представлены въ медицинскій факультетъ. Въ интересъ правильного обсужденія этого дѣла, равно какъ и во избѣжаніе невѣрныхъ толкованій о моихъ мотивахъ при подобныхъ случаяхъ, могущихъ встрѣтиться въ будущемъ времени, я позволяю себѣ изложить вкратцѣ мое отношеніе къ дѣлу о золотой медали.

На вопросъ г. Декана, какое мнѣніе членовъ медицинскаго факультета о поступившихъ на золотую медаль сочиненіяхъ, я сказалъ, что *основательное мнѣніе о сочиненіяхъ анатомическаго содержанія можно мнѣ подать только посредствомъ повѣрки препаратовъ* и что поэтому желательно видѣть хотя нѣкоторые изъ описанныхъ и срисованныхъ предметовъ сочиненій соиздателей.

Къ сожалѣнію, г. проф. Хржонцевскій старался перевести вопросъ на почву своей личности, считая мое заявленіе оскорбительнымъ, какъ выраженіе недовѣрія къ нему, какъ къ компетентному судѣ по этой специальности, словомъ, онъ ожидалъ, что мнѣніе его, высказанное въ особомъ рапортѣ, должно быть принято факультетомъ безпрекословно. По этому пункту я не могу согласиться съ г. Хржонцевскимъ. Если-бы дѣло шло о пертурбаціяхъ планетъ, или о китайскомъ языкѣ, то я, какъ членъ медицинскаго факультета, считалъ-бы себя не компетентнымъ для подачи мнѣнія, но если мнѣ будутъ представлены микроскопическіе препараты печени и почекъ, то я надѣюсь понять, въ чемъ дѣло. Поэтому я и согласенъ съ заявленіемъ г. Декана, который замѣтилъ, что факультетъ поручаетъ рефератъ объ извѣстномъ предметѣ тому или другому члену, но что, тѣмъ не менѣе, *каждый* членъ факультета имѣетъ право высказывать свое собственное мнѣніе. Я понимаю, что для *сознательной* подачи голоса въ пользу награды за сочиненіе золотою медалью нужно имѣть возможность провѣрить ученый трудъ систематическаго содержанія, не какъ исписанную бумагу, наполненную положеніями, хотя-бы и вѣроятными, а какъ предметъ естественной науки, въ которой все сводится главнымъ образомъ къ тому, чтобы убѣдиться, насколько описаніе или рисунокъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Въ этомъ отношеніи опытъ меня научилъ быть осторожнымъ въ соглашеніи со мнѣніемъ другаго, именно г. Хржонцевскаго.

Медицинскій факультетъ поручилъ ему рецензію послѣдней диссертациі о строеніи плаценты, которую г. Хржонцевскій расхвалилъ не только въ рапортѣ своемъ въ медицинскій факультетъ, но и въ рефератѣ напечатанномъ въ архивѣ Вирхова (1868, Т. 44, стр. 25), гдѣ сказано, что, *разсмотрѣвъ превосходныя препараты* г. Ясинскаго, онъ (г. Хржонцевскій) убѣдился въ вѣрности такихъ-то выводовъ, которые перечисляются какъ

будто научныя новости. Между тѣмъ, приступивъ самъ къ разбору этой диссертаци, я долженъ былъ сказать, что въ ней не только ничего новаго нѣтъ, кромѣ недостатковъ въ сравненіи съ тѣмъ, что уже давно извѣстно о пляцентѣ, но въ особенности меня поражали несообразныя съ настоящимъ предметомъ рисунки. Когда медицинскій факультетъ меня назначилъ официальнымъ оппонентомъ, я обратился къ г. кандидату съ просьбою познакомить меня съ нѣкоторыми изъ его препаратовъ. Спусти нѣсколько дней, я получилъ письменное извиненіе въ томъ, что препараты уже испортились. Въ продолженіе слѣдующихъ 8 дней я занялся пересмотромъ своихъ старыхъ препаратовъ и рисунковъ и спиченіемъ со свѣжею удачно налитой пляцентою. Оказалось, что методъ изолированія, рекомендуемый г. Хржонцевскимъ, посредствомъ соляной кислоты (хотя и этотъ методъ не новость), при изслѣдованіи пляценты не представляетъ никакихъ выгодъ въ сравненіи съ другими способами preparatій. При защищеніи диссертаци я долженъ былъ указать, что изображеніе пляценты представляетъ на первый взглядъ невѣроятныя отношенія клѣточекъ и ворсинъ; что если первый рисунокъ снять при 25-кратномъ увеличеніи, то второй, имѣющій размѣры вдвое больше, не можетъ представлять 300-кратнаго увеличенія, какъ это обозначено въ объясненіи; что кровеносныя сосуды нарисованы въ такомъ фантастическомъ видѣ, при которомъ кровообращеніе невозможно, словомъ, нигдѣ въ органическомъ мірѣ, но тѣмъ менѣе въ прекрасной, простой, ясной ткани пляценты, такихъ противорѣчій не можетъ быть, какъ они нарисованы въ упомянутой диссертаци.

Въ настоящее время факультету опять предстоитъ рѣшить объ ученыхъ трудахъ, достоинство которыхъ, по моему мнѣнію, опредѣлялось-бы лучше препаратами, нежели громкимъ авторитетомъ компетентнаго специалиста, который, можетъ быть, не безъ увлеченія ставитъ работу гг. студентовъ состязателей выше всѣхъ подобныхъ работъ заграничныхъ мастеровъ. Хотя г. Хржонцевскій съ жаромъ и съ натянутой діалектикой старался доказать, что можно сохранять всѣ возможные препараты, какъ-то: желудка, мочеваго пузыря, легкихъ и т. п., только не такіе препараты печени и почекъ, которыми занимались гг. студенты, то это меня убѣждаетъ только въ томъ, что онъ желалъ порѣшить все дѣло безъ препаратовъ. Съ своей стороны я заявляю предъ факультетомъ высказанное мною къ г. Хржонцевскому (послѣ засѣданія факультета 12-го декабря) желаніе: «Чтобы поднятый мною вопросъ не былъ представленъ неизвѣстнымъ мнѣ состязателямъ въ видѣ затрудненія въ полученіи награды». Отвѣтъ г. Хржонцевскаго, что «иначе и представить нельзя» заставляетъ меня еще разъ обратиться къ факультету съ рѣши-

тельнымъ повтореніемъ, что «Мое прежнее заявленіе о препаратахъ не направлено противъ правильнаго рѣшенія дѣла факультетомъ и Совѣтомъ».

При обсужденіи затѣмъ самыхъ препаратовъ факультетъ призналъ единогласно оба сочиненія достойными награды медалями. За сочиненіе «Лимфатическіе сосуды печени» Кисилеву присуждена золотая медаль и за сочиненіе «О лимфатическихъ сосудахъ почки» Рындовскому серебряная медаль.

Въ декабрѣ 1868 года проф. Лямбль участвовалъ въ комиссіи, назначенной Совѣтомъ университета для разслѣдованія дѣла, возбужденнаго проф. Лазаревичемъ объ удаленіи акушерки Винтерфельдъ за вредныя дѣйствія послѣдней на службѣ.

30-го октября 1869 г. проф. Лямбль представилъ въ факультетъ свою статью «Три случая опухолей яичниковъ» съ просьбой напечатать ее въ приложеніяхъ къ протоколамъ совѣтскихъ засѣданій. Просьба эта Совѣтомъ уважена и статья напечатана.

Въ засѣданіи медицинскаго факультета 6-го ноября 1869 года выслушаны были мнѣнія Кремянскаго и Лямбля о достоинствѣ сочиненія лѣкаря А. Леонтовича, подъ названіемъ «Матеріалы къ ученію о происхожденіи эпителиальнаго рака», представленнаго какъ диссертация на степень доктора медицины. Оба рецензента нашли диссертацию неудовлетворительною. Прочитанныя мнѣнія проф. Лямбля и доцента Кремянскаго по опредѣленію Совѣта 20-го декабря напечатаны въ протоколахъ засѣданій Совѣта.

Въ 1869 году проф. Хржонцевскій перешелъ на службу въ университетъ Св. Владиміра, а потому кѣедрa гистологіи въ Харьковѣ осталась вакантною. На эту кѣедру предложены были два кандидата: проф. Штида изъ Дерпта и Голубевъ изъ Казани. Въ послѣдствіи проф. Штида отказался отъ своего желанія перейти въ Харьковскій университетъ, такъ что остался одинъ кандидатъ Голубевъ. Работы Голубева переданы на рецензію доц. Кремянскаго и проф. Лямбля (обѣ рецензіи напечатаны въ протоколахъ засѣд. Совѣта Императорскаго Харьковскаго Университета за 1869 и 1870 гг. № 1-й), при чемъ послѣдній представилъ въ факультетъ отзывъ о статьѣ Голубева подъ заглавіемъ: «Beiträge zur Kenntniss des Baues und der Entwicklungsgeschichte der Capillargefässe des Frosches». Отзывъ проф. Лямбля былъ вполне благопріятный и даже больше, весьма похвальный для Голубева. Отзывъ свой проф. Лямбль заканчиваетъ слѣдующими словами: «г. Голубевъ рекомендуетъ себя какъ наблюдатель, обладающій хорошимъ знаніемъ микроскопическихъ приѣмовъ, необходимымъ при такихъ занятіяхъ прилежаніемъ и яснымъ, всестороннимъ обсужденіемъ дѣла. Вся работа отличается научною точностью

и привлекательнымъ способомъ изложенія безъ всякихъ лишннихъ увлеченій».

2-го апрѣля 1870 года Лямбль обратился съ просьбой въ факультетъ разрѣшить ему выписать изъ за границы для музея патологической анатоміи хорошую коллекцію патологическихъ препаратовъ, изображающихъ разныя болѣзни гортани, отъ специалиста по этимъ болѣзнямъ д-ра Тибольда, на что и получилъ согласіе факультета.

Въ засѣданіе медицинскаго факультета 16 мая 1870 года отъ проф. Лазаревича поступили два рапорта о незаконныхъ поступкахъ акушерки Винтерфельдъ, причемъ онъ настаивалъ на удаленіи ея отъ мѣста. Съ предложеніемъ проф. Лазаревича были согласны почти всѣ члены факультета, кромѣ проф. Питра I и Лямбля. Послѣдній по этому дѣлу представилъ слѣдующее отдѣльное мнѣніе:

«Письменныя и словесныя объясненія г. директора акушерской клиники, выслушанныя въ засѣданіи факультета 16 мая 1870 г., не имѣютъ, по моему мнѣнію, того объективнаго значенія, чтобы можно было согласиться съ желаніемъ его объ удаленіи старшей акушерки. Эти объясненія сводятся къ слѣдующимъ существеннымъ пунктамъ:

1) Высказывается подозрѣніе, что старшая акушерка при поступленіи на службу не имѣла законнаго диплома.

2) Упрекъ въ томъ, что старшая акушерка «невѣжественная, незнающая техническихъ пріемовъ и безнравственная женщина, за что-бы слѣдовало ее отдать подъ судъ».

3) Обвиненіе ея въ зловредномъ вліяніи на клиническое преподаваніе.

Первый изъ этихъ пунктовъ, если бы былъ справедливъ, падалъ бы на отвѣтственность Совѣта, которому пришлось бы оправдаться въ противозаконномъ дѣйствіи.

Второй пунктъ опровергается болѣе чѣмъ 40-лѣтнею службою старшей акушерки, имѣвшей въ своей практикѣ около 12.000 родовъ и пользующейся лучшею репутаціею во всѣхъ слояхъ общества, относительно своего искусства, равно какъ и въ нравственномъ отношеніи.

Третій пунктъ на столько сомнителенъ, на сколько недоказанъ никакимъ фактическимъ нарушеніемъ *служебныхъ* обязанностей и постановленій устава.

Признавая вполнѣ непріятности, вытекающія изъ ненормальности *личныхъ* отношеній между директоромъ клиники и старшей акушерки, я не нахожу законныхъ основаній для удаленія ея; мнѣ кажется, что согласиться съ желаніемъ директора акушерской клиники, на основаніи приводимыхъ имъ нареканій, значитъ клеймить позорнымъ образомъ личность посты многолѣтней, трудной, безукоризненной службы при университетѣ, но такого рода *consilium abeundi* не согласенъ съ обычаемъ корпорации.

30 мая 1870 г. Совѣтъ университета поручилъ преподаваніе въ 1870/71 акад. году общей патологіи проф. Лямблю, по случаю перехода проф. Хржонцевскаго въ Кіевъ. Тотъ же предметъ проф. Лямбль преподавалъ также и въ первой половинѣ 1871/72 акад. года.

17 декабря проф. Лямбль представилъ *отчетъ* о занятіяхъ стипендіата лѣкаря Ивана *Багинскаго* въ продолженіе перваго полугодія 1870/71 акад. года слѣдующаго содержанія:

1. Стипендіатъ сдѣлалъ 8 патолого-анатомическихъ *вскрытій* въ анатомическихъ театрахъ Харьковской губернской земской больницы и Императорскаго Харьковского университета и составилъ протоколы этихъ вскрытій.

2. При вскрытіяхъ *клиническихъ* труповъ стипендіатъ присутствовалъ въ качествѣ ассистента.

3. Болѣзненные измѣненія органовъ, найденныя при вскрытіяхъ, были предметомъ *микроскопическихъ* изслѣдованій, въ которыхъ стипендіатъ упражнялся подъ моимъ руководствомъ.

4. Стипендіатъ занимался приготовленіемъ *макро-и микроскопическихъ* препаратовъ, находящихся въ кабинетѣ патологической анатоміи.

5. Стипендіатъ дѣлалъ *инъекціи* и анатомическія изслѣдованія *послѣдовъ* и труповъ *новорожденныхъ*, получаемыхъ изъ родо-вспомогательнаго дома; нѣкоторые изъ этихъ препаратовъ хранятся также въ кабинетѣ патологической анатоміи.

6. Посѣщалъ правильно и постоянно систематическія *чтенія патологической анатоміи* и слѣдилъ за результатами *судебныхъ вскрытій* труповъ, съ цѣлью сохраненія препаратовъ, пригодныхъ для сбереженія и демонстраціи при изложеніи научнаго предмета.

7. Кромѣ приведенныхъ, почти непрерывныхъ занятій, стипендіатъ поставилъ себѣ задачу изслѣдовать *кровь при возвращающейся лихорадкѣ* и дѣлалъ опыты физиологической инъекціи по собственному имъ придуманному способу.

8. Письменныхъ работъ, кромѣ вышеприведенныхъ протоколовъ вскрытій стипендіатъ представилъ двѣ:

a) *Къ ученію объ ущемленіяхъ кишекъ въ задне-маточномъ пространствѣ*. Описаніе замѣчательнаго случая съ подробнымъ разборомъ, сравненіемъ съ необходимыми случаями изъ литературы и графическими объясненіями въ видѣ фантома.

b) *Cystis dermoidalis ovarii*. Описаніе, микроскопическое изслѣдованіе (съ препаратами) и историческія примѣчанія. Первый изъ этихъ случаевъ (a) былъ предметомъ клиническаго вскрытія трупа женщины, умершей въ терапевтической клиникѣ проф. Лашкевича; второй (b) былъ

доставленъ послѣ оваріатоміи, сдѣланной проф. Грубе въ хирургической клиникѣ. Оба эти предмета, послѣ тщательной обработки со стороны стипендіата, были имъ-же сообщены въ Харьковскомъ медицинскомъ обществѣ, въ протоколахъ котораго будутъ обѣ статьи напечатаны. О способности, прилежаніи и успѣхахъ стипендіата Башинскаго я могу высказаться, на основаніи приведенныхъ фактовъ, самымъ похвальнымъ отзывомъ.

Профессоръ Кремянскій вошелъ въ медицинскій факультетъ 14-го января 1871 года съ рапортомъ слѣдующаго содержанія: «Имѣю честь просить благосклоннаго вниманія факультета къ тому обстоятельству, что профессоръ, иностранный докторъ медицины Лямбль, одинъ изъ почтенныхъ членовъ нашего факультета, не имѣетъ русской степени доктора медицины, не смотря на то, что имѣетъ большія ученія заслуги, дающія право на эту степень. Изъ числа этихъ заслугъ указываю на то, что проф. Лямбль написалъ значительное число извѣстныхъ факультету сочиненій, изъ которыхъ нѣкоторые имѣли такое высокое ученое достоинство, что подали поводъ извѣстному германскому ученому Ферстеру внести имя Лямбля въ число важныхъ историческихъ дѣятелей медицинской науки. Одно изъ этихъ сочиненій напечатано на нѣмецкомъ, другія на русскомъ и иностранныхъ языкахъ; но достаточно при этомъ указать на сочиненіе проф. Лямбля «О микроскопическомъ изслѣдованіи кишечныхъ испражненій», напечатанное на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ, какъ на такое сочиненіе, которое можетъ равняться любой отличнѣйшей русской диссертациі на степень доктора медицины. Кромѣ того факультету извѣстно, что проф. Лямбль преподавалъ съ успѣхомъ въ разное время пять предметовъ, а именно: нормальную и патологическую анатомію, гистологію, терапевтическую клинику и общую патологію. На этомъ основаніи я, какъ членъ факультета, долгомъ считаю ходатайствовать предъ факультетомъ о томъ, чтобы факультетъ удостоилъ проф. Лямбля степени почетнаго доктора медицины на основаніи 1-го примѣчанія къ § 113 унив. устава». Члены факультетскаго собранія, вполне соглашаясь съ мотивами, изложенными въ упомянутомъ рапортѣ, принимали при этомъ въ соображеніе, что медицинскій факультетъ, при удостоеніи проф. Лямбля степени доктора медицины, не можетъ имѣть въ виду предоставленія ему какихъ либо матеріальныхъ выгодъ или какихъ нибудь правъ въ формальномъ отношеніи, такъ какъ онъ не нуждается ни въ тѣхъ, ни въ другихъ. Но, подвергая спокойному обсужденію прекрасные ученые труды г. Лямбля, снискавшіе ему почетную извѣстность въ цѣлой Европѣ, равнымъ образомъ обращая вниманіе на важныя педагогическія заслуги, оказанныя имъ медицинскому факультету въ теченіе 10-ти-лѣтняго отличнаго преподаванія по разнымъ кафедрамъ,

въ особенности по кафедрѣ патологической анатоміи, члены медицинскаго собранія сходились въ томъ убѣжденіи, что предоставленіе г. Лямблю степени доктора медицины послужитъ съ его стороны лишь только слабымъ выраженіемъ справедливой и должной оцѣнки ученыхъ и преподавательскихъ достоинствъ этого профессора. Въ этихъ видахъ они приступили къ закрытой подачѣ голосовъ, при чемъ въ результатѣ ея оказалось 9 голосовъ избирательныхъ и ни одного неизбирательнаго. На основаніи вышеизложеннаго, медицинскій факультетъ считаетъ своимъ долгомъ ходатайствовать предъ Совѣтомъ университета объ утвержденіи проф. Лямбля въ степени доктора медицины.

Совѣтъ положилъ баллотировать этотъ вопросъ въ слѣдующемъ засѣданіи. Въ засѣданіи Совѣта 18-го февраля 1871 года произведена баллотировка проф. Лямбля, для возведенія его въ ученую степень доктора медицины, при чемъ оказалось утвердительныхъ 17 и отрицательныхъ 13 балловъ. Такимъ образомъ Лямбль былъ утвержденъ въ степени доктора медицины.

31-го мая того-же года проф. Лямбль заявилъ Совѣту университета о своемъ желаніи и готовности читать лекціи по этнологіи на имѣющей быть лѣтомъ 1872 года политехнической выставкѣ въ Москвѣ.

15-го апрѣля 1871 года проф. Зарубинъ предложилъ медицинскому факультету доктора И. Оболенскаго, какъ кандидата для занятія вакантной кафедры общей патологіи. По сему случаю факультетомъ предложено было нѣсколькимъ профессорамъ, въ томъ числѣ и проф. Лямблю представить письменныя рецензіи на сочиненія Оболенскаго. Рецензіи эти напечатаны въ приложеніяхъ къ протоколамъ засѣд. Совѣта Харьковскаго университета за 1871 г. № 7. Проф. Лямбль представилъ свое мнѣніе о трехъ статьяхъ доктора И. Оболенскаго: 1) «Сосочковая опухоль гайморовой полости» и 2) «О дифференціальной діагностики лимфо-саркомъ» и 3) Миксо-аденома грудной железы мужчины». Отзывъ проф. Лямбля былъ вполне благопріятный для доктора Оболенскаго и о сочиненіяхъ этого послѣдняго Лямбль отзывался такъ: «Всѣ они, несмотря на свой небольшой объемъ, имѣютъ неоспоримое значеніе для науки, особенно для патологической анатоміи и общей патологіи, потому что нѣкоторые, описываемые въ нихъ случаи новообразованій отличаются рѣдкостью, а самое описаніе всѣхъ ихъ особенно тщательною обработкою со стороны автора».

Въ засѣданіи медицинскаго факультета 18-го ноября 1871 года г. Деканъ факультета заявилъ о полученномъ имъ отъ проф. Лямбля письмѣ слѣдующаго содержанія:

«Получивъ официальное извѣстіе о предстоящемъ переводѣ въ Варшавскій университетъ, я имѣю честь увѣдомить Васъ объ этомъ

съ тою цѣлью, чтобы Вы назначили кого нибудь изъ членовъ медицинскаго факультета для передачи ему кабинета. По моему мнѣнію, проф. Вагнеръ могъ-бы принять кабинетъ безъ большихъ хлопотъ, такъ какъ онъ уже лучше другихъ коллегъ знаетъ анатомическое заведеніе, въ которомъ онъ на половину самъ хозяинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ покорно прошу принять это заявленіе за формальное увѣдомленіе и доложить объ этомъ въ засѣданіи факультета. Годовой отчетъ за 1871 годъ будетъ мною доставленъ чрезъ г. прозектора Гана еще до моего отъѣзда». Факультетъ поручилъ прозектору Гану принять отъ проф. Лямбля патолого-анатомическій кабинетъ.

Перемѣщенъ проф. Лямбль въ Варшавскій университетъ на кафедру терапевтической факультетской клиники 13-го ноября 1871 года.

Итогируя дѣятельность проф. Лямбля въ Харьковскомъ университетѣ, мы видимъ, что онъ:

1. Своими стараніями и хлопотами улучшилъ условія преподаванія нормальной и патологической анатоміи.

2. Во время пребыванія въ Харьковѣ исполнялъ обязанности преподавателя по кафедрамъ нормальной анатоміи, гистологіи, патологической анатоміи, общей патологіи и терапевтической факультетской клиники.

3. Два раза былъ командированъ на всемірныя выставки (Лондонъ и Парижъ).

4. Три раза участвовалъ въ комиссіяхъ по разнымъ факультетскимъ и университетскимъ дѣламъ.

5. Представилъ *одинадцать* мнѣній и рецензій на сочиненія разныхъ лицъ, искавшихъ преподавательскихъ должностей.

6. Написалъ *три* рецензіи диссертаций и на сочиненія для соисканія медалей.

7. Написалъ *два* отзыва о преподавательской дѣятельности разныхъ лицъ.

8. Представилъ *семнадцать* рапортовъ по поводу различныхъ вопросовъ, касающихся преподаванія, экзаменовъ, препаратовъ, трупнаго матеріала, библіотеки, служащихъ и проч.

9. Составилъ программу на конкурсъ для занятія должности прозектора при кафедрѣ патологической анатоміи, проектъ для производства вскрытій въ Харьковской губернской земской больницѣ и инструкцію обязанностей прозектора и помощника прозектора при кафедрѣ нормальной анатоміи.

10. Редактировалъ литографированныя записки патологической анатоміи.
